

ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

СЕСТРА

ЛУИЗА ДЖЕНСЕН

Annotation

Чарли – лучшая подруга Грейс, которой она может доверить любой секрет, поэтому ее внезапная гибель раскалывает жизнь Грейс на «до» и «после». Ей не дают покоя последние слова Чарли. За что она просила прощения? В чем хотела признаться?

В поисках ответов Грейс неожиданно выходит на Анну, утверждающую, что она – сестра Чарли. Очень скоро Анна завоевывает доверие и дружбу Грейс. И тогда начинается что-то странное. У Грейс пропадают вещи. Ее жених Дэн ведет себя все более подозрительно. И, самое ужасное, за ней явно кто-то следит...

Может быть, это всего лишь плод воображения Грейс, как уверяют ее Дэн и Анна. А может, кто-то из них ей лжет?

Чем ближе Грейс подбирается к правде о гибели Чарли, тем в большей опасности она оказывается...

- [Луиза Дженсен](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)

- [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Глава 43](#)
 - [Глава 44](#)
 - [Глава 45](#)
 - [Глава 46](#)
 - [Глава 47](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-

Луиза Дженсен

Сестра

Роман

*Посвящается горячо любимому Иену Хоули,
которого мне так не хватает*

Louise Jensen
The Sister

* * *

Печатается с разрешения Lorella Belli Literary Agency и Synopsis Literary Agency.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Louise Jensen, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Глава 1

Настоящее

Выхожу из машины, ощущая биение сердца и тяжесть в ногах, застегиваю молнию на куртке и натягиваю кожаные перчатки. Потом вытаскиваю из багажника лопату и рюкзак: пора. В резиновых сапогах шлепаю по грязи в сторону пролома в живой изгороди. Он находился там всегда, сколько я себя помню. Содрогаюсь, вхожу в лес. Здесь темнее, чем я думала, и, чтобы успокоиться, несколько раз глубоко вдыхаю насыщенный хвоей воздух. Борюсь с острым желанием уйти домой и вернуться утром, напоминая себе, зачем я здесь, и гоню себя вперед.

Освещая путь смартфоном, я шагаю с оглядкой на кроличьи норы, о которые могла бы споткнуться. Переступаю через поваленные стволы деревьев, через которые когда-то перепрыгивала. Мне двадцать пять, и я еще не так стара для бега, но у меня неудобная ноша, к тому же я не очень спешу к своей цели. Я и не думала, что мне придется делать это в одиночку.

Я останавливаюсь, прислоняю ручку лопаты к бедру и трясу затекшей рукой, чтобы прекратилось покалывание в пальцах. В кустах что-то шуршит, и у меня возникает ощущение, что за мной следят. Сердце замирает, когда из кустов выскакивают два кролика и несутся прочь, увидев свет моего смартфона. «Все хорошо», – убеждаю я себя вслух, но голос кажется громким и гулким, напоминая о том, как я здесь одинока.

Лямки рюкзака врезаются в плечи, я поправляю их и снова иду вперед, наступая на хрупкие ветки. Я уже начинаю думать, что выбрала на развилке неверное направление, но тут наконец выхожу на поляну с расщепленным молнией деревом. У меня не было уверенности, что оно по-прежнему будет здесь, но, когда оглядываюсь, кажется, что ничего не изменилось – хотя конечно же изменилось все. Воспоминания о прошлом налетают с такой силой, что я с трудом перевожу дыхание, опускаясь на землю. Сырость от листьев и земли просачивается сквозь брючную ткань, а прошлое просачивается в настоящее.

– Поторопись, именинница, при таком темпе тебе успеет исполниться шестнадцать. Я замерзаю! – крикнула мне Чарли. Она забралась на калитку, ведущую на кукурузное поле, повсюду были разбросаны пластиковые пакеты, а ее светлые волосы сияли в лучах тусклого красновато-оранжевого

солнца. Нетерпеливая Чарли томилась в ожидании, пока я медленно тащила к ней, бережно держа коробку, в которой хранились наши мечты и надежды.

– Давай же, Грейс. – Она соскочила на землю, сгребла пакеты и устремилась в лес. Я поудобнее перехватила под мышкой коробку и постаралась не отставать, следуя за мельканием ее лиловой куртки и флюидами спрея-дезодоранта «Импульс», который она тайком брала из спальни своей матери.

Ветки колючего кустарника хватали нас за обтянутые джинсами ноги, цеплялись за волосы, но мы продолжали идти, пока не выбрались на поляну.

– У тебя лицо покраснело, теперь оно одного цвета с волосами, – засмеялась Чарли, когда я опустила коробку на землю и, упершись руками в колени, наклонилась, стараясь восстановить дыхание. Несмотря на прохладу раннего вечера, на висках у меня выступили бусинки пота. Чарли перевернула вверх дном пластиковые сумки. Еда, напитки, спички, садовый совок и маленький подарок, завернутый в блестящую фиолетовую бумагу с наклеенным на нее стикером «Пятнадцать лет» – все рассыпалось по комковатой земле. Улыбнувшись, она вручила мне подарок. Я села, скрестив ноги, тщательно развернула упаковку, так чтобы не порвать бумагу, и медленно высвободила коробочку. Внутри лежала половинка золотого сердца на цепочке, на нем было выгравировано «ЛДН» («Лучшие друзья навсегда»). Я посмотрела на Чарли, и глаза защипало от слез. Она оттянула ворот толстовки, обнажая вторую половинку сердца. Я застегнула цепочку на шее, а Чарли начала копать яму. Я, как истинная девочка-скаут, разожгла костер. Когда солнце зайдет, станет еще холоднее, а вечера теперь наступали быстро. К тому времени, как яма была достаточно глубока, Чарли запыхалась, а под ее ногти забились грязь.

Я принесла коробку и опустила в яму. Мы провели целую субботу, выбирая то, что следует в нее положить, и оклеивая внешнюю сторону пластиковой емкости журнальными фотографиями супермоделей и поп-звезд, на которых мы хотели быть похожими.

– Невозможно быть слишком богатым или слишком худым, – сказала Чарли, подгребая землю и засыпая яму.

– Подожди! – крикнула я. – Хочу положить внутрь вот это. – Я помахала в воздухе упаковочной подарочной бумагой.

– Нельзя, мы ее уже запечатали.

– Я осторожно. – Я медленно отодрала скотч и откинула крышку. К моему удивлению, поверх кипы фотографий лежал розовый конверт,

которого там определенно не было, когда мы наполняли коробку. Я бросила быстрый взгляд на Чарли, у нее был таинственный вид. – Что это, Чарли? – потянулась я к конверту.

Чарли схватила меня за руку:

– Не трогай.

Я вырвала руку.

– Что это? – переспросила я, потирая запястье.

Чарли отвела взгляд.

– Мы должны это прочесть, когда вернемся за коробкой.

– О чем там говорится?

Чарли выхватила у меня из руки упаковочную бумагу и с хрустом сунула в коробку, а потом захлопнула крышку. Когда Чарли не хотела о чем-то говорить, было бесполезно пытаться ее убедить. Я решила не настаивать. Не позволю, чтобы ее скрытность испортила мне день рождения.

– Выпьем?

Я взяла банку сидра и потянула за кольцо. Напиток зашипел, и пена выплеснулась из банки. Я вытерла руки о джинсы и сделала глоток. Он согрел желудок, унося недовольство прочь.

Чарли засыпала яму землей и заровняла совком поверхность, а потом села рядом со мной. Привалившись к стволу упавшего дерева, мы сидели перед потрескивающим костром, поджаривая на палочках маршмеллоу, и, только когда догорели последние красные угольки, до меня дошло, как сейчас поздно.

– Пора идти. Мне надо к десяти быть дома.

– Ладно. Пообещаем, что вернемся сюда и откроем коробку вместе? – Чарли выставила мизинец, я обхватила его своим мизинцем, и мы чокнулись банками и выпили за обещание, не ведая, что его будет невозможно выполнить.

Теперь я была одна.

– Чарли, – прошептала я. – Как жаль, что тебя нет со мной.

Подаренная ею половинка сердца, которую я ношу, не снимая, начинает крутиться всякий раз, как я наклоняюсь, словно ищет своего сотоварища, отчаянно желая вновь сделаться с ним единым целым. Я осторожно кладу на землю венок. Непреодолимая паника, терзающая меня четыре месяца со времени смерти Чарли, прорывается наружу, и я рывком ослабляю шарф на шее, чтобы стало легче дышать. *Правда ли, что я виновата? Неужели я всегда виновата?*

Несмотря на январский холод, мне жарко, и когда я стаскиваю перчатки, то слышу последние слова Чарли, эхом разносящиеся по лесу: *Я совершила нечто ужасное, Грейс. Надеюсь, ты сможешь меня простить.*

Что она совершила? Это не может быть хуже того, что сделала я, и я твердо намерена выяснить, что произошло. Я не смогу двигаться вперед, не узнав всю правду. Я понятия не имела, с чего начать, пока сегодня утром не получила на почте письмо в розовом конверте, вызвавшее в памяти другое письмо – то, которое Чарли не позволила мне прочесть, – письмо, спрятанное в нашей коробке. Быть может, в том письме содержится какой-то ключ? В любом случае, с чего-то надо начать. Расспросы ее знакомых ни к чему не привели, и к тому же я знала ее лучше, чем кто-либо другой. Ведь я была ее лучшей подругой.

Но можно ли вообще знать кого-то? По-настоящему кого-то знать?

Я опускаюсь на корточки и долго сижу неподвижно, а воздух вокруг холодеет. Ветви качаются и шелестят, словно деревья шепотом выдают мне свои секреты, побуждая раскопать секреты Чарли.

Я трясую головой, отгоняя мысли, и, натянув рукав на ладонь, вытираю мокрые щеки. Подхватив лопату отяжелевшими, словно чужими руками, я так крепко вцепляюсь в рукоятку, что запястьям становится больно. Глубоко вдохнув, начинаю копать.

Глава 2

Настоящее

– Миттенс? – зову я нашу кошку. – Я пришла. – Держа в руках коробку памяти, я протискиваюсь через коридор в гостиную, умудрившись не сшибить с серо-зеленых стен ни одного эстампа с морскими видами. – Вот ты где.

Серый пушистый комочек уютно устроился на табурете перед пианино. На этом инструменте папа учил меня играть, усаживая на кожаный табурет с тех самых пор, как я научилась сидеть без посторонней помощи. Мы с папой сидели бок о бок, его громадные, похожие на сосиски пальцы на удивление проворно брали аккорды, пока я подбирала мелодию. Больше я никогда не буду на нем играть. Слишком мучительны воспоминания о том времени, когда у меня была нормальная жизнь. Нормальная семья.

В гостиной мрачно, несмотря на падающий сквозь стеклянные двери свет. По потемневшему небу несутся грозовые облака. Я щелкаю выключателем. Зима в этом году была суровой, и я с трудом вызываю в памяти летние вечера, когда сиживала в саду с высоким бокалом крюшона, где позвякивали кубики льда, пока не начинал пылать закат, а по небесам цвета индиго – порхать летучие мыши.

Коллекционная тарелка, которую я берегу для особых случаев, балансирует на стопке мужских журналов, засохший яичный желток и кетчуп перекрывают цветочный рисунок. Солонка валяется на полу, белые крупинки соли холмиком высыпались на ковер. Сразу видно, что Дэн поел.

Я перешагиваю через скомканное банное полотенце к кофейному столику, отодвинув в сторону потрепанный экземпляр «Маленьких женщин». Этот роман я читаю вслух соседке, миссис Джонс, – несмотря на сильные очки, она больше не может разбирать мелкий шрифт. Я уже почти добралась до того места, где умирает Бет, и сколько бы раз ни читала его прежде, знаю, что все равно буду плакать. Когда я опускаю на столик коробку памяти, на кремовую столешницу падает засохшая грязь, и я смахиваю ее на пол. Поблекшие изображения певцов-однодневок и супермоделей, когда-то крепко приклеенные, теперь скорбно свисают ключьями с пластиковой коробки, половину из них я едва могу припомнить. Поддеваю ногтем край клейкой ленты, которая запечатывает крышку, и она

легко отходит. Я отдираю ее, а потом прижимаю обратно, сильно надавливая большими пальцами. Кажется неправильным открывать коробку без Чарли, но у меня нет выбора, если хочу выяснить, что находится в розовом конверте, и я ее открываю. Но все равно чувствую себя неуютно, как будто вторгаюсь в чужое личное пространство.

В коттедже очень тихо. Ставлю грампластинку. Нина Симон бодря духом. Я рада, что хоть у кого-то из нас все в порядке. Дэн загружает музыку из Интернета, но я нахожу утешение в старомодных вещах, с которыми выросла, пускай даже мой дедушка более современен, чем я сейчас, с его акустической док-станцией и блюрей-плеером. Я плюхаюсь на коричневый кожаный диван, утопая в мягких разномастных подушках. Виниловая пластинка крутится и крутится, потрескивая и шипя, требуя внимания, прямо как мои воспоминания.

Не верится, что прошло семь лет с тех пор, как мы переехали в этот коттедж. Тогда мне было больше не о чем беспокоиться, моя жизнь наконец-то потекла так, как было задумано, и я немного заиклилась на декоративных тканях и обивочных материалах. Дэн закатывал глаза всякий раз, как я приносила в дом новую диванную подушку. Он забирал ее у меня и кружил с ней в танце по гостиной.

Я напевала в такт, а он принимался щекотать меня, и мы валились на пол, стягивая друг с друга одежду, пока он не оказывался на мне, во мне и моя спина начинала гореть от трения о шершавый красный ковролин, который мы со временем заменили ворсистым ковром шоколадного цвета. Потом мы уютно устраивались на разноцветном покрывале, украшавшем спинку дивана, и ели гавайскую пиццу. Я предлагала Дэну заказать пиццу «Пепперони» – он никогда не понимал присутствия фруктов в острой пище, но знал, что я обожаю сочетание сладкого и соленого.

Сейчас кажется, что прошла вечность с тех пор, как мы так смеялись. Так любили. Горе развело нас, словно отталкивающиеся однополюсные магниты: как бы упорно мы ни старались дотянуться друг до друга, между нами существует пропасть, которую мы не в состоянии преодолеть.

Миттенс приподнимается, выгибая спину и выпрямляя ноги, напоминая мне, что я пропустила еще одно занятие по йоге. Ничто так не разъедает, как чувство вины, оно опустошает тебя изнутри. Мне ли не знать: меня постоянно терзают угрызения совести, мне бы следовало родиться католичкой. Миттенс прыгивает с табурета, так грациозно, как умеют только кошки, и с мяуканьем «Покорми меня немедленно» трется головой о мои икры.

Я тащусь за ней в кухню. Здесь пахнет пережженным маслом, и

раковина, которую я оставляла чистой и блестящей, теперь наполовину залита стоячей водой. Из нее, словно дорожный указатель, торчит ручка кастрюльки: помой меня. Я наклоняюсь над раковиной и приоткрываю раздвижное окно. Из сада за домом сквозит ледяной воздух; на завтра обещают снег. Я включаю чайник, подбираю половинки яичной скорлупы – остатки белка липкой слизью тянутся по деревянной поверхности кухонной стойки – и выбрасываю их в переполненный педальный бачок для мусора. Позже мне придется вынести мусор. Вытираю рабочую поверхность и споласкиваю чашку, снова досадуя на то, что Дэн берет новую всякий раз, как готовит себе какой-то напиток. У нас нет посудомоечной машины – если не считать меня, конечно. Я уверена, Дэн считает меня таковой. Наша кухня крохотная. «Компактная, но функциональная», как сказал бы Дэн, если бы наш дом был из числа тех, которые он продает. У нас почти нет места для шкафчиков, но зато есть чудесная кладовка, вмещающая все, что нам нужно.

Я сую руку в металлическую банку для хранения чая, чувствую холодный металл днища. Открываю дверцу холодильника, и лампочка освещает почти пустые полки. Что можно сделать из полбанки козьего сыра и высохшего красного перца? Дэн придет домой после футбола, ожидая, что его ждет обед. Вообще-то это несправедливо, он никогда не просит меня готовить – просто предполагается, что я буду это делать. Я это всегда и делаю. Отгоняю воспоминание о том времени, о котором мы больше не говорим. О времени, когда я с трудом управлялась с духовкой. Теперь я с ней управляюсь. На самом деле.

Я добавляю «чайные пакетики» в бесконечный список продуктов, прикрепленный на холодильнике магнитом с надписью «СТОП» и изображением свиньи. Дэн купил мне этот магнит в прошлом году, как он выразился, в качестве поддержки, когда я разуверилась еще в одной диете. Глянцевые журналы, которые я сосредоточенно изучаю, не помогают. На одной странице они сообщают, что у меня среднестатистический для британской женщины размер, что женщина четырнадцатого размера не толстая, но при этом на следующей странице печатают фотографии изможденных моделей с выпирающими ключицами и ввалившимися щеками. Я держу магнит как постоянное напоминание, что мне надо сбросить десять фунтов. Мне никогда это не удастся.

Миттенс вьется у меня между ног, призывая поднять с пола ее пустую миску. В шкафчике остался один пакетик кошачьего корма. Я вытряхиваю его в миску и отмеряю кошачье печенье, а Миттенс тем временем нетерпеливо мяучит.

Наблюдаю, как самозабвенно она ест – так умеют только животные. Она была таким утешением для меня после смерти Чарли, ее молчание успокаивало больше, чем неуклюжие слова Дэна. Я не собиралась заводить домашнее животное, но три года назад кошка бабушкиной соседки принесла шестерых котят, а я пошла туда сделать несколько снимков, чтобы показать в детском саду, где я работаю. Котята были прелестные, и, когда самая маленькая кошечка взобралась мне на колени и там уснула, меня легко уговорили забрать ее домой. Я отнесла ее в свою подержанную «Фиесту». Она сидела на пассажирском сиденье в коробке из-под чипсов «Уолкерс», застеленной выцветшим розовым одеялом, и жмурилась на никогда прежде не виденное солнце. Я ехала домой медленнее, чем обычно, припарковалась в изрытом выбоинами переулке возле своего коттеджа и встряхнула мелко дрожавшими руками. Я так сильно сжимала руль, что ногти впились в ладони и оставили на них полукруглые следы. Помню, я неодобрительно покачала головой. Я ежедневно присматриваю за тридцатью шестью четырехлетками. Уж с котенком-то справлюсь.

Принеся ее в дом, я с любопытством смотрела, как она бесстрашно ступает мягкими лапками по своему новому жилищу. Как мне ее назвать? В детстве я обожала книги Беатрис Поттер. Папа читал мне ее истории по вечерам перед сном, придумывая каждому животному особый говор. Я очень любила слушать о проделках котенка Тома и его сестрах Моппет и Миттенс. Лапки у кошечки были светлее, чем остальная шубка. Имя Миттенс^[1] показалось мне идеальным; к тому же оно напоминало о папе.

Когда мы впервые выпустили Миттенс погулять, ее чуть было не переехал мусоровоз. Она ужасно испугалась и больше ни за что не хотела выходить. Мы пытались выманить ее в сад, но она каждый раз так переживала, что ветеринар велел оставить кошку в покое, – она выйдет, когда будет готова, но этого так и не случилось.

Теперь я уже представить себе не могу, каким был бы наш коттедж без нее. Я наблюдаю, как кошка приканчивает свой обед и лакает воду проворным розовым язычком, а потом, крадучись, выходит из кухни.

Чайник булькает, пускает пар и выключается, а я следую за Миттенс в гостиную. Мы сидим бок о бок на диване, уставившись на коробку. Я спрашиваю себя, помнит ли она, как тоже в коробке приехала домой.

– Не беспокойся, в ней нет никого живого, – заверяю я ее. Но это ложь. Мои воспоминания живы, и их труднее удержать в коробке, чем непоседливого котенка.

Я грызу ноготь большого пальца, мечтая о том, что Чарли вот-вот выскочит и закричит: «Сюрприз! Ты ведь не думала всерьез, что я тебя

покину?» Одиночество захлестывает меня. Последнее время глаза у меня постоянно на мокром месте, и я не чувствую в себе достаточно сил, чтобы встретиться лицом к лицу с припрятанными воспоминаниями. Боюсь, что если начну вспоминать, то не смогу остановиться, а есть вещи, о которых мне не хочется думать. Не только сейчас, но и вообще никогда.

В коттедже беспорядок, пожалуй, стоит убратся. Уборка всегда действует на меня успокаивающе – прекрасная возможность выкинуть из головы ненужные мысли. Я оставляю коробку в покое и иду на кухню. Засучив рукава, выпускаю в мойку струйку посудомоечного средства, открываю горячий кран. Пока вода прибывает и пузырится, вытираю жир с конфорки. Когда раковина наполняется, я погружаю руки в воду и тут же выдергиваю их, переводя кран на холодную воду, чтобы успокоить обожженную кожу.

Банка крема для рук на подоконнике пуста. Я уверена, что Дэн берет мои туалетные принадлежности, хотя он всегда это отрицает. Я направляюсь вверх, во вторую спальню, где держу запасные лосьоны. Когда мы впервые осматривали коттедж, то знали, что пригласим Чарли переехать к нам, и я по-прежнему думаю об этой комнате как о ее спальне, хотя ей так и не пришлось ее увидеть.

Я нахожу лосьон для рук и втираю его в саднящую кожу. Запах лаванды успокаивает, он напоминает мне о маленьких пакетиках, которые в детстве делала моя бабушка, когда меня всякий раз, как я закрывала глаза, мучили ночные кошмары. Она клала мешочки с лавандой в ящик с моими пижамами, а также мне под подушку. Аромат мягко провожал меня в сон и охранял всю ночь. С тех пор прошло много времени, и пораженные артритом бабушкины пальцы уже не могут шить, но спокойствие до сих пор ассоциируется у меня с лавандой.

В кармане вибрирует телефон, и я беру его скользкими пальцами, зажимаю между плечом и ухом и вытираю руки о фартук.

– Привет, Дэн. Вы выиграли?

– Да, три-два. Взяли реванш в последнюю минуту.

– Ты, наверное, рад. Сто лет уже не выигрывали.

– Спасибо за напоминание...

– Я не имела в виду... – Я замолкаю. Притворяюсь, что мы нормальная пара, и тщательно выбираю слова. – Это блестящая новость. Я куплю бифштекс и вино, чтобы отпраздновать.

– Мы уже празднуем в баре. Приходи.

– Не могу.

– Тебе надо когда-то снова начинать жить. Почему бы не сегодня? Все

здесь.

Не все. Я думаю о покоящейся на столе коробке – о частичке Чарли: как я могу выйти и оставить ее?

– У меня дела.

– Прекрасно. – Я почти слышу неприязнь в его голосе, и на долю секунды мне хочется оказаться в клубе вместе с ним, попивать теплый сидр и смеяться над шутками, слишком грубыми, чтобы их повторить. – Не жди меня, ложись спать.

И он дает отбой, прежде чем я успеваю ответить, что не буду его ждать и лягу одна. Я всегда так делаю.

Передо мной простирается вечер, долгий и тихий, и хотя я еще не поела, голода не чувствую. В кухне открываю бутылку вина. А это ведь не просто выпить чашку чая, говорю я себе. Мне всегда немного чудно пить в одиночестве.

В гостиной уныло, и я включаю настольные лампы, уменьшая резкий верхний свет. Абрикосовое свечение создает теплоту, и я сижу на диване, подогнув ноги и положив руку на спящую Миттенс.

– Сегодня мы с тобой вдвоем, – говорю я ей, глядя на коробку, и знаю, что это неправда. Чарли тоже здесь.

Довольно скоро я опустошаю первый бокал шардоне, ледяная жидкость оседает среди порхающих в животе бабочек. Я выпиваю еще полбокала, и лишь тогда дрожащими пальцами открываю коробку. Сверху лежит лист блестящей лиловой упаковочной бумаги, я помню, что письмо под ней. Подношу розовый конверт к носу и глубоко вдыхаю, надеясь уловить запах Чарли. Но конверт пахнет сыростью и землей. Комок в горле, который я беспрестанно проглатываю, нарастает снова. Сколько еще близких людей мне предстоит потерять? Порой, когда слышу в замке ключ Дэна, челюсти сжимаются и я подготавливаю себя к очередной ссоре, но мысль о том, чтобы остаться одной, страшит меня. К тому же случившееся не развело нас, стало быть, оно наверняка сделало нас сильнее?

Я сжимаю в руке мобильный телефон. Просматриваю список недавних звонков. Дэн находится под номером шесть. Я нажимаю кнопку вызова. Вспыхивает наше фото – то, где мы одеты как Супермен и Чудо-женщина, на вечеринке у Лин. Она скорее моя подруга, чем начальник, и, глядя на фото, я всегда улыбаюсь.

– Просто хочу сказать, что я тебя люблю, – говорю я.

– Я знаю. – Голос его звучит отрывисто.

– Пожалуйста, будь осторожен, не едь пьяным.

– Что? Я тебя плохо слышу.

– Я говорю, пожалуйста, будь ос...

– Грейс, сигнал очень слабый, ты пропадаешь. Погоди, я сейчас...

Связь обрывается. Я нажимаю повтор, и механический голос предлагает мне оставить сообщение. Разочарованная, я швыряю телефон на диван и наклоняюсь, чтобы распаковать коробку.

Мириады воспоминаний проносятся в мозгу, пока я листаю маленький фотоальбом. Вот мы с Чарли позируем на пляже, гордые, в наших первых бикини, демонстрирующих плоские груди; вот мы на школьной дискотеке, наши руки сверкают серебряным блеском. Есть несколько фотографий, где Чарли, Дэн и я смеемся в саду знойным летним днем, поливая друг друга из шланга, и одна, где Чарли улыбается в камеру, а Дэн с обожанием смотрит на нее. Вот фото, где я, Чарли и Дэн в последний день семестра со смехом подбрасываем школьные галстуки, которые больше никогда не наденем. Какими свободными мы себя чувствовали. Еще одна фотография, на сей раз групповая: я, Эсме, Чарли и Шиван. Наша маленькая четверка. Как близки мы были. Кто бы мог подумать, что мы перессоримся, как это получилось?

Я вынимаю из пластикового кармашка последнее фото. Чарли стоит в саду моих бабушки и дедушки с растрепанными на ветру белесыми волосами, в оранжевой «вареной» футболке и крохотных белых джинсовых шортах. Ей стоило такого труда утащить эти джинсы из платяного шкафа своей матери, а затем отрезать от них штанины, затупив при этом парикмахерские ножницы моей бабушки.

Я вынимаю из стоящей на пианино серебряной рамки фотографию, где мы с Дэном болтаем ключами от коттеджа и потрясаем бутылкой шампанского, – и вставляю на ее место Чарли.

Звонит мобильник. Я бросаюсь к нему, надеясь, что это Дэн, но это какой-то незнакомый номер. В голову мгновенно приходит мысль: Дэн попал в аварию, мне звонят из больницы, – я покрываюсь испариной. Нажимаю кнопку, и в трубке кто-то дышит.

– Алло? – говорю я. Затем громче: – Алло? *Алло?*

Но никто не отвечает. В конце концов в трубке слышится длинный низкий гудок. Это уже в третий раз за сегодняшний день, и я выключаю телефон.

По телу прокатывается волна усталости. Алкоголь и душевное волнение на пару побуждают глаза закрыться, я тру их, стараясь развеять прошлое. Беру фотографию и конверт с собой в кровать и прислоняю к настольной лампе. Фотографии вызвали так много эмоций, что я боюсь их растерять, если открою сегодня письмо Чарли. Я выталкиваю из

серебристого тюбика таблетку снотворного, кладу ее на язык и запиваю теплой водой. Проваливаюсь в прерывистый сон, испещренный образами Чарли и моего отца.

– Это твоя вина, Грейс, – говорит во сне папа. – Я бы до сих пор был здесь, если бы не ты.

– Открой конверт, Грейс, – шепчет моему подсознанию Чарли. – Не подводи меня.

Я просыпаюсь утром на скомканных простынях и влажной подушке. Дэн домой не приходил.

Глава 3

Прошное

Мало-помалу мир перестал кружиться, и я осознала, что теплые и крепкие дедушкины руки растирают мне спину маленькими круговыми движениями.

– Дыши медленно, Грейс, – посоветовал он, потому что я пыхтела, как паровоз. Я резко вдохнула и закашлялась от ледяного ветра. Слезы струились по замерзшим щекам, пока я вдыхала и выдыхала на счет пять, как меня учили, пока не почувствовала себя достаточно спокойной, чтобы выпрямиться и расслабить руки, вцепившиеся в железные перила. Я держалась за них так крепко, что чешуйки темно-зеленой краски пристали к перчаткам. Я похлопала в ладоши, отряхивая чешуйки краски на тротуар, одновременно обозревая чудовищную конструкцию передо мной.

– Не заставляй меня туда входить.

– Знаю, переезд дался тебе нелегко.

Это было слабо сказано. Дело было не только в людях, которых я оставила, в моей желтой спальне или в школе, по которой я скучала. Ощущение дома создавалось звуками. Звуком разбивающихся волн, под который я просыпалась каждое утро; скрипом третьей ступеньки всякий раз, как кто-то на нее ступал; хриплыми криками чаек, когда я шла в школу; хрустом прибрежной гальки, по которой я бежала домой, наполняя легкие соленым воздухом.

Я всегда любила навещать дедушку и бабушку во время школьных каникул. Наблюдать, как причудливая оксфордширская деревня разрастается год от года по мере того, как на ее окраинах прибавляются дома из красного кирпича. Построены второй паб, кофейня, кооперативный дом. «Все удобства современные», – говорила бабушка, но все равно это не ощущалось как дом. Звучало по-другому. Никогда больше не свернусь я калачиком под одеялом, слушая, как ветер и дождь объявляют войну утесам, и глядя, как мигающий свет маяка сочится сквозь шторы.

– Ты скоро заведешь себе друзей, – сказал дедушка, неисправимый оптимист.

– Не заведу, если они узнают, что я сделала.

– Перестань себя винить. Никто ничего не узнает, если ты им не расскажешь. – Дедушка поправил на мне шляпку. – Тебе надо ходить в

школу, Грейс. – Он улыбнулся, но в отличие от обычной его улыбки вокруг глаз не образовались морщинки, и я кивнула, чувствуя вину за то, что так разволновалась на ровном месте. Мне исполнилось девять, я должна вести себя в соответствии с возрастом. Будь тут бабушка, она бы провела меня прямо в здание.

– Пошли. – Он протянул мне морщинистую руку, испещренную возрастными пятнами. – Войдем внутрь.

Я обхватила его пальцы, и мы не спеша прошли через пустынную игровую площадку. Я только что закончила читать «Путешествия Гулливера», и когда остановилась у подножия бетонной лестницы и уставилась на громадное красное здание, то почувствовала себя лилипуткой. Здание казалось в миллион раз больше, чем моя старая начальная школа.

У дедушки был такой вид, как будто он собирался что-то сказать, но вместо этого покачал головой и мягко потянул меня за руку, пока я нехотя не последовала за ним в тропическое тепло моей новой школы.

Внутри за конторкой сидела не улыбающаяся секретарша. Над ней на стене было написано желтой краской: **«УЧЕБНОЕ СООБЩЕСТВО „ГРИНФИЛДС“ ПРИВЕТСТВУЕТ ВАС!»**

– Грейс Мэтьюз. – Дедушка похлопал меня по плечу. – Это ее первый день.

Секретарша жестом указала нам на оранжево-розовые кресла, которые когда-то могли быть красными, и я с благодарностью уселась на мягкие сиденья. Ноги не доставали до пола. Я с глухим стуком поставила новую пластмассовую коробку для завтрака на деревянный стол, на котором было вырезано: *«Мисс Маркхем в хорошей форме»*.

– Наверное, мисс Маркхем учительница физкультуры, – задумчиво проговорил дедушка.

Теребя рукой распушившиеся кончики ниток на обтрепанном сиденье, я огляделась. Никакие рисунки или поделки не украшали обшарпанные стены. В углу стояла заброшенная рождественская елка с почти голыми ветвями, лишь посередине ее опоясывала слишком короткая и безвкусная световая гирлянда. Мне совсем не хотелось снова праздновать Рождество. Несколько недель назад я бы чувствовала себя так же, как любой другой девятилетний ребенок, а теперь у меня был собственный психотерапевт по имени Пола. Я ненавидела ежедневные сеансы психотерапии, разговоры о моих чувствах – как будто они могли что-то изменить. Сейчас же я пожалела, что не нахожусь в кабинете у Полы, насыщенно-голубые стены которого вызывали у меня ощущение, будто я тону. Мне хотелось быть где

угодно, только не здесь.

Цитрусовый запах моющих средств раздражал, от него сводило желудок, меня охватила страстная тоска по старой школе: запаху кед и плакатной краски, старым друзьям, играм в классики и салочки. Я откинула голову на спинку и закрыла глаза. Было пугающе тихо. Нам велели подождать, пока меня не оформят, чтобы снизить психологическую нагрузку, но, на мой взгляд, так было даже хуже. Мне предстояло войти в класс уже после начала урока. Я стала глубоко дышать – так, как учила меня Пола, и постаралась перенестись в какое-то приятное место. Я вообразила себя в спальне, моей настоящей спальне, той, которую я, вероятно, уже никогда не увижу. Постепенно кулаки разжались, и, должно быть, я задремала, потому что меня пробудило цоканье высоких каблучков. На какую-то секунду я всерьез поверила, что все как обычно. Я дома, и мама готовит ужин для папы.

– Это миссис Битон, – сказал дедушка. – Я был у нее, когда тебя записывал.

– Здравствуй, Грейс, как приятно с тобой познакомиться. – Директриса стояла передо мной с сострадательной улыбкой. В последнее время я таких улыбок перевидала множество.

Я молча смотрела на нее, вытянув губы в прямую линию.

– Не угодно ли пройти со мной, мистер Робертс? Нужно заполнить кое-какие бумаги. Грейс, мы ненадолго.

Они склонились над конторкой секретарши, почти соприкасаясь головами, и тихо о чем-то заговорили, время от времени бросая в мою сторону обеспокоенные взгляды.

– Увидимся позже, детка. – Когда некоторое время спустя дедушка помахал мне на прощание, голос его был слишком громким, а улыбка – слишком широкой. Я проводила его взглядом до двери. Его шаги отдавались громким эхом, стуча в унисон с моим сердцем.

Я засемила за миссис Битон через лабиринт одинаковых коридоров, замедляя шаг всякий раз, как мы проходили мимо окна, стремясь мельком увидеть дедушку. Он шел, склонив голову под ветром, сунув руки в карманы вельветовых брюк. Мои нарядные новые туфли скрипели по линолеуму, и я уже чувствовала, как на пятках образуются волдыри.

– Вот мы и пришли. – Миссис Битон толкнула дверь класса. Все лица обратились к нам, и я никогда не ощущала себя такой маленькой, как в тот момент.

– Грейс, это мисс Стайлз.

Мисс Стайлз поправила очки. На ней были брюки, и она была моложе

моей предыдущей учительницы, которая всегда носила платье. Я молила о том, чтобы она не попросила меня представиться.

– Сзади есть свободное место, Грейс.

Опьяневшая от облегчения, я бросилась к пустому стулу быстрее, чем следовало бы в моих еще не разношенных туфлях. Почувствовав, что поскользнулась, я выставила вперед руки, чтобы смягчить падение. Коробка для завтрака загремела по полу, а я растянулась рядом с ней, готовая провалиться сквозь землю.

Ни на кого не глядя, я одернула юбку, чтобы сохранить остатки достоинства, и кое-как собрала с пола свой завтрак. Ложка для йогурта пропала, но меня это не заботило. Крышка новой коробки для завтрака перекосилась, потому что одна петля сломалась, но я затолкала все обратно и прижала коробку к груди. Мне было больно стоять, болела лодыжка, и я сдерживала жгучие слезы.

– Кажется, это твое?

Какой-то мальчишка, наклонив свой стул, протягивал мне клочок бумаги.

Я покачала головой и, прихрамывая, побрела вперед.

– Не забывай, как сильно мы тебя любим, Грейси.

Я застыла – слова, которые могли быть любовно написаны не кем иным, как дедушкой, с издевкой зачитывались вслух.

Я выхватила у него бумажку, а класс захихикал.

Мальчишка ткнул в мою сторону пальцем:

– Смотрите, лицо у рыжей такое же красное, как ее волосы!

– Довольно, Дэниел Гибсон. – Благодарная мисс Стайлз за вмешательство, я захромала к своему месту, уставившись в пол, как будто он мог превратиться в дорогу, вымощенную желтым кирпичом, и привести меня к Волшебнику. Нет места лучше дома.

Парты были на двоих. Я не испытала признательности к своей соседке по парте, когда она подвинула учебник на середину, чтобы я могла им воспользоваться. С враждебностью я могла справиться, доброта же вызывала у меня слезы. В последнее время я достаточно наплакалась.

Я попыталась успокоиться, представив, что я на пляже, но это вызвало мысли о доме, и мне захотелось положить лоб на парту и завывать от несправедливости всего происходящего. Казалось, прошли часы, прежде чем зазвонил звонок на ланч.

Ученики, толпясь, заспешили к двери, и мисс Стайлз протолкнулась к задней части класса.

– Шарлотта, – обратилась она к сидевшей рядом со мной девочке,

которая засовывала вещи в розовый рюкзак. – Не могла бы ты показать Грейс, где мы едим?

– Хорошо, – сказала Шарлотта. – Откуда ты? – спросила она, пока мы кружили по лабиринту коридоров. Она была высокой. Мне приходилось почти бежать, чтобы поспевать за ней. В лодыжке пульсировала боль, но я не жаловалась, благодарная за то, что не одна. – Почему ты так поздно приступила к занятиям?

Я ожидала этого вопроса, но ложь, которую я отрабатывала перед зеркалом своей спальни, похоже, застряла у меня в горле. Шарлотта остановилась, и я проглотила комок в горле, думая, что она ждет моего ответа, но потом сообразила, что мы уже находимся в столовой. Помещение вызывало в памяти клип о тюрьме, который я однажды видела по телевизору: ряды пластиковых серых столов и оранжевых стульев. Ланч только начался, но на паркетном полу уже валялись чипсы и корки. Меня уколола острая тоска по старой школе, где мы ели ланч в нашей классной комнате, обмениваясь печеньем и меняя йогурты на кексы.

– Ну вот, это столовая. «Не „Ритц“», как сказала бы моя мама, но сама понимаешь...

Я кивнула, хотя понятия не имела, что она имеет в виду.

Шарлотта помахала двум девочкам, сидевшим на корточках в углу.

– Это Эсме и Шиван, я тебя потом познакомлю. Обычно я сижу с ними, но не сегодня. Пошли.

Я суетливо заспешила за Шарлоттой, стараясь не упустить то, что она говорит.

– Если хочешь, можем пойти ко мне домой после уроков, ага? Я могу сделать тебе прическу и навести макияж. Моя мама певица, и у нее уйма крутых штучек. Она редко бывает дома, так что ничего не узнает.

Я не могла. За мной должен был прийти дедушка, к тому же бабушку хватит удар, если я заявлюсь с макияжем.

– Может быть, – ответила я, не желая вести себя, как маленькая.

– Давай сядем здесь. – Шарлотта с грохотом опустила свои вещи рядом с мальчишкой, который унижал меня на уроке. Я помедлила в нерешительности, потом сказала себе, что это лучше, чем сидеть одной, но все равно почувствовала, что щеки разгоряются.

– Садись. – Шарлотта внимательно смотрела на меня. Ее блестящие зеленые глаза напоминали мне нашу старую кошку Бесси, и что-то подсказывало, что ей можно доверять.

Горло у меня словно перекрывалось всякий раз, когда я волновалась, но я все равно села и распаковала свой ланч. Если бы у меня ложка не

потерялась, я могла бы проглотить немного йогурта. К тому же это был абрикосовый йогурт, мой любимый. Я бросила сердитый взгляд на Дэниела, затем проткнула соломинкой упаковку яблочного сока и стала пить маленькими глотками. Шарлотта встряхнула бутылку бананового молока.

– Не мог бы ты принести мне соломинку? – Она одарила Дэниела ослепительной улыбкой.

– Угу. – Он покраснел, со скрипом отодвинул свой стул и двинулся через зал с важным видом, говорящим: «Я слишком крут для школы».

– Пстой на стреме. – Шарлотта схватила недоеденный сандвич Дэниела и сняла с него верхний кусок хлеба. Потом выхватила из подставки с приправами бутылку кетчупа, брызнула им на клубничный джем и снова закрыла его куском хлеба.

Дэниел вернулся, взял свой бутерброд и откусил большой кусок. Я замерла. Он начал жевать, а потом выплюнул все и стал тереть рот рукавом.

– О, посмотрите! – указала на него Шарлотта. – У него лицо такое же красное, как и его сандвич.

– Кто это сделал? – Дэниел вскочил и стоял, сжимая кулаки.

– Я. Будешь знать, как издеваться над Грейс в ее первый день.

– Ты чертова стерва, Шарлотта Фишер. – Дэниел смахнул свой ланч в рюкзак, сверкая на меня глазами, и я вздрогнула. – Я до тебя доберусь. – И он ринулся к выходу.

– Скатертью дорожка! – крикнула Шарлотта.

– Не могу поверить, Шарлотта, что ты это сделала, – сказала я.

– Зови меня Чарли, а не Шарлотта, если мы будем с тобой тусоваться. Хочешь?

Рот у меня слишком пересох, чтобы есть, но я взяла кусок сыра и ломтик луковых чипсов и положила на язык.

– Так почему ты сюда переехала, Грейс?

И ломтик чипсов стал тяжелым и жестким у меня во рту. Я попыталась его проглотить, но горло замкнулось.

Глава 4

Настоящее

Прошлой ночью мне потребовалась целая вечность, чтобы заснуть. Фотоальбом пробудил так много воспоминаний, что меня замутило от тоски, а ум отказывался успокоиться. Снотворные таблетки действуют на меня не так эффективно, как когда-то. Я решаю пойти в понедельник к врачу, притвориться, что потеряла последний рецепт. Таким образом я смогу получить еще некоторое количество и удвоить дозу.

Когда я в прошлый раз проверяла время – обезумевшая от беспокойства о том, что Дэна до сих пор нет дома, – было два часа ночи, и я думала, что ни за что не усну, но сейчас, когда смотрю на часы, на них седьмой час, так что, очевидно, я заснула. Я так быстро вскакиваю с кровати, что кружится голова. Сую ноги в тапочки и сдергиваю халат с крючка на двери. Есть шанс, говорю я себе, что Дэн прокрался и свалился на диване, чтобы меня не будить, но, когда я вбегаю в гостиную и щелкаю выключателем, там только Миттенс, моргающая от внезапно включившегося света.

Я отдергиваю занавески. В висках стучит, пока я бог знает в какой раз набираю номер Дэна, и в мозгу проносятся ужасные картины: Дэн в дорожной канаве, машина перевернута, колеса все еще вращаются; Дэн ограблен и оставлен умирать в темном переулке; Дэн с переломанными костями истекает кровью на обочине.

В окно почти ничего не видно, кроме садика перед домом. По-прежнему по-зимнему темно, и в воздухе висит густой туман, он словно тянет ко мне свои пальцы, оставляя переулок невидимым. Только когда мы переехали сюда, я оценила, каким могуществом обладает погода: то ты ее видишь, то нет. Я дрожу, хотя мне не холодно, и плотнее запахиваю халат. В кармане у меня пачка мятных пастилок, и я отправляю одну в рот. Лекарство, на котором я сижу, оставляет во рту неприятный привкус, и он, похоже, держится весь день, сколько бы раз я ни чистила зубы и сколько бы мятных пастилок ни съедала.

Я снова проверяю часы, как будто могу каким-то образом заставить время двигаться быстрее. Еще нет семи, слишком рано для настоящей паники, но все равно это не мешает мне думать о худшем – так уж я устроена. Пола говорила, что это происходит от страха потери, Дэн

говорит, что это проистекает от моей тревожности. Я, как тигр в клетке, хожу взад-вперед перед окном гостиной, приминая тапочками ворсистый ковер, сжавшись от напряжения, точно пружина.

Когда у нас с Дэном все начало рушиться? Моя жизнь будто расколота на две части: до смерти Чарли и после. Мне кажется, что до этого мы были счастливы, но трудно как следует припомнить. Иногда у меня возникает ощущение, что я слишком далеко его оттолкнула и будет невозможно притянуть обратно. Я панически боюсь его потерять, но в то же время не могу подавить дикое раздражение, которое он вызывает. Я говорю себе: неважно, что он везде мусорит, что не выполняет обещаний, – почти подначиваю, почти хочу, чтобы он иногда давал мне отпор.

Ветер завывает, ударяет в калитку, и я вздрагиваю. Щеколда не выдерживает, и калитка распахивается настежь, а потом опять с грохотом захлопывается. Я столько раз просила Дэна починить задвижку. Я слышу шум машины и напрягаю зрение, чтобы ее разглядеть. Свет фар, словно кошачьи глаза, пронзает туман в конце переулка, и я жду, пока машина по-настоящему проявится. Вероятно, это Дэн. Наш переулок ведет только к полям. Когда мы покупали коттедж, я представляла себе пасущихся овец и лошадей, заглядывающих к нам через калитку с пятью перекладинами, но земля в поле пахотная. Здесь выращивают пшеницу, и всякий раз, когда ем хлебцы «Витабикс», я испытываю странную гордость, будто сама вырастила это зерно.

Из тумана появляется машина. Она слишком маленькая, чтобы быть машиной Дэна, и едва движется. Уж не заблудился ли водитель? Здесь, в переулке, только два коттеджа: наш и миссис Джонс. У нее нет машины, и гости приезжают к ней только на Рождество и в день рождения; к тому же кто станет наносить визиты в столь ранний час? Сейчас еще даже толком не рассвело.

Машина подползает ближе и ближе, пока не останавливается у самого коттеджа, но из-за тумана невозможно разглядеть, что делается внутри. Мотор тарахтит, и фары освещают нашу яблоню, но из машины никто не выходит. Секунды бегут, и мне интересно, что делает водитель. *За кем он наблюдает?* Эти слова вызывают озноб. Уже не первый раз у меня такое чувство, что за мной следят, и я говорю себе, что это нелепо. Кто станет за мной следить? Но, несмотря на это, не могу оторвать взгляд от машины. В последний раз, когда я попросила повторить рецепт, врач спросил, не вызывает ли снотворное каких-нибудь побочных эффектов. Я сказала нет, но чувство беспокойства закралось в меня; вот и сейчас по коже бегают мурашки, мысли путаются, и мне трудно сосредоточиться. Мне

действительно следует перестать его принимать. Я стала нервной и подозрительной и едва себя узнаю.

Это всего лишь машина.

Показывается вторая пара огней, и в поле зрения с пыхтением появляется древний «Лендровер» Дэна. Я стремглав бегу к дивану, небрежно раскидываюсь на нем и все еще дрожащей рукой подхватываю книгу. Буду спокойна. Дэн шаркающей походкой входит в комнату, швыряет куртку на диван рядом с моими ногами и бросает на меня взгляд налитых кровью глаз. Выглядит он ужасно. Во мне борются ярость и радость: ярость побеждает.

– Где ты был, черт возьми? Кто с тобой?

– Со мной? – Дэн смотрит на меня через плечо.

– Другая машина.

– Другая машина?

– Так и будешь за мной повторять? Почему ты не позвонил?

– Я потерял телефон.

– Где?

– Если бы я знал, он бы не был потерян, – огрызается он.

– Не смей...

Он выставляет вперед руки с растопыренными пальцами.

– Извини, мне следовало позвонить тебе с телефона Гарри, но я уснул у него на диване.

Меня словно пронзает кинжалом, когда я представляю себе Дэна, Гарри и Хлою, девушку Гарри, свернувшимися клубочком перед дровяным камином с ящиком «Будвайзера» и мисками кукурузных чипсов и сальсы. Пока не умерла Чарли, мы все вместе так расслаблялись субботним вечером.

– Я беспокоилась.

– Ты всегда беспокоишься. Я собираюсь привести себя в порядок и отрубиться на пару часов.

Избегая моего взгляда, Дэн широким шагом выходит из комнаты и топает вверх по лестнице. Через секунду я слышу скрип двери ванной и бульканье в трубах – это он включает воду.

Я спрашиваю себя, спустится ли он ко мне после душа. Может, предложит посидеть, ласково прижавшись друг к другу. Я спрашиваю себя, почему сама не решаюсь это предложить. Вскоре открывается и закрывается дверь спальни. Скрипят пружины кровати.

В ванной вздымается и висит пар, а меня окутывает облако неуверенности. Я открываю маленькое окошко и подбираю с пола

полотенце Дэна. Шагнув в стеклянный кубик душевой кабины, включаю душ и дрожу в ожидании, пока вода нагреется. Закрыв глаза, вспоминаю, как раньше мы оба сюда втискивались. Мои ладони вжимались в мокрые плитки. Его руки лежали у меня на бедрах. Потом он намыливал шампунем мои волосы, а я прижималась спиной к его телу. Действительно ли он всю ночь провел у Гарри? Я моюсь лавандовым гелем для душа: знакомый аромат, утешение из детства, рассеивает страхи, пока я, один за другим, не смываю их в сливное отверстие. У меня нет причин считать, что Дэн мне солгал. Горе исказило мою рассудительность. Я не способна объективно оценивать реальность. Пола всегда поощряла меня рассуждать рационально, а не поддаваться страху. «Ум способен создавать многочисленные возможные сценарии от одной мысли, и большая их часть будет ложной», – говорила она. Я слишком устала, чтобы как следует над этим подумать.

Выхожу из-под душа, подальше от своих мыслей, и снова натягиваю пижаму. Оставляю Дэна наверстывать то, что он недоспал. Я боюсь того, что могла бы сказать, если останусь, боюсь того, что могла бы услышать, и лишь когда спускаюсь на первый этаж, мне приходит в голову поинтересоваться, по-прежнему ли та машина стоит за калиткой. Но ее там нет.

В сарае очень холодно, мое дыхание образует облачка. Я включаю обогреватель и натягиваю серые перчатки без пальцев. Телефонный столик, который я отшлифовала песком, покоится на листах газеты, готовый к покраске. Он предназначен ко дню рождения миссис Джонс. Она всегда восхищается моим столиком. Я погружаю кисть в фисташковую краску и провожу по неотделанной древесине полосу. Дэн не может понять моей увлеченности старой мебелью, но я обожаю находить старой вещи новое применение, мне приятно сохранить маленький кусочек истории. Я всегда задаюсь вопросами о прежних владельцах: какова была их жизнь, были ли они счастливы? Движение кисти успокаивает меня, и к тому времени, как я заканчиваю, напряжение ослабляет хватку на моих плечах, а мои страхи надежно засунуты туда, где их не видно. Мой телефон пищит, и я провожу пальцем по экрану. Это дедушка подтверждает, что ланч будет в час. Не то чтобы я могла забыть, – мы почти всегда ходим к ним обедать по воскресеньям, но с тех пор, как бабушка в прошлом году купила ему мобильный телефон на семидесятый день рождения, дед постоянно шлет мне эсэмэски. Я отбиваю ответ, гораздо более оптимистичный, чем мое настроение, и сую телефон в карман. Пожалуй, мне лучше разбудить Дэна.

Подливка густая и однородная. Я наливаю ее в белый фарфоровый соусник, вытираю пальцем капли, струйками стекающие по бокам. Дедушка нарезает ростбиф, а бабушка тем временем накладывает красочные, дымящиеся овощи в сервировочные миски. Мой рот наполняется слюной от запаха йоркширских пудингов. Я проголодалась. Я пропустила завтрак, беспокойство притупило чувство голода. **«НЕ ПИТЬ АЛКОГОЛЬ»** написано на моем пузырьке со снотворными таблетками, но ведь это просто шаблонное предостережение, не так ли? А такие предостережения мы все игнорируем. Я подцепляю мясо на вилку, отправляю в рот, и от соуса из хрена начинает хлюпать нос. Бабушка протягивает мне бумажный носовой платок и продолжает рассказывать нам о «милом молодом человеке», который пришел наладить их новый компьютер, и о том, как она каждый день сидит в «Гугле».

Мои плечи трясутся от подавленного смеха, и я пытаюсь поймать взгляд Дэна. Склонившись над столом, он ковыряется в тарелке и не поднимает головы, когда я начинаю убирать со стола. Я отношу грязные тарелки в кухню и ставлю стопку посуды возле мойки. Я часто пыталась убедить бабушку и дедушку купить посудомоечную машину. Они могут себе это позволить и имеют для этого достаточно пространства. Они всегда говорят, что обдумают этот вопрос, но я считаю, им нравится процесс мытья посуды вручную: они стоят бок о бок, бабушка моет, дедушка вытирает. Глядя в окно над мойкой, они обсуждают, какие крупные выросли кабачки, распознают птиц в кормушке.

Дедушкин голос доносится из-за стены, низкий и сиплый. Если не знать, можно подумать, что он курит. Дэн смеется, и мне требуется целая секунда, чтобы идентифицировать этот звук, я так давно его не слышала. Мы выросли вместе, и порой я спрашиваю себя, естественно ли это, что мы отдалились друг от друга, случилось ли бы это в любом случае и, может, обстоятельства не виноваты.

Бабушка помешивает домашний заварной крем для яблочного пирога, который подогревается в духовке. Я встаю на цыпочки и снимаю с буфета розовый кувшин с изображением пасущихся коров. Споласкиваю его водой под краном.

– Грейси, я на днях получила электронное письмо от моей подруги Джоан. Оно ждет тебя на холодильнике.

– Ты его распечатала?

– Да. Она прислала рецепт, который я хотела перенаправить тебе.

Я открываю рот, чтобы объяснить, что на самом деле означает

«перенаправить», и снова его закрываю. На данный момент довольно, что она справляется с задачей составления электронного послания, пусть даже пишет каждый раз в строке темы «ЭТО ОТ БАБУШКИ», а затем звонит мне, чтобы удостовериться, что я его получила.

Это рецепт ризотто с мускатной тыквой, звучит вкусно. Испробую его к чаю на следующей неделе, хотя мне придется приготовить бифштекс для Дэна, а не то он станет приподнимать вилкой овощи и спрашивать, где прячется мясо.

– И еще я видела Лекси.

Я застываю при упоминании матери Чарли.

– Опять пьяная, еле стояла на ногах.

Лекси всегда любила выпить, еще когда Чарли была жива, но окончательно съехала с катушек с тех пор, как ее дочь умерла. Бабушка выключает газовую конфорку и поворачивается ко мне лицом.

– Не знаю, стоит ли тебе говорить, Грейс. Меньше всего мне бы хотелось, чтобы ты расстраивалась из-за этой женщины. – Бабушка никогда не была особенно высокого мнения о Лекси.

– Расскажи, в чем дело.

– Она хочет тебя видеть.

Пульс резко подскакивает при мысли о том, чтобы увидиться с матерью моей лучшей подруги. Я не видела ее с момента похорон Чарли. Похорон, которые мне пришлось покинуть после того, как Лекси сказала, что никогда не простит мне смерти своей дочери.

То, что случилось перед смертью Чарли, не было моей виной. Как и виной Чарли. Как это могло быть нашей виной? «Тогда почему Чарли сбежала?» – шепчет голос у меня в голове. Я его игнорирую, но он не желает смолкать.

Бабушка перекладывает крем в кувшин и вручает его мне, чтобы я отнесла в столовую. Он плещется на ходу, горячая жидкость попадает мне на руку, но я едва замечаю. Бабушка идет за мной следом с яблочным пирогом, о котором я теперь не могу думать. Сажу за столом, зажав в руке ложку. Жужжание окружающих меня голосов становится все более и более отдаленным, пока голоса не делаются совсем неразборчивыми. Я улыбаюсь и киваю в подходящие, по моему мнению, моменты, а тем временем в мозгу крутится и крутится одна и та же мысль: чего от меня хочет Лекси?

Глава 5

Прошное

Я переминалась с ноги на ногу, потирая озябшие плечи, и вглядывалась в конец дороги в ожидании Чарли. Она должна была прийти на чай. Когда бабушка предложила пригласить домой кого-то из моих друзей в конце первой школьной недели, я тщательно обдумала этот вопрос. Эсме была очаровательна, Шиван более сдержанна, но все равно мила, даже Дэн после самого первого дня относился ко мне неплохо, но только между Чарли и мной уже возникла сильная связь. Никто прежде не вставал на мою защиту – вероятно, просто не было такой необходимости.

– Тыпустишь холоду, – проворчала из прихожей бабушка.

Я закрыла входную дверь, но осталась стоять на ступеньке, вставая на цыпочки всякий раз, как слышала шум автомобиля. Через двадцать минут появилась Чарли.

Я ввела ее в прихожую.

– Мы поднимемся наверх, в мою комнату.

– Но только не в обуви, юная леди, ты знаешь правила, – стремительно возникла в прихожей бабушка, вытирая о фартук испачканные мукой руки.

У меня мурашки пробежали по голове от смущения, когда Чарли скинула линялые кроссовки. Бабушка подхватила их и поставила на полку для обуви, пощелкав языком, когда заметила, что мыски почти протерлись. Мы с Чарли вихрем устремились вверх по лестнице и плюхнулись на мою кровать.

– Что ты хочешь делать?

Я все еще толком не распаковалась. В углу моей комнаты стояли коробки с играми и книжками. Чарли подошла к ним, взяла игру «Мышеловка» и встряхнула коробку. Внутри загремело содержимое.

– Вот. – Она передала игру мне, и я открыла крышку. Игра была не самой любимой – некоторые ее этапы были довольно замысловатыми. – Как получилось, что ты живешь с бабушкой и дедушкой?

Я ожидала этого вопроса, но все равно почувствовала себя не подготовленной к нему.

– Мои родители не могут присматривать за мной. Какого цвета мышку берешь? – Я выставила раскрытую ладонь.

Чарли выбрала зеленую и пристально посмотрела на меня:

– Почему не могут?

– Они умерли. – Ложь застряла у меня в горле, и я подхватила розовый пластмассовый стаканчик с витаминным концентратом, который бабушка поставила ко мне в комнату, и залпом проглотила содержимое, словно стремясь смыть свои слова, и поморщила нос от приторной сладости.

– Умерли? – Чарли нахмурилась.

– Да.

– Как они умерли?

– Пожалуй, возьму синюю. – Я бросила остальных мышей обратно в коробку. – У тебя есть братья или сестры?

– Нет, – ответила Чарли. – Мы живем вдвоем с мамой. Мне порой бывало так одиноко, что я завела себе воображаемую подругу.

– Правда?

– Да, ее звали Белль. Она подстрекала меня на всякие плохие поступки, и мама выходила из себя и орала, а Белль смеялась, когда мне попадало. Однажды мне на Рождество подарили Барби, и Белль заставила меня отрезать ей волосы и намазать лицо лаком для ногтей. Хотя с такой подругой бывало и весело.

– Ты назвала ее Белль в честь героини сказки «Красавица и чудовище»?

– Наверное. Впрочем, я из нее уже выросла, как выросла из Диснея.

– Я тоже. – Я надеялась, Чарли не станет открывать коробку с моими видеофильмами. До недавнего времени я была просто одержима принцессами. Хотя уже тоже выросла из них, после того что случилось с моими родителями. Всякий бы вырос.

– Тебе повезло, что у тебя есть бабушка и дедушка.

– Знаю. А у тебя разве нет?

– Не-а. Мама говорит, нам больше никто не нужен. Только я и она против остального гадкого мира. Но теперь мы с тобой вместе, не так ли? Мы же похожи, у нас нет отцов. Мы будем лучшими подругами.

Чарли потянулась к своей куртке и вытащила «Кит-кат». Открыла упаковку и, сделав зарубку на фольге большим пальцем, разломила пополам и протянула мне половину. Я с благодарностью ее приняла.

– Давай играть в «Мышеловку» – с тобой будет гораздо веселее, чем с Белль, пусть даже мне не гарантирован выигрыш. – Чарли с широкой улыбкой встряхнула игральный кубик. – И улыбайся! Ты, я, Шиван и Эсме, мы будем в школе как маленькая семья. Я об этом позабочусь.

Мы увлеклись игрой. Когда Чарли должна была ходить, в дверь постучала бабушка. Мука с ее рук осыпалась на ковер. Она растерла ее

носком тапочки.

– Тебя к телефону, Грейс.

– Не жульничай, Чарли. Я вернусь через минуту.

Внизу бабушка скрылась в кухне. Я подняла телефонную трубку и стала наматывать телефонный шнур на палец, слушая тишину на другом конце провода. Я молчала. Я уже знала, кто это, и мне было нечего сказать.

– Грейс? Грейс? – слышался издали мамин голос, и я с шумом положила трубку на рычаг.

– Так быстро? – удивилась бабушка, когда я затопала вверх.

– Нас прервали! – крикнула я.

Я опять уселась за игру, и Чарли вручила мне игровой кубик.

– Кто тебе звонил?

– Никто, – ответила я, скрещивая пальцы. – Там никого не было.

Глава 6

Настоящее

Всю ночь я лежу без сна, раздумывая над тем, почему Лекси сказала бабушке, что хочет меня видеть. Возможно, она хочет извиниться за свое поведение на похоронах Чарли, или, скорее всего, она хочет меня убить. Голова гудит, как пчелиный рой, деятельный и шумный, и к тому времени, как встает солнце, окрашивая небо огненно-красным, я уже выпила три чашки чая, так и не решив, стоит ли с ней встречаться.

Я знаю, что Лекси перестала петь в местном пабе и теперь редко появляется на людях, разве что в супермаркете – толкая тележку, в которой больше алкоголя, чем еды. Дэн считает ее ненормальной – он так считал еще до ее выходки на похоронах. Бабушка проявляет больше сочувствия.

– Ей не следовало так с тобой разговаривать, – сказала она. – Но люди скорбят по-разному.

Я прихожу на работу совершенно вымотанная, с опухшими глазами.

– Доброе утро, Грейс. – Моя начальница Лин всегда жизнерадостна. – Готова к натиску? – Лин отпирает входную дверь и держит ее открытой, приветствуя всех родителей и малышей по имени.

Дети наводняют раздевалку, волочась за усталыми мамашами, которые топают сапогами и трясут зонтами. Капли воды на полу собираются в лужицы. Я беру себе на заметку, что надо протереть пол, а то кто-нибудь может поскользнуться. Эмили бросается ко мне и обвиняет ручками мои колени. Иметь любимчиков не положено, и я действительно люблю всех детей, но у меня особая связь с Эмили. Я расстегиваю молнию на ее плаще и стягиваю его с плеч, под ним розовая кофточка с картинкой из мультсериала «Даша-путешественница».

– Доброе утро, Сара, – говорю я. Мама Эмили выглядит бледной, под глазами темные круги. – Как дела?

– Устала. Малышка кричала всю ночь. – Она качает коляску. Я бросаю взгляд на спящего младенца, растянувшегося, как морская звезда, со сжатыми в кулачки ручками. – Так или иначе, я борюсь с бессонницей, с тех пор как...

Мы встречаемся с ней взглядами поверх головы Эмили, и я знаю, что она хотела сказать «с тех пор как Грег ушел». Несколько недель назад Сара предупредила нас, что Эмили может вести себя беспокойно, сучая по отцу.

Сара вышвырнула мужа, застав его в постели с секретаршей, – до этого я никогда всерьез не верила, что подобное действительно случается в жизни.

– Пойду вздремну немного, – продолжает Сара, – пока дочка спит. – Она целует Эмили в светловолосую макушку и шагает к двери, одной рукой толкая коляску, а другой натягивая капюшон.

Я провожу счастливое утро за столом детского творчества, наблюдая, как дети создают сверкающие шедевры, полностью погруженные в свое занятие.

– Смотри, Грейс. – Эмили придвигает ко мне лист бумаги, на котором изображены две фигурки. Синяя краска капает на мои черные брюки.

– Как красиво, Эмили. Это вы с Лили?

– Да.

– Наверно, здорово иметь сестру?

– Нет. Она все время плачет. Мама говорит, когда она подрастет, то будет более тересной.

Я смеюсь над ее неправильным произношением.

– Уверена, она будет очень интересной. – Я прикрепляю мокрую бумагу к натянутой над столом веревке для просушки. – Маме твоя картинка очень понравится. К тому времени, как ты пойдешь домой, она высохнет.

Эмили стрелой мчится к уголку с карнавальными костюмами, а я разглядываю изображение двух маленьких девочек. В детстве мне всегда хотелось иметь сестру, делить с ней радости и печали, а потом я познакомилась с Чарли и думала, что мы с ней всегда будем вместе. Станем старенькими и седыми, будем вместе ходить с палочками, болтать вздор на парковой скамейке, сравнивать хвори и болячки. Посмеиваться над старыми добрыми временами.

– О чем задумалась? – Лин легонько касается моей руки.

– Да так, ни о чем.

– Я уверена... – Она умолкает, прерванная звонком в дверь. Звон не прекращается: то ли кто-то нажал кнопку домофона и не отпускает, то ли домофон сломался.

– Не выпускай детей отсюда, – наставляет Лин Ханну, и я следую за ней в коридор, прикрывая за собой дверь комнаты для игр.

Увидев нас, папа Эмили отпускает кнопку и начинает стучать по двери ладонями. По его багровому лицу стекают струи дождя.

– Откройте. Мне. Дверь.

Лин нажимает кнопку переговорного устройства и спокойно отвечает:

– Что вам нужно, Грег? – И только потому, что я хорошо знаю ее,

улавливаю в голосе легкую дрожь.

– Эмили.

– Вам надо пойти домой и успокоиться. Я не могу впустить вас в таком виде.

– Откройте чертову дверь. – Он принимается колотить в дверь ногами. На стекле появляются грязные отпечатки подошв, и рама дребезжит. Но пока держится.

– Вы напугаете детей. Если вы не уйдете, я вызову полицию.

– Я имею право увидеть свою дочь, сука. Вы все суки поганые.

Я раздумываю, сколько времени понадобится полиции, чтобы приехать. В соседней комнате тишина. Я представляю себе лица детей, бледные и встревоженные, маленькие ручки, затыкающие уши. Гнев заглушает мой страх. Как он смеет? Отцы должны быть защитниками. Давно забытые чувства воспламеняются во мне, пока я проскакиваю через комнату персонала и через дверь черного хода выскальзываю на улицу. Ветер бросает ледяной дождь в лицо, и у меня перехватывает дыхание. Сгорбившись и опустив голову, я огибаю здание и подхожу к парадной двери.

– Грег.

Он резко оборачивается. На лбу у него пульсирует жила.

– Где моя дочь, черт подери?

– Я ее не привела. – Ледяная вода струйками стекает за шиворот, и футболка прилипает к спине.

Грег бросается вперед, занося кулак. Я вздрагиваю, ощущая слабость и дрожь в ногах. Думаю об Эмили, как она высовывает кончик розового язычка между зубами, когда сосредотачивается на рисовании.

– Если не позволите мне ее увидеть, Грейс, клянусь, вы пожалеете. – Он крепко стискивает зубы.

– Вы действительно хотите, чтобы она увидела вас в таком виде? – Мой голос звучит сдержанно, противореча страху.

Его рука застывает в воздухе, а наши взгляды встречаются. Рокочет отдаленный гром. Ноги у Грега подгибаются, и он падает на колени, лицо его красно от дождя и раскаяния. Дрожащими руками он прикрывает глаза.

– Я скучаю по ней. Скучаю по ним обеим, так сильно. – Он опускает лоб к земле, словно обращаясь к Богу, который его не слушает.

Я касаюсь его плеча, не зная точно, то ли пытаюсь успокоить Грега, то ли придать уверенности себе.

Он поднимает голову и смотрит на меня налитыми кровью глазами.

– Не могу справиться с болью, которую причинил.

Но он может. Нам всем приходится справляться с последствиями наших поступков, не важно, насколько они тяжки. Я знаю это лучше кого бы то ни было.

– Пожалуйста. Позвольте мне ее увидеть, Грейс.

– Не могу.

– Тогда я заставлю вас пережить то же, что переживаю сейчас сам. Как вам это понравится?

Лин становится в очередь за напитками, а я захватываю столик у окна. Разматываю шарф и скидываю пальто. На мне спортивный костюм Ханны. Моя вымокшая детсадовская форма лежит скомканная в багажнике машины. Я откидываюсь на спинку кресла-бочонка и соскальзываю по сиденью из кожзаменителя. Мимо окна суетливо спешат толпы людей, и мне интересно, куда они идут: домой, забрать детей, а может, на встречу с возлюбленными? Ноги шлепают по мокрому тротуару, дрожащие тела упакованы в застегнутые на молнии пальто и куртки, шарфы намотаны плотнее обычного. Прогноз погоды пока не предсказывал снега, но январский воздух кусается.

Через дорогу, под фонарем, стоит одинокая фигура: черное пальто с теплой подстежкой, поднятый капюшон, лица не видно. Человек смотрит прямо в окно кафе. На меня? Я с неудовольствием поеживаюсь в кресле и отворачиваюсь, но, когда снова смотрю в ту сторону, фигура по-прежнему там стоит. По-прежнему неподвижно. По спине у меня начинают бегать мурашки, как в воскресенье, когда неизвестная машина остановилась возле моего коттеджа.

– Вот. – Лин со стуком ставит на стол кружки с дымящимся шоколадом. По стенкам кружек стекают сливки, и она облизывает пальцы.

– Видишь ту фигуру через дорогу?

– Где? – Лин без очков и потому щурится.

– Там. – Я встаю и прижимаю ладони к окну. Лоб тоже касается стекла, и оно туманится под моим дыханием. Я поворачиваю к ней голову: – Видишь?

Лин надевает очки и становится рядом со мной. Наморщив лоб, она вглядывается в темную улицу.

– На кого смотреть, Грейс?

Я снова поворачиваю голову к окну, но фигура исчезла, и я спрашиваю себя, была ли она там вообще.

– Не важно. Видимо, это Грег выбил меня из колеи. Спасибо за шоколад. – Я сажусь и придвигаю к себе кружку, едва слушая Лин, которая

подробно пересказывает какую-то путаницу с заказом. Мой взгляд снова притягивается к улице за окном. Той фигуры там определенно больше нет, и я ругаю себя за паранойю. После смерти Чарли мои чувства обострились. Удивительно, как многогранно горе: слезы и печаль, замешательство и гнев. Я открываю пакет с мини-кексами, вытаскиваю один и откусываю кусочек. Эйфория от «быстрых углеводов» начинает восстанавливать энергию, которую выпил из меня сегодняшний день.

– Что за день! – Лин выковыривает из кекса шоколадные крошки и отправляет их на язык.

– По крайней мере Эмили не пострадала.

Я отыскала в книге номеров экстренной связи телефон сестры Грегга, и та пришла его забрать. Несмотря на дикую выходку, я не считала, что его стоило арестовать. Я знаю, каково это, когда чувство вины сидит в тебе и ест изнутри. Тупая боль, которая никогда полностью не уходит. Грег – человек, такой же несовершенный и раскисающийся, как все мы. А кто не совершает ошибок, не так ли? Только некоторые ошибки труднее простить.

– Как ты думаешь, Сара примет его обратно? – спрашивает Лин.

Яжимаю плечами и, собрав ложкой сливки, отправляю их в рот, наслаждаясь бархатистой сладостью, пока они растворяются на языке.

– Как же хорошо посидеть, – говорит Лин. – Я так много танцевала на совершеннолетия племянницы Стива в субботу, что натерла волдыри. Жаль, тебя не было.

– Я знаю. Просто...

– Слишком скоро после Чарли. – Лин похлопывает меня по руке, достает новый кекс и откидывается в кресле.

Прошло уже больше пяти месяцев, и я стараюсь перестроить свою жизнь. Иногда мимолетно чувствую что-то близкое к нормальному состоянию, но я еще не готова танцевать, как бы я ни ценила старания Лин куда-то меня вытащить. Я пытаюсь впустить людей обратно в мою жизнь, благодарная, что они до сих пор здесь. Я обособилась после похорон Чарли – просто не могла вырвать себя из постели. И только на мой двадцать пятый день рождения, когда бабушка и дедушка стояли у моей кровати с фальшивыми улыбками и подарками в ярких обертках, я по-настоящему заметила тревогу на их лицах. С того дня я начала по частям собирать себя. Я говорю себе, что справляюсь, но это не так. Не очень-то мне это удастся. Заберите у меня снотворное, и я снова развалюсь на кусочки.

– Бабушка видела Лекси, маму Чарли. Она хочет меня видеть.

– Зачем?

– Не знаю. Полагаю, есть только один способ выяснить.

– Удачная ли эта мысль? Она вела себя ужасно по отношению к тебе, Грейс. Выгнала с похорон твоей лучшей подруги.

– Я знаю, но она мать Чарли, и у нее больше никого нет. Мне действительно надо проверить, все ли у нее в порядке. Вероятно, она хочет извиниться.

– Возможно, – говорит Лин. Но вид у нее неуверенный, как и у меня.

В стиральной машине крутится моя форма, а я проделываю дырки в пластиковой упаковке с рыбным пирогом, который нашла на дне морозилки. Я собиралась пройтись по магазинам, но события с Грегом и ощущение, что за мной следят, выбили меня из колеи, и, расставшись с Лин, я сразу отправилась домой. Ставлю пирог в микроволновку и наливаю в бокал немного вина. У Дэна футбольная тренировка в понедельник, после нее он всегда ужинает в баре. Он прислал мне эсэмэску, что нашел свой телефон; я рада, что мы сразу же не купили новый. Сейчас поем и пораньше лягу спать.

Я перебираю музыкальные альбомы, стараясь найти такой, чтобы соответствовал сегодняшнему дню. Телевизор редко включается, когда Дэна нет дома. Я опускаю на пластинку граммофонную иглу и слушаю предшествующий пению треск. Элла Фицджеральд вполголоса напевает песню «Ненастная погода», я и сама стосковалась по ясной погоде в моей жизни. Хотя еще рано, я надеваю пушистую пижаму из шерстяной шотландки, о которой Дэн говорит, что в ней я похожа на медвежонка Руперта из детских комиксов. Розовый конверт Чарли стоит между прикроватной лампой и стопкой книг, которые мне надо прочесть. Я осторожно беру письмо, точно оно может взорваться, отношу вниз и, пялясь на него, ем пирог из замасленного пластикового контейнера, чтобы не мыть посуду. Мне любопытно узнать, что написала Чарли, но в то же время не хочется вскрывать письмо, потому что я страшусь эмоций, которые оно может породить. Это будет последнее новое воспоминание о Чарли. Как только я его вскрыю, у меня уже не останется о Чарли ничего, кроме старых воспоминаний.

Я ставлю поднос на пол, закидываю ноги на диван и растягиваюсь на нем, прикрыв ноги лоскутным покрывалом. Осторожно взяв письмо двумя пальцами, вскрываю конверт.

Глава 7

Прошлое

– Нарциссы уже всходят.

Дедушка мыл руки на кухне, а бабушка вытирала брызги воды с кранов из нержавеющей стали посудным полотенцем с надписью «Обожаю Париж». Она никогда не была во Франции, вообще никогда не покидала Англию, но питала слабость к посудным полотенцам и всегда покупала их, когда ходила по магазинам, часто приобретая кому-нибудь в подарок. У нее был полный ящик полотенцев с изображениями мест, где она никогда не бывала. Не то чтобы я сама бывала за границей, но в тринадцать лет считала, что впереди у меня еще масса времени.

Я сидела за сосновым кухонным столом, прижавшись к буфету, набитому синей и белой фаянсовой посудой. От большого куска лимонного кекса осталось несколько крошек, и я, отодвинув тарелку, придвинула стопку фотоальбомов.

Раскрылись коричневые измятые страницы. Сердце закололо, и я прижала руки к груди. Семейные фотографии моей не существующей больше семьи – у меня при виде их всегда перехватывало дыхание. Я всячески старалась избегать этого испытания, но сегодня нужно было отобрать несколько фотографий для школьного проекта. Дедушка стоял сзади, положив руки мне на плечи, пока я молча листала страницы. Я водила пальцами по лицам. Мы выглядели как обычная семья: мама, папа и я. Рождественские коробки с конфетами и летний отдых на пляже с песчаными замками. Когда-то мы были обычной семьей. Сейчас мне этого не хватало. Я задержалась на фотографии, где я стою между мамой и папой на пляже, и они, улыбаясь, гордо держат меня, словно выигранный трофей, а ветер треплет их волосы. Мне, наверное, года два, по подбородку стекает мороженое, и я протягиваю вафельный рожок в сторону фотокамеры. Снимок так хорошо ухватил момент времени, что я буквально ощущала солнце, видела разбивающиеся волны, слышала чаек. Ощущение дома. Было еще зернистое фото, где мы с папой сидим за завтраком, а перед нами кружки с горячим шоколадом и шапкой взбитых сливок и зерновые хлопья. Папа готовил для меня настоящий горячий шоколад. «Никакой порошковой дряни для моей девочки». У него была специальная кастрюлька, только для молока, и он долго размешивал в ней куски шоколада «Кэдбери», пока

молоко не становилось густым и коричневым.

– Вот эта. – Я вынула фотографию из пластикового кармашка и прибавила к стопке фотографий дедушки и бабушки, мамы и разнообразных тетюшек и дядюшек, которых, кажется, никогда не встречала и чьи неразборчивые имена на рождественских открытках никогда не узнавала.

– Должно быть, ты по ним скучаешь. – Дедушка сел рядом со мной. – Так не должно быть. Твоя мама опять звонила вчера вечером. – Он накрыл рукой мою руку. Его ладонь была теплой и влажной.

– Не хочу о ней говорить. – Желудок свело при мысли о том, что я наделала, и я отдернула руку.

– Тебе надо говорить о ней. Разложить все по полочкам у себя в голове.

– Я ведь говорила об этом с Полой в свое время, не так ли? Какой был смысл ходить к дурацкому психотерапевту, если и с тобой приходится говорить о том же?

– Не ругайся, Грейс.

Ножки стула закричали по плиточному полу – это я отодвинулась от стола и встала.

– Пойду к Чарли.

– Подожди. – Бабушка выставила руку, точно полицейский, останавливающий движение. Прислонившись к дверному косяку, я выжидала, постукивая пальцами по деревяшке, глядя, как она кладет громадный кусок бисквита на кусок фольги и заворачивает. – Возьми с собой. Эту девочку надо подкармливать. – Если послушать бабушку, то никто нормально не питается, кроме нас. – Может быть, ты хочешь пригласить ее поехать с нами на каникулы в этом году, мы едем за границу.

– Правда? Куда? – Любопытство подняло мне настроение. Я скрестила пальцы за спиной: *Диснейленд, Диснейленд, Диснейленд*. Эсме ездила со своей тетей в Париж в прошлом году и с тех пор не перестает говорить об этом.

– На остров Уайт.

– Айви, это не заграница. Я тебе объяснял. – Дедушка подмигнул мне, и я не смогла удержаться, чтобы не улыбнуться в ответ.

– Если это не заграница, тогда почему мы должны садиться на паром, чтобы туда добраться, а? Объясни мне.

Пластиковый пакет из магазина «Теско», туго набитый фотографиями и кексом, стучал по ногам, пока я неслась через деревню, мимо жужжащих

газонокосилок и садовых шлангов, поливающих чумазные машины. Кроссовки шлепали по бетону, я бежала все быстрее и быстрее, стараясь изгнать из головы слова бабушки. Моя жизнь казалась расколотой надвое. На «до» и «после».

Когда я добралась до главной улицы, футболка взмокла от пота, и я привалилась к почтовому ящику, чтобы отдышаться. До меня донесся взрыв смеха. Это Шиван вышла из магазина «Бутс» со своей младшей сестрой Эбби. Я хотела крикнуть «Привет!», но Шиван, приложив ладонь к уху Эбби, что-то ей сказала. Они посмотрели в мою сторону и захихикали. Я захлопнула рот и принялась сосредоточенно изучать расписание выемки писем, осознавая, что щеки у меня, вероятно, такого же цвета, как почтовый ящик, и жалея, что не срезала дорогу через парк – но бабушка не любит, когда я хожу там одна. «Там всякий сброд», – говорит она, но в дневное время в парке обычно полно слащавых карапузов и озабоченных мамаш. Я не очень понимала, что Шиван имеет против меня, но она никогда не относилась ко мне так доброжелательно, как Чарли и Эсме, и с каждым годом она становилась все недружелюбнее. Эбби и Шиван нырнули в кафе, и я торопливо проскочила мимо его витрины, опустив голову и ссутулившись.

Дом Чарли был зажат в ряду викторианских террасных домов из красного кирпича, с общим выходом нескольких дымовых труб. Там раньше жили рабочие старой текстильной фабрики. Фабрики давно не было, ее здание сейчас занимала начальная школа, но дома остались.

Газон перед домом зарос высокой травой и крапивой, поэтому, пробираясь к входной двери, я подняла руки. Проигнорировав дверной звонок – по-моему, он никогда не работал, – постучала дверным молотком. Чешуйки черной краски отслаивались от двери и, порхая, падали на порог. Я ждала, и как раз в тот момент, когда собиралась постучать снова, услышала стук каблуков-шпилек, позвякивание браслетов, и дверь со скрипом распахнулась.

– Привет, Лекси. – Мать Чарли прижалась к стене, и я просочилась в прихожую. Лекси встряхнула руками:

– Закрой дверь, Грейси Грейс. У меня лак еще не просох.

Я закрыла за собой дверь и наклонилась, чтобы подобрать с половичка почту.

– Всю рекламу можешь забрать с собой, – сказала Лекси. – Мне она на фиг не нужна. – Лекси подула на свои рубиново-красные ногти. – Как дела? Уже нашла себе бойфренда?

– Нет. Я...

– Тебе лучше без него. Они все, к чертям, никуда не годятся. Чарли на кухне, готовит чай. Голодная?

– Умираю с голоду. – Съеденный кусок лимонного кекса рассосался во время бега.

Чарли высыпала на рыжий от ржавчины противень куриные наггетсы и чипсы.

Лекси почти никогда не готовила. Чарли жила практически на одной пище, бургерах и чипсах – просто чудо, что она была такой тощей. «Ленивая еда для ленивых людей», – говорила бабушка, но мой рот все равно наполнился слюной.

– Сделай одолжение, зажги мне сигаретку. Не хочу размазать лак. – Лекси кивнула в сторону пачки, и я вытащила сигарету и протянула ей. Она сомкнула вокруг нее алые губы. С трех попыток я привела в действие зажигалку, Лекси наклонилась ко мне, и мне стало страшно, что ее волосы, сухие и всклокоченные после многих лет окрашивания, могут вспыхнуть. Она затянулась, и кончик сигареты зажегся красным.

– Что у тебя там? – кивнула Лекси в сторону моего пластикового пакета.

Я отодвинула в сторону стопку писем, разбросанных по столу, и вывалила фотографии.

– Это для нашего проекта по истории. Родословное древо. Глупая идея, но это обязательно. Чарли тоже надо принести какие-нибудь фотографии.

– Не уверена, что у меня есть что-то подходящее. Только публичные снимки. Немного рискованные, если ты понимаешь, что я имею в виду.

Я не поняла, но все равно засмеялась в ответ на ее смешок.

– А что насчет отца Чарли?

– А что насчет него? – Лекси нахмурилась и отогнала дым от глаз.

Чарли бросила на меня грозный взгляд, гремя противнем.

– У вас есть какие-нибудь фотографии? Нам требуется вся семья. Это нелепо, но...

– Я ее семья. Черт возьми, я что, недостаточно хороша? – Лекси придавила окурок.

– Да, но...

– Но что?

– Считается, что у нас должны быть фотки. Они у вас что, пропали во время пожара?

– Какого пожара?

– Чарли говорит, что помнит пожар. Здесь, когда она была маленькой.

– У Чарли чертовски активное воображение.

– Но, мам... я помню...

– Ты ничего не помнишь, маленькая лгунья. Никогда не было никакого пожара. – Лекси оттолкнула стул. Он с глухим стуком ударился о стену. – Я ухожу.

– Мам, я же готовлю...

– Я не голодна. – По коридору эхом разнесся стук ее шпилек. Хлопнула входная дверь, и дом содрогнулся.

– Зачем ты это сделала? – Чарли стояла, уперев руки в бока.

– Что?

– Я же говорила тебе, что с ней бывает, когда я упоминаю об отце.

– У тебя есть право знать, в любом случае нам надо...

– *Нам* ничего не надо. Шиван права, иногда ты бываешь настоящим геморроем, Грейс. Только потому, что у тебя в семье неразбериха, ты вmeshиваешься в мою.

Мой стул с грохотом опрокинулся – сжав кулаки, я вскочила на ноги.

– Не могу поверить, что ты это сказала. Ты ведь моя лучшая подруга.

– Что ж, может быть, нам не надо больше дружить. Мне не нужен отец и не нужна ты, Грейс Мэтьюз. Отвали.

Чарли встала и пулей вылетела за дверь. Ее шаги загрохотали по лестнице, и лампа у меня над головой затряслась, когда Чарли вбежала в свою комнату. В этом доме не было ковров, чтобы смягчать звуки. Я помню, Чарли однажды сказала, что все они были содраны, поврежденные дымом, и меня удивляло, почему Лекси отрицала пожар. Что она пыталась скрыть? Но, собирая свои фотографии обратно в пакет, я знала, в одном Чарли была права. В моей семье действительно неразбериха, и виновата во всем я.

Глава 8

Настоящее

Я держу в руках письмо из розового конверта. У бумаги неровный край. Она явно была вырвана из тетради, и мне слышится голос нашей учительницы из начальной школы, мисс Стайлз, которая кричит: «Шарлотта Фишер! Что это ты делаешь?» Чарли так часто попадалась на своих проделках.

Я беру бокал с вином, откидываюсь на спинку дивана и начинаю читать.

ТОЛЬКО ГРЕЙС И ЧАРЛИ РАЗРЕШАЕТСЯ ЭТО ЧИТАТЬ, ПОЭТОМУ, ЕСЛИ ТЫ НЕ ОДНА ИЗ НАС, ПЕРЕЗАХОРОНИ НАШУ КОРОБКУ И ВАЛИ ОТСЮДА!!!

Итак, нам уже больше не пятнадцать лет, мы совсем взрослые и потрясающие, и вот список дел, которые мне надо сделать, если они еще не сделаны:

1. Я хочу найти своего отца. Ну вот, я это признала. Мне чертовски жаль, что я была истеричной сукой, Грейс, когда ты пыталась мне помочь, но мама так против этого, что я совсем в растрепанных чувствах. Я подумала, написать об этом будет легче, чем сказать, однако чувствую себя такой виноватой даже оттого, что думаю об этом. Мама порой бывает просто бешеной коровой, но она – все, что у меня есть, и я не хочу ее огорчать. Ты ведь знаешь, Грейс, каково это, когда рядом нет отца? Вечная дыра, не так ли? Изнутри тебя наполняет печаль, которая никак не уходит, и ее все труднее и труднее не замечать.

В последнее время я, похоже, все больше и больше о нем думаю. Мне интересно, похожа ли я на него (в кого я такая красивая), одинаковое ли у нас чувство юмора (что-то же должно объяснять мою одержимость комик-группой «Монти Пайтон») и так же ли он ненавидит свеклу, как я. Я наполовину состою из того, кого не знаю, а я хочу знать. Хочу знать, кто я и

откуда родом, и хочу, чтобы он тоже меня знал (но только с хорошей стороны!).

Надеюсь, что к этому времени мама уже раскололась и сказала мне, кто он (кстати, я НИКОГДА не буду лгать так, как она), и мы уже нашли его и провели каникулы у бассейна в его голливудском особняке. (Не перебор ли это – надеяться, что он кинозвезда-миллионер?)

2. Не толстеть!!! Мы будем проводить уйму времени в бикини (смотри выше)!

3. Всегда оставаться друзьями. Грейс, Шиван, Эсме и Чарли. Наша великолепная четверка. Я люблю вас всех (но особенно тебя, Грейс, моя лучшая подруга навеки).

Чарли.

Я перечитываю список дважды, пока допиваю вино. Я ни на шаг не приблизилась к раскрытию смысла ее последних слов. В письме нет ничего, что помогло бы мне их понять, и разочарование, словно кислота, разъедает желудок. Я сама не знаю, чего ожидала. Большой черной стрелки с надписью «начинать отсюда»? Пока я перечитываю письмо, до меня доходит, что мы так и не разыскали ее отца, и я встаю и начинаю ходить по комнате. Куда она ездила, когда исчезла? Не могла ли она найти своего отца? Не мог ли он знать, что она совершила нечто ужасное?

Я закрываю глаза. *Думай, Грейс*. Если бы я смогла его найти, то могла бы спросить. Единственная проблема состоит в том, что только один человек знает, кто он такой. И этот человек Лекси.

Глава 9

Настоящее

Я веду машину к дому Лекси. Насыщенные влагой облака тяжело нависают в свинцовом небе, и не успеваю я проехать половину пути, как они прорываются. Увесистые капли сыплются на землю пулеметной очередью, отскакивая от ветрового стекла. Я включаю фары, хотя время только приближается к четырем.

Несмотря на уговоры, Дэн отказался со мной поехать. Я пыталась объяснить ему, что мне нужно помириться с Лекси, она мой единственный реальный шанс разыскать отца Чарли, но он не понимает, почему я чувствую себя обязанной его найти. В лучшем случае отец Чарли встречался с ней, когда она исчезла, и может дать ответы на какие-то вопросы. В худшем он с ней не встречался, но тогда я смогу по крайней мере ему о ней рассказать. Почтить ее память.

Кроме того, мне надо разгадать смысл последних слов Чарли: *«Я совершила нечто ужасное, Грейс. Надеюсь, ты сможешь меня простить»*. С чего-то же надо начать.

Мой мобильник вибрирует, и я подъезжаю к обочине у автобусной остановки, чтобы посмотреть, кто звонит; если это бабушка, я отвечу. За мной останавливается красный «Опель Корса». Звонок пришел с номера 0843, и я, предположив, что это, вероятно, телефонный спам, сбрасываю звонок. Возвращаюсь обратно на дорогу, наклоняясь вперед и щурясь, чтобы лучше видеть сквозь проливной дождь. Когда я наконец добираюсь до улицы Чарли, то облегченно вздыхаю.

Палисадник перед домом Лекси залит водой, и к тому времени, как я, продираясь сквозь буйные заросли, достигаю входной двери, штанины моих джинсов мокры насквозь. Не верится, что семь лет прошло с тех пор, как я молотила ладонями в эту дверь и слезы текли у меня по лицу, когда я вопила, требуя правду о Чарли. Я тогда не имела представления о том, что не увижу подругу несколько лет и в следующий раз буду стучать в эту дверь, с тем чтобы забрать Лекси на похороны ее дочери.

Дверной молоток заржавел, и, когда я дергаю его вверх, он протестующе скрипит. В ожидании я топаю, отряхивая влагу с обуви. Раскат грома заставляет меня вздрогнуть, в первую секунду я думаю, что это обратная вспышка в карбюраторе машины, и оборачиваюсь. Какая-то

красная «Корса» припаркована позади моей машины, но слишком темно, я не могу как следует разглядеть водителя и жалею, что не запомнила номер той машины на автобусной остановке. Сколько может быть красных «Корс»? Вероятно, сотни, но волосы на затылке встают дыбом, когда я спрашиваю себя, не та ли это самая машина, что стояла возле коттеджа в воскресенье.

Стучу снова. Громко и настойчиво.

– Кто там?

– Это я. Грейс.

Дверь распахивается, и, когда изрезанное морщинами лицо Лекси показывается из-за двери, я пытаюсь удержать на лице улыбку. Белки ее глаз испещрены крохотными красными сосудами.

– Я теперь больше не открываю, пока не узнаю, кто пришел. Меня тошнит от благодетелей. Я не очень-то верила, что ты придешь.

– Я тоже.

Я вхожу в прихожую, приготовившись защищаться, если она начнет кричать, но, к моему удивлению, она раскрывает мне объятия, и ее поведение на похоронах уже не кажется таким обидным. Она мать Чарли, и ей больно. Нам обеим больно. Ее тазовые кости впиваются в меня, пока мы неловко обнимаемся (она всегда была костлявой), и я отворачиваю голову от ее волос. Их седые корни контрастируют с ярко-рыжими секущимися концами, а запах от волос такой, будто их не мыли несколько недель.

Я иду за Лекси по узкому коридору, оставляя на голом полу мокрые следы.

– Садись.

В кухне стоит неприятный запах. У двери черного хода громоздятся мешки, из которых вываливается мусор. Меня наполняет острое чувство стыда. Это мать Чарли, и независимо от того, что случилось на похоронах, надо было навестить ее раньше. У нее больше никого нет. Я выдвигаю стул. Ножки шатаются, и я смахиваю крошки с сиденья, прежде чем сесть.

– Чаю?

– Спасибо.

В мойке башней высится грязная посуда, напоминая гигантскую игру «Дженга», и когда Лекси вытаскивает оттуда чашку, столовые приборы падают. Их звон разгоняет неуютную тишину.

– Сахар?

– Нет, спасибо.

Лекси ополаскивает под холодной водой заляпанную чашку и заливает недокипевшей водой чайный пакетик. Я отодвигаю в сторону груды почты

и переполненную пепельницу, чтобы освободить место для поставленного передо мной напитка, часть которого выплеснулась на стол. О молоке я и не спрашиваю.

Подношу чашку к губам и делаю вид, что пью.

– Как у тебя дела?

Лекси пожимает плечами и обводит взглядом немытую кухню, словно это должно служить мне ответом – и мне действительно все понятно. Неуютная тишина возвращается.

– Как-то справляюсь. Твоя бабушка присылает мне столько запеканок и кексов, что можно накормить всю улицу.

Я скрываю удивление. Бабушка никогда не была большой почитательницей Лекси. Я тронута ее поступком.

– Итак. – Я делаю глубокий вдох. – Ты хотела меня видеть?

Лекси трясущимися руками зажигает сигарету. Она относит пепельницу к задней двери и пытается высыпать ее содержимое в переполненный мусорный пакет. Пепел просыпается на пол.

– Хочу сдать комнату. Нужны деньги. Не работаю с тех пор, как... Ты знаешь. – Я киваю. – Мне надо расчистить комнату Чарли. В одиночку не смогу.

Лекси берет в руку золотую зажигалку «Зиппо», щелкает ею, потом захлопывает, и так без конца. Я стискиваю зубы. Мне хочется накрыть ее руку своей, успокоить Лекси, но я этого не делаю.

– Ты хочешь, чтобы я тебе помогла?

– Угу. Жилец въезжает завтра.

– Завтра?

– Угу. Ты мне поможешь?

Ее вопрос повисает в воздухе, требуя ответа, но рот у меня пересох, и я не могу говорить. Не хочу возвращаться в комнату Чарли.

Ее серые глаза встречаются с моими.

– Пожалуйста, – чуть слышно шепчет она.

Я открываю рот. На языке у меня сидит слово «нет», словно птица, которая ждет, когда ее выпустят из клетки, но чувство вины рассуждает по-другому.

– Да, – говорю я.

Я толкаю дверь ладонью, она холодная и жесткая, словно знает, что охраняет комнату, утратившую сердце. Когда я ее открываю, то не могу понять, что меня душит: пыль или старые воспоминания. Выцветшие лиловые занавески, которые никогда не задегивались до конца, задернуты,

и я с шумом раздвигаю их и открываю окно. Глотаю свежий воздух так жадно, словно долгое время провела под водой, радостно приветствуя брызги дождя на лице.

Комната Чарли не использовалась последние шесть лет, до самой ее смерти, но Чарли уехала так внезапно, что большинство ее вещей до сих пор здесь. Они разбросаны по всему полу, но, несмотря на устроенный Чарли беспорядок, комната почему-то все равно кажется пустой. Опустошенной.

Лекси стоит в дверях, не переступая порога, и грызет ноготь.

– Я принесу мешок для мусора, – предлагает она.

Я киваю, хотя чувствую, что нам понадобится по крайней мере целая упаковка мешков, а также чудо, чтобы освободить комнату сегодня.

Пробковая доска, покрытая фотографиями, до сих пор криво висит на текстурированных бетонных стенах. Чарли ненавидела свою комнату: «Кто делает стены такими же, как потолок?» Я помню уик-энд, когда она отчаялась упросить Лекси нанять штукатура, и мы покрасили пожелтевшие от никотина стены в ярко-розовый цвет. Стало еще хуже. Чарли пришла ко мне и, плача, вычесывала краску из волос, жалуясь, что ее комната теперь похожа на гигантскую пастилу. Бабушка приготовила нам картофельную запеканку с мясом, а дедушка тем временем молча принес из сарая валик для краски и лестницу. К тому времени, как Чарли вернулась домой на следующий день, стены ее комнаты были бело-снежными, но по-прежнему остались текстурированными.

Я откалываю от доски фотографию и нежно обвожу пальцем лицо Чарли, при этом в животе у меня что-то сжимается.

– Я по тебе скучаю, – шепчу я.

– Я тоже по ней скучаю. – Лекси протягивает мне несколько мешков и картонную коробку. – Я допиваю последнюю банку пива, так что коробку можно использовать.

Я подавляю сарказм. Она же старается.

– С чего начнем? Наверное, надо поделить все на сектора. Вещи, которые нужно сохранить, вещи для благотворительного магазина и мусор.

– Я разберу постель, положу белье в стиральную машину. Ты начни с выдвижных ящиков. Все, что тебе подойдет, можешь забрать.

Я опускаюсь на колени. Коленные чашечки упираются в деревянные половицы – хорошо, что на мне брюки. Верхний ящик не поддается, и приходится резко его дернуть. Ручка остается у меня в руке, и я подумываю, не попросить ли Лекси поискать отвертку, но вместо этого кладу ручку в карман. У меня в багажнике есть маленький комплект

инструментов. В ящик кое-как втиснута чудесная радуга крохотных футболок. Если бы мне даже захотелось их носить, они были бы мне совсем малы. Я отбираю несколько штук, которые, как мне кажется, Лекси будет приятно сохранить: оранжевую вареную футболку, яркие топики на бретельках, – и складываю остальное в мешок для благотворительного магазина. В нижнем ящике обнаруживается рубашка в цветочек.

– Это моя, – говорю я Лекси. – Интересно, что я еще найду?

На губах у Лекси мелькает тень улыбки.

– Что такое? – спрашиваю я.

– Когда Чарли было лет пять или шесть, она рылась в моем комод, ища, во что бы нарядиться. Я готовила обед на кухне, и она пришла ко мне, потрясая вибратором. Он громко жужжал у нее в руке. «Мама, что это?» – спросила она.

– Что вы ей ответили?

– Сказала, что это специальный массажер для плеч, которым я пользуюсь, когда у меня бывает трудный день.

– Находчиво.

– Потом я об этом забыла, но недели две спустя, когда пошла забрать ее из школы, мисс Джонсон, ее учительница, пожелала поговорить со мной наедине. Оказывается, что накануне она пожаловалась детям, что у нее затекло плечо и она не может как следует писать на доске. Чарли принесла ей попользоваться «специальный массажер». И учительница вручила мне мой вибратор в хозяйственном пакете. Я чуть не умерла, к чертям.

– О боже. Что ты ей сказала?

– Сказала «спасибо» и выразила надежду, что скоро она почувствует себя лучше.

Я хмыкнула.

– Да уж. Чарли попало?

– Нет. Она ведь искренне пыталась помочь. Хуже было, когда в дверь постучали сборщики пожертвований для больных детей Африки.

– И что произошло?

– Я была в душе, но Чарли решила отдать им одно из моих комнатных растений. «Это растение, которое поможет вам стать счастливыми. Отдайте его детям», – сказала она и отдала им выращенную мной коноплю.

– Лекси! Тебе повезло, что тебя не арестовали. – Я не могу удержаться от смеха. Обстановка немного разряжается.

– Я думаю, они не поняли, что это такое, и сказали Чарли, что им нужны только деньги. «О, в этом доме никогда не бывает чертовых денег», – ответила на это моя дочь. Ей было, наверное, лет пять.

– Не могу себе представить ее маленькой. У тебя есть какие-нибудь фотографии?

– Несколько штук. Я покажу тебе позже, если хочешь.

– Да, пожалуйста. – Я представляю себе Чарли в пять лет, с собранными в хвостики волосами, бесстрашную. Никогда не забуду, как она заступилась за меня, когда мы только познакомились.

– Грейс, я должна перед тобой извиниться... – Голос Лекси замирает.

Я расправляю складки на летних платьях, складываю зимние джемперы. Теплую одежду, которую Чарли больше никогда не увидит.

– Похороны – это стресс. Не надо извиняться.

– Дело не только в похоронах. – Щелкает зажигалка, взвивается дымок. – Это сложно...

– Не стоит говорить об этом сейчас. – Я вытаскиваю из ящика последнюю вещь. – Это когда-то были твои джинсы, помнишь? – Я показываю ей крохотные белые джинсовые шортики.

– Я обожала эти джинсы.

Отправляю шорты к вещам, которые отложила для Лекси.

Ящички пусты. Я встаю и тру колени, потом открываю коробочку с драгоценностями. Из нее доносится музыка, и балеринка в розовой пачке крутит свои бесконечные пируэты.

В выстланном красным бархатом футляре лежит вторая половинка сердечка на цепочке. Я вынимаю ее. Она вращается, точь-в-точь как тогда, в лесу, вертелась моя – словно ищет утраченную часть.

– Ты должна забрать это себе, – говорит Лекси. – Эта вещь была на ней в тот день. Она бы хотела, чтобы ты ее забрала.

Я киваю, слишком растерянная, чтобы говорить. Расстегиваю свою цепочку и надеваю на нее половинку сердца Чарли; она соприкасается с моей, не совсем точно подходя, – разбитое сердце, которое никогда уже не станет целым.

Мы молча работаем до тех пор, пока не всходит луна. Она льет белесый свет на ряды черных мешков, выстроившихся, точно солдаты, у неопрятных стен.

– Завезу это в благотворительный магазин в понедельник, – говорю я, перекидывая мешок с мусором через левое плечо, а другой несу в правой руке. Осторожно, чтобы не упасть, спускаюсь по лестнице, чувствуя себя Санта-Клаусом. Складываю задние сиденья в машине и каким-то образом впихиваю всю жизнь Чарли в багажник, за исключением мешка с вещами, которые, как я думаю, Лекси сама может носить. Этот мешок я засовываю к ней в гардероб.

Я прощаюсь с комнатой Чарли. Единственными видимыми признаками протекавшей там жизни остались следы от постеров и липкие пятна клея на стенах. Как быстро можно уничтожить следы чьего-то физического присутствия, в то время как память о человеке остается навсегда. Выключаю свет и спускаюсь вниз, к Лекси.

– Выпьешь?

– Пожалуй.

Я сижу на потрескавшемся кожаном диване, подогнув ноги, и потягиваю из бокала мерло. Жду, пока острота алкоголя успокоит тревогу. Я собираюсь использовать эту возможность, чтобы расспросить об отце Чарли. Надо все сделать правильно. Мне выпал шанс узнать имя, может быть, даже адрес.

– Здесь я выпила первый в жизни бокал красного вина, – говорю я Лекси. – Чарли сказала мне, что это кровь, и подзадорила выпить. Я плакала, когда пришла домой. Сказала дедушке, что превратилась в вампира.

– Она была еще та засранка, Чарли, – с любовью говорит Лекси.

– Можешь показать мне те детские фотографии? – Мой тон небрежен, но сердце колотится. Отпиваю еще глоток, на сей раз побольше.

Лекси роется в серванте, и я скрещиваю пальцы за спиной.

– Вот они. – Она вытаскивает коричневый конверт формата А4, на котором черным фломастером выведено «*Шарлотта*». Из протершихся краев конверта торчат углы фотографий.

– Всегда собиралась поместить их в какой-нибудь альбом. – Лекси вываливает фотографии на диван.

Беззубая Чарли широко улыбается мне из кухонной мойки, голова у нее намылена шампунем.

– Очень забавная. – Я беру старый поляроидный снимок. Розововолосая Лекси в пестром халате, с больничным браслетом на запястье, прижимает к себе спящего младенца. – Это в тот день, когда она родилась?

– Угу. Четырнадцать часов мук. Господи, как я была измотана. Хотя веселящий газ для обезболивания мне понравился.

– Отец Чарли там присутствовал?

– Нет. – Лекси делает большой глоток вина.

– Почему?

Лекси пожимает плечами:

– Он не хотел знать. Подонок сбежал, как только узнал, что я беременна.

- Он никогда не видел Чарли?
- Нет.
- Должно быть, тебе пришлось тяжело. Одной с ребенком.
- Не то слово.
- Расскажи мне о нем.
- Он ублюдок. Ей было лучше без него.
- Уверена, что так. – Ложь дается мне легко. – Просто любопытно.

Нависшая между нами тишина делается все напряженнее, пока не взрывается.

Лекси глубоко вздыхает:

- Ладно. Что ты хочешь знать?

Она вытряхивает последние капли вина в свой бокал – оно почти переливается через край – и встает с дивана. Потрясает новой бутылкой и вопросительно смотрит на меня.

– Я за рулем. – Прикрываю ладонью свой бокал и нетерпеливо ерзаю по сиденью. Воздух кажется густым от сигаретного дыма и секретов. Лекси бегло просматривает фотографии и извлекает потрепанный снимок мужчины. Он салютует пивной кружкой кому-то за пределами кадра. Во рту у него сигарета. Он вылитая копия Чарли.

– Его зовут Пол Лоусон. Я познакомилась с ним, когда мне было шестнадцать. Я тогда все время ошивалась возле «Фольк-Лора». Это была знатная концертная площадка. У них были собственные группы, которые сменялись каждые несколько недель. Кажется, теперь это заведение закрылось. – Лекси морщит лоб, и я всем телом подаюсь вперед, страстно желая, чтобы она продолжала. – Я обычно просачивалась через заднюю дверь, чтобы не платить. Стояла сзади, смотрела на выступающих, представляя, что это я сама пою на сцене. Однажды Фрэнк, владелец заведения, подошел и хлопнул меня по плечу. Я чуть в штаны не наложила. Думала, меня сейчас вышвырнут. Он сказал: «Если тебе так нравится сюда пробираться, то могла бы сделать полезное дело, пособирать стаканы». – Лекси улыбнулась при этом воспоминании. – Пол был певцом. Это было его первое выступление там, и он был чертовски классным. Я тут же в него влюбилась.

Лекси умолкла, чтобы закурить следующую сигарету. Дым витал вокруг моего лица, а ее слова витали в моей голове. Значит, она любила отца Чарли? Действительно любила?

– Ему было двадцать два года. Не такая уж большая разница в возрасте, но он казался много старше меня. Настоящий мужчина, понимаешь? Я от него тащила. У него были белокурые волосы и

красивые зеленые глаза. – Пепел с сигареты падает на ногу Лекси. Но она, похоже, этого не замечает.

– Вот. – Я подаю ей пепельницу. – Значит, у вас завязались отношения?

– В первый вечер, когда он пел, у него был такой успех. Он сошел со сцены в такой эйфории. Подхватил меня и стал кружить, так быстро, что я думала, меня затошнит. Пригласил отпраздновать с ним, но Фрэнк сказал, что не станет меня обслуживать, даже в сверхурочное время. – Лекси откупоривает новую бутылку и доливает свой бокал. – Пол купил бутылку виски на вынос, и мы пошли в парк. – Лекси обхватывает себя руками, словно стараясь получше удержать воспоминания. Я никогда не видела, чтобы она выглядела такой уязвимой. – Мне не понравилось виски, показалось чертовски отвратительным. Хотя ему я этого не сказала. Я выплюнула половину обратно в бутылку вместо того, чтобы проглотить. – Ее передернуло. – Никогда не старайся изменить себя ради мужчины, Грейс.

– Что было дальше?

– Он сказал мне, что я особенная, и я купилась на его треп. Мы занимались сексом, подстелив его куртку. Это был мой первый раз. Шикарно, да? – Лекси опрокидывает в себя вино.

– И после этого он тебя бросил?

– Нет. Мы провели вместе следующие шесть недель. Но потом он исчез. Даже не попрощался. С тех пор я его не видела. Да и не хочу ни капельки, чтоб его черти забрали.

– И ты была беременной, когда он ушел?

– Угу, но он не знал.

– Ты ведь, конечно, могла его разыскать? Сообщить ему? Он имел право знать о ребенке.

Лекси роется в сигаретной пачке, оттягивая ответ, как будто формулирует его в голове перед тем, как произнести вслух.

– На самом деле я ему сказала. Он нас не захотел.

– Мне показалось, ты сказала...

– Я имела в виду, он не знал, пока я ему не сказала. Он не хотел детей. Хотел, чтобы я сделала аборт. Ублюдок.

– Он знает, что ты не сделала? Что у него есть дочь?

– Конечно. – Лекси рывком спускает ноги с дивана и опрокидывает бутылку вина. – Черт, черт, черт.

Я приношу тряпку и опускаюсь на колени. Промокаю потертый ковер, собирая с него красное вино.

– Так что он ответил, когда ты рассказала ему о Чарли?

– Проклятие, да не знаю я. Это было двадцать пять лет назад. Я с трудом вспоминаю, что делала вчера.

– Лекси, он знает, что Чарли умерла?

Лекси сидит, уставившись на темно-красное пятно, глаза ее полны непролившихся слез.

– Не хочу я больше ничего говорить.

– Но, Лекси, это важно.

– Не порть все, Грейс. Было приятно вновь с тобой повидаться, но я устала.

Лекси протягивает руку, и я отдаю ей насквозь промокшую тряпку, натягиваю туфли и забираю пальто и сумку.

– Скоро мы поговорим снова, – говорю я ей.

Она кивает, и мы обнимаемся на прощание.

Забираясь в свою «Фиесту», я нащупываю в кармане ручку от ящика комода в комнате Чарли. Я так и не прикрутила ее обратно. Ну, значит, будет повод вернуться. Надо будет возвратить и фото Пола, которое я сунула в карман, когда Лекси отвернулась. По дороге домой я чувствую дрожь возбуждения. У меня созрел план.

Глава 10

Настоящее

Мышцы болят. Я балансирую на краю матраса, словно канатоходец на проволоке. Дэн еще спит, он лежит на спине, рот расслаблен, лоб гладкий, как булыжник. Сон разгладил морщины, которые избороздят его лоб, как только он проснется. Холодные белые простыни тянутся между нами – пропасть, которую я все еще не в состоянии преодолеть, как бы сильно мне ни хотелось. У меня больше нет уверенности, что именно он ко мне чувствует. Я наблюдаю, как грудная клетка Дэна ритмично вздымается и опускается – его легкие расширяются и сжимаются. Мне так хочется положить голову ему на грудь. Почувствовать щекой покалывание черных волос, услышать биение его сердца.

Горе сокрушительно, оно разобщает, несет одиночество. Мы оба потеряли Чарли, но Дэн не знает, что я чувствую, до конца не знает, да и откуда ему знать? Сначала я оглохла и онемела от шока, утратив способность обдумывать простейшие задачи, управляться с бытовыми приборами, которыми до этого пользовалась тысячу раз. Тосты подгорали, одежда была мятой. Я разучилась общаться. Слова путались и застревали у меня на языке, пока я их не проглатывала и они сталкивались с терзающей меня бурей эмоций. Если я не могла точно определить свои чувства, могла ли я выразить их? Дэн начал все дольше и дольше задерживаться на работе, частенько вваливаясь домой в полночь. Лестница скрипела под его тяжелой поступью, и пока он возился с одеждой, а потом плюхался рядом со мной в кровать, я лежала молча и неподвижно, крепко зажмурившись. От него так сильно пахло алкоголем, что мне казалось, будто это я сама напилась.

В последнее время все изменилось. Мы поменялись ролями. Он больше бывает дома, а я снова на работе. Общаюсь с людьми, как будто я одна из них, как будто устройство моей вселенной не изменилось.

В окна бьет ветер, и стекла дребезжат. Садовая калитка со скрипом отворяется и захлопывается с глухим стуком. Я сажусь на кровати и наклоняюсь за тапочками. В шее что-то хрустит. Я сую ноги в искусственный мех и снимаю с крючка халат, потом неслышно спускаюсь по лестнице и открываю входную дверь. Яблоня стоит, наклонившись, похожая на сгорбленного старика, борющегося с ветром. Мои ноги в тапочках осторожно ступают по мерзлой дорожке, и я рывком захлопываю

калитку и запираю на щеколду, зная, что та все равно не будет держать.

В кухне я включаю древнюю отопительную систему, которая с бульканьем и пыхтением оживает, и вытаскиваю из холодильника бекон. Раньше мы доставали его, когда по воскресеньям по очереди приносили друг другу завтрак в постель, и я не могу вспомнить, когда мы перестали это делать – после или еще до смерти Чарли. Я отрезаю толстые ломти от белого батона и густо намазываю их маслом и коричневым соусом. Бекон шипит и плюется на сковородке, и Миттенс мурлычет у моих ног, сообщая, что она тоже любит бекон. Я отрезаю жир. Отдам половину ей, половину птицам.

– Доброе утро. – Поднявшись наверх, я ставлю поднос в ногах кровати. Кружки стучаются друг о друга, и чай выплескивается на тарелки.

Дэн садится, подкладывает под спину подушку и скидывает на пол журналы и пакетики из-под жевательного мармелада. Я передаю ему его завтрак.

– Спасибо. Ты поздно пришла вчера. Как все прошло у Лекси? – Он надкусывает бутерброд. Жир течет по подбородку, и он вытирает его тыльной стороной ладони.

– К ней въезжает жилец. Я помогла расчистить комнату Чарли, а потом мы пили вино. Она рассказала мне о Поле.

– О Поле?

– Отце Чарли.

– Зашибись. Вот уж не думал, что она расскажет. Честно говоря, мне казалось, что она даже не знает, кто это был. Она такая потаскушка.

– Он был у нее первым, и она действительно его любила.

– Влюбленная Лекси. Кто бы мог подумать? Что произошло?

Я тру глаза.

– Точно не знаю. По ее словам, он не знал, что она беременна, но потом Лекси поменяла показания и сказала, что он сбежал, когда она ему сообщила. Она была очень уклончива. Тем не менее мы теперь можем его найти, не так ли?

– Ты уверена, что этого хочешь?

– Да. Мы не знаем, куда ездила Чарли после своего исчезновения. Если она с ним встречалась, он может знать, за какое преступление она не могла себя простить.

– Ты можешь никогда этого не выяснить. Шансов очень мало. А если выяснишь, тебе может не понравиться то, что ты узнаешь. – Дэн жует бутерброд.

– Я не узнаю ничего, если не попытаюсь. Пожалуйста, Дэн. – Я отыщу

Пола Лоусона и без помощи Дэна, но будет легче, если он поможет.

– Тебе со многим пришлось столкнуться в последнее время, Грейс. Я не хочу, чтобы тебя еще что-то огорчало.

– Тогда помоги мне. Я хочу двигаться дальше, Дэн. Правда хочу. Хочу, чтобы все стало по-прежнему, насколько это возможно. Хочу, чтобы у нас все было по-прежнему.

Дэн приканчивает бутерброд и вытирает пальцы о стеганое одеяло. Пятнышки жира впитываются в белый хлопок, и я поскорее отпиваю чаю, чтобы не наброситься на него с выговором. Он наклоняется ко мне и сжимает мою руку.

– Я тоже. Хорошо. Я помогу. Где он живет?

Я вздыхаю. Стоящая передо мной задача вдруг начинает казаться непомерной.

– Точно не знаю.

– Тогда как мы ему скажем?

– Его зовут Пол Лоусон, и он фолк-певец. Я думаю, ты как-нибудь мог бы найти его в Сети.

– Потому что я гений?

– Потому что мы потратили кучу денег на навороченный макбук, и ты уверял, что он стоит своей цены, потому что может делать все.

– Вряд ли он может творить чудеса. Впрочем, давай спустимся вниз, и я его погуглю.

Балансирующий на коленях у Дэна ноутбук с жужжанием оживает, экран ярко вспыхивает. Дэн склоняется над клавиатурой. Я усаживаюсь к нему как можно ближе, наши бедра плотно соприкасаются. Это мой самый тесный физический контакт с Дэном за последние месяцы. Я вручаю ему снимок, который утащила у Лекси вчера вечером. Надеюсь, она не заметит его отсутствия.

Пальцы Дэна летают по клавиатуре.

– Пол Лоусон, ты сказала? Фолк-певец?

– Да.

– Есть ссылки либо на ключевые слова «Пол Лоусон», либо на ключевые слова «фолк-певец», но ничего на них обоих.

– Давай все равно их посмотрим.

Дэн смеется.

– Ты, кажется, не очень понимаешь, что такое Интернет? Имеется сорок миллионов результатов. Если хочешь прочесать их все, ради бога.

Я забираю у него ноутбук и щелкаю по страницам. Плечи все больше и

больше деревенеют, и наконец мне приходится встать, сцепить пальцы за спиной и вытянуть руки.

– Давай найдем сайты, посвященные розыску людей.

День переваливает на вторую половину и движется к вечеру, а мы перебираем сайт за сайтом: Армии спасения, пропавших без вести... Такое впечатление, что все кого-то ищут. Я читаю истории о сбежавших детях, о мужьях, которые вышли в магазин, да так и не вернулись, об исчезнувших матерях.

Бутерброд с беконом, казавшийся таким вкусным, камнем лежит у меня в желудке. Жир, словно щупальца, поднимается к пищеводу.

– Так. – Дэн скребет нос. – Никто не поможет нам разыскать Пола Лоусона, потому что мы с ним никак не связаны, понимаешь? Хотя они могли бы помочь Лекси, если бы знали обстоятельства. Есть ли какой-нибудь шанс...

– Нет.

– Тогда, я думаю, остаются только социальные сети.

– Но мы там уже искали.

– Мы искали в соцсетях, но мы можем поместить сообщение в каких-нибудь группах. Есть уйма групп, связанных с музыкой. Кто-то должен его знать.

Оптимизма прибывает. Я киваю.

– Пойди, принеси китайское меню, женщина, и предоставь мне изменить ситуацию к лучшему. – Дэн перебирает пальцами, как мультяшный злодей, замышляющий какой-то подлый план. Я иду и нахожу рекламную листовку китайской еды на вынос, чтобы выбрать блюдо по нашему вкусу, хотя все равно мы всегда останавливаемся на рагу по-китайски и жареном рисе с яйцом.

Кофейный столик завален остатками нашего китайского ужина. Мои контейнеры из фольги с недоеденной едой гнездятся внутри пустых контейнеров Дэна. Миттенс бьет лапой по свисающей из моей тарелки лапше. Лапша раскачивается, и кошачий взгляд бежит влево-вправо, точно у зрителя на Уимблдоне, следящего за тем, как теннисисты обмениваются ударами.

– Мы поместим там фото, которое ты унесла у Лекси. Что скажешь?

Я с хрустом разгрызаю очередное китайское печенье.

– Что, если так: «Вы Пол Лоусон? Или, может, вы с ним знакомы? Если так, пожалуйста, свяжитесь с нами по срочному делу. У нас есть для вас важная новость»?

– Не уверен насчет этого. Звучит так, будто ему привалила неожиданная удача. Нам не надо, чтобы каждый псих отвечал нам, прикидываясь им.

– Ладно. А что, если так: «Мы пытаемся разыскать Пола Лоусона по делу, не связанному с финансами. Если вы знаете Пола, пожалуйста, свяжитесь с нами»?

– Теперь это звучит так, словно он совершил что-то неблагоприятное. Я бы не стал на такое отвечать.

– Это потому что ты такой подозрительный.

– Приходится, когда ты такая доверчивая.

– Попробуй так: «Я старый приятель Пола Лоусона из музыкального бизнеса и очень хотел бы знать, какое волшебство творит он теперь своей гитарой. Знаете ли вы его?»

– Лучше. Звучит дружелюбно. Должно возбудить его любопытство. Я создам адрес электронной почты специально для этого, что-нибудь связанное с музыкой, без имени.

Я приваливаюсь к подлокотнику дивана и наблюдаю, как экран озаряет лицо Дэна. Он полностью поглощен тем, что делает: мой компьютерный фрик. Давно уже я не чувствовала себя такой довольной.

– Готово. – Дэн показывает мне, что он сделал, а затем захлопывает крышку ноутбука и сует его под кофейный столик.

Я беру бокал с вином. Расстояние между нами испаряется. Я спрашиваю себя, чувствует ли он то же самое. Я делаю глубокий вдох и уже собираюсь предложить пораньше лечь, но тут телефон Дэна звонит. Он достает его из кармана и хмурится.

– Хорошо бы работа оставляла меня в покое по воскресеньям.

– Выключи его.

– Не могу. Обследование выявило проблему с тем домом на Истон-роуд, который я пытаюсь продать. Покупатели хотят отказаться. Мне надо сделать звонок. Поговорю с ними по дороге в магазин на углу. Принесу еще вина.

– Поздно уже. У нас есть еще четверть бутылки.

Но телефон уже прижат к его уху, и он меня не слышит.

Без Дэна в доме тихо. Пусто. Через какое-то время я подхожу к окну. Отвожу в сторону занавески. Никаких машин или фигур нет, но я все равно надеюсь, что Дэн запер входную дверь. Иду это проверить. Тянусь к дверной ручке, но слышу шум. Замираю. На крыльце какое-то шарканье. Чьи-то шаги? Я прижимаю ухо к двери, и мне кажется, что я слышу дыхание, но знаю, что это невозможно – слишком сильно бьется мое

сердце. *Грохот.* Кто-то что-то опрокинул – видимо, подставку для зонтов. Я говорю себе, что это лисица, но тут слышу чей-то голос: «Черт». Произнесено это шепотом, так что я не могу определить, мужчина это или женщина.

– Кто там?

Голос мой дрожит, и от страха я не могу двинуться с места, но протягиваю руку и включаю свет на крыльце. Прижимаю ухо к двери. Тишина. Я представляю себе, как по ту сторону кто-то делает то же самое. Как чья-то рука просовывается сквозь щель для писем и хватает меня. Как чей-то кулак разносит вдребезги декоративную стеклянную панель. Меня раздрают противоречивые побуждения: то ли принести из гостиной телефон, то ли нож из кухни, – но тут я слышу рокот машины Дэна. Его башмаки стучат по дорожке. Входная дверь со скрипом отворяется, я практически выхватываю из руки Дэна бутылку вина и вглядываюсь через его плечо в черноту, но там никого нет.

Глава 11

Настоящее

Неделя пролетает быстро, и вот уже пятница. Я весь день беспокоилась, что мне нечего будет надеть на сегодняшний выход, но, когда добираюсь домой с работы, на коврик перед дверью меня ждет карточка королевской почты Великобритании: посылка для меня оставлена у миссис Джонс. Я стучусь в покрашенную глянцевой зеленой краской дверь соседки, засовываю руки глубоко в карманы и переступаю с ноги на ногу, чтобы не замерзнуть. Мне кажется, это занимает целую вечность. Пригнувшись, я всматриваюсь через щель для писем и вижу миссис Джонс. Склонив седую голову, она шаркает через холл. Я выпрямляюсь, и дверь распаивается.

– Здравствуйте, Грейс, дорогая, как приятно вас видеть.

– Мне тоже, миссис Джонс. Как поживаете?

– Мне не следует жаловаться. Всё пока на месте и работает.

– Вам принесли для меня посылку?

– Она здесь, на телефонном столике. Я так им довольна, дорогая. Прелестный цвет. У этой хорошенькой журналистки Кёрсти Олсопп в ее вчерашней программе стоял точно такой же.

– Ну, что вы. Я сама получала удовольствие, когда его реставрировала. Рада, что он вам нравится.

Миссис Джонс стискивает посылку и выжидающе смотрит на меня.

– Она мягкая.

– Это платье, из интернет-магазина.

– Идете в какое-то приятное место, дорогая?

– На девичник к Ханне, мы с ней работаем. Идем в «Пиццу-экспресс».

– Как мило, дорогая. Надеюсь, скоро будет и ваш девичник?

Я криво усмехаюсь:

– Сначала надо дождаться, пока он сделает мне предложение.

– Такой прелестной молодой девушке? Велю вашему молодому человеку поторапливаться, а? Пока кто-нибудь другой вас не увел.

Я улыбаюсь пожилой даме, которую так полюбила.

– А как ему сейчас, лучше? – продолжает она.

– Кому?

– Дэну. Я видела, как он уходил на работу в понедельник, а потом

вернулся, примерно через час. Я подумала, что он, должно быть, заболел. Обычно ваши выходные совпадают. Он переоделся, а затем опять ушел. К врачу, да?

Я медлю в нерешительности. Если я признаю, что не имею понятия о том, что Дэн не был на работе и почему это произошло, ко времени вечернего чая об этом будет знать вся деревня – судя по количеству телефонных звонков, которые делает миссис Джонс, повторяя: «Вы слышали?» и «Вам ни за что не догадаться». Впрочем, в ее поступках нет злонамеренности, просто ей одиноко, как мне кажется.

– Стресс, да? Все вы, молодые люди, похоже, им страдаете. В мое время такого не было. Я слышала, как он кричит на кого-то по этому его беспроводному телефону. Вам следует делать то, что делает моя внучка.

– Что именно?

– Она расслабляется.

Мой смех звучит натянуто, даже для меня.

– Мы обязательно попробуем.

Я забираю свой сверток и перешагиваю через частокол, разделяющий наши участки. Посылка кажется легкой по сравнению с той тонной вопросов, которые я хочу задать Дэну.

Бледно-голубое цельнокроеное платье сидит на мне превосходно, и я очень довольна: ведь оно стоило так дешево. Я не могу позволить себе отовариваться в дорогих магазинах, а это платье выглядит почти не ношенным. Я разглаживаю ткань на бедрах и поворачиваюсь из стороны в сторону, оглядывая себя в зеркале: живот убрать, грудь вперед. Элла Фицджеральд поет «Тот, кто позаботится обо мне». Миссис Джонс определенно следила за Дэном. Я несколько раз складываю накрашенные розовой помадой губы в счастливую улыбку.

Громко хлопает входная дверь. Звякают ключи, брошенные в чашу на телефонном столике, ударяются о стену сброшенные туфли.

Я нахожу Дэна на кухне – рукава закатаны, галстук ослаблен. Он застыл перед мойкой, уставившись через окно в сад, в руках у него ледяная банка пива, по которой стекают капельки влаги.

– Ты в порядке? Я думала, ты позже отвезешь меня в город?

– Только одну банку. У меня был дерьмовый день.

– Хочешь поговорить об этом? – Я кладу ладонь ему на плечо, чувствую, как напрягаются его мышцы под рубашкой, и он стряхивает мою руку.

– Не о чем тут разговаривать.

– Миссис Джонс говорит, что ты в последнее время выглядишь взвинченным.

– Не болтай обо мне с чертовыми соседями, Грейс. – Его пальцы крепче стискивают банку. Она начинает сминаться.

Я напрягаюсь.

– Я и не болтала. Она упомянула, что слышала, как ты кричишь по мобильнику. С кем ты разговаривал?

– С клиентом. Черт! – Дэн с грохотом ставит банку на подставку для сушки. Пиво шипит и пенится, выплескиваясь на блестящую поверхность. – Неужели мужчина не может спокойно выпить после работы?

Он вихрем проносится мимо меня, а я вжимаюсь в холодильник и еще долго стою неподвижно после того, как хлопает входная дверь. Через некоторое время сердце перестает бешено колотиться, и я набираю номер вызова такси.

* * *

Перчики халапеньо на моей сдобренной специями мясной пицце обжигают остро, и я опрокидываю в себя охлажденное вино, чтобы погасить пожар. Лин подливает мне в бокал пино-гри, а я снова проверяю мобильник. Сообщений от Дэна нет.

– Не могу поверить, что Чарли хотела найти своего отца. Это так грустно.

– На этой неделе я читала в «Отдохни» историю о матери, которая отдала сына на усыновление. – Ханна тянется через стол за чесночным хлебом. Ее блестящий рукав задевает пиццу, и я вытираю своей салфеткой приставшие к нему крошки сыра. Забавно видеть ее такой нарядной, а не в привычных легинсах и форменной футболке нашего детсада «Маленькие желуди». – Она провела всю жизнь в ожидании, что он постучит к ней в дверь. Что, если он ждет Чарли, надеется когда-нибудь встретиться с дочерью? Думает, что у него есть внуки?

– Да, я понимаю. Вот поэтому и хочу его разыскать. Рассказать ему правду. – *И выяснить правду*, думаю я, но помалкиваю об этом.

– Как ты думаешь, Лекси назвала тебе подлинное имя? – спрашивает Лин.

– Пол Лоусон? Да. Мне показалось, что она почувствовала настоящее облегчение, когда заговорила о нем. У нее нет друзей и родственников. Вероятно, она держала это в себе годами. Хотя, когда я попыталась

выяснить, знал ли он о Чарли, она замкнулась.

– Она знает, что ты его разыскиваешь? – спрашивает Ханна.

– Нет. Лекси обижена на него за то, что он сбежал от нее, когда она забеременела. Ей, вероятно, и в голову не пришло, что следует сообщить ему о смерти дочери.

– Я ее не виню. Судя по всему, он тот еще ублюдок, – говорит Лин.

– Мы не выслушали его сторону.

– Ну, так что дальше? Может, он неподкован по части Интернета. Многие из того поколения в нем не разбираются.

– Не уверена. Впрочем, я его найду. Тем или иным способом.

Я делаю знак официанту, размахивая пустой бутылкой.

– Грейс. – Лин накрывает рукой мою руку. – Не бери на себя слишком много. Я о тебе беспокоюсь.

– Не надо обо мне беспокоиться. – Я стряхиваю ее руку и поднимаю бокал.

– И ты много пьешь. Я не знала, что тебе можно, учитывая таблетки. Ты перестала их принимать?

– Почти. – Я не говорю ей об упаковке лекарства, которую ношу в сумочке. О том, как разламываю таблетки на четвертушки и принимаю всякий раз, как жизнь берет меня за горло. Недостаточно для того, чтобы меня усыпить, но достаточно, чтобы создать теплую дымку, от которой я стала так зависима. Я брошу. Действительно брошу. Но только не сейчас. Я меняю тему разговора. – Тост за Ханну, – поднимаю я бокал. – За вечную любовь.

– Другой я себе и представить не могу, – говорит Ханна.

Разговор переключается на свадьбу, и к тому времени, как мы оплачиваем счет и вываливаемся в чернильную тьму, часы уже показывают одиннадцать. После ресторанного тепла от холодного воздуха у меня перехватывает дыхание, и я застегиваю пальто и натягиваю перчатки.

– Пойдем в клуб? – спрашивает Ханна.

– Если этого хочет будущая невеста, – говорит Лин. – В какой?

– Понятия не имею. Где вы там заказывали стриптиз?

– Ты бы нас убила. – Ханна не смотрит ни на кого, кроме Энди.

– Ну что ж, спасибо вам за то, что не заставили меня носить табличку «За рулем новичок» и таскать надувной член. Давайте попробуем сходить в «Сплетни». Они играют музыку восьмидесятых и девяностых.

Мы берем друг друга под руки и бредем по тротуару. Сегодня первый день выплаты жалованья после Рождества, и на улице полно людей: мужчины с модной короткой щетиной на лицах, девушки, которые на вид

слишком молоды для выпивки. Крохотные платья, искусственный загар, обнаженные руки и ноги. Я чувствую себя старой в своей многослойной одежде. Очередь в клуб длинная, и мы притопываем ногами на холоде.

Вышибалы в черных галстуках оценивают нас, прежде чем кивнуть на дверь. Мы платим за вход скучающего вида крашеной блондинке и осторожно спускаемся по темной лестнице. На высоких каблуках нелегко – я к ним не очень привычна. Снизу ритмично грохочет басовая музыка, и лестница содрогается, отчего пальцы на ногах покалывает. Я мигаю, приспособливаясь к слепящей неоновой яркости. Вспыхивает и гаснет вывеска с надписью «Коктейли» на фоне бокала с соломинкой; глянцевые черные столы отражают пульсирующие огни.

– «Секс на пляже»! – хрипло выкрикивает Ханна. Я рада, что до ее свадьбы еще пара недель. Думаю, у всех у нас утром будет похмелье.

Я протискиваюсь к липкой барной стойке и целую вечность жду, пока меня обслужат, несмотря на то что машу двадцатифунтовой банкнотой.

– Что желаете? – Молодой бармен кладет руки на стойку и упирается взглядом мне в глаза. Слишком много пуговиц расстегнуто на его ослепительно-белой рубашке, обнажая загорелую безволосую грудь.

– Три коктейля, пожалуйста. «Секс на пляже». – Я рада, что в клубе темно, потому что чувствую, что краснею.

Пробираюсь сквозь толпу к Лин и Ханне, которые устроились на высоких табуретах возле танцпола. Потягивая напитки, мы двигаем плечами в такт музыке. Коктейли сладкие и приятные на вкус.

– Давайте танцевать. – Ханна, пританцовывая, направляется к диджею.

После трех песен я, запыхавшись, жестом указываю в сторону наших сидений.

– Подожди еще. – Ханна стискивает мое запястье и кричит мне в ухо: – Я обожаю эту песню.

Хриловатый голос Мадонны приглашает нас позировать. Весь танцпол, повинуясь словам песни, движется в вызывающе-соблазнительной манере, а мое тело застывает. Окружающий шум расплывается. Мне даже не требуется закрывать глаза, чтобы увидеть лицо Чарли. Я почти наяву слышу, как бабушка вопит нам снизу, что мы топаем, как стадо слонов. Это мы оттачиваем танцевальные движения.

Я чувствую прикосновение чьей-то горячей руки к своему плечу. Вижу встревоженное лицо Лин. Напоминаю себе, что мы пришли сюда веселиться, и выдавливаю улыбку.

– Я в туалет, – произношу я, стараясь четко артикулировать, и указываю в сторону задней стены.

Я продираюсь к туалетам и присоединяюсь к очереди чересчур накрашенных девиц в крохотных черных платьях. Протискиваюсь в кабинку и прислоняюсь лбом к прохладной двери. К каблуку прицепилась туалетная бумага, и я стряхиваю ее с помощью другой ноги. Мне хочется пойти домой, но не хочется портить Ханне вечер. Кто-то молотит в мою дверь, крича, чтобы я поторопилась. Проходит некоторое время, прежде чем я чувствую себя готовой появиться. Сую руки под ледяную воду и подкрашиваю губы. Дверь, ведущая обратно в клуб, тяжелая, и когда я ее тяну, кто-то в это время толкает с другой стороны. Мы врезаемся друг в друга, и на мое новое платье выплескивается красное вино.

Жестом отметаю извинения и возвращаюсь в духоту клуба. Выгляжу я, должно быть, ужасно: голубое платье заляпано темно-красным. Протискиваюсь сквозь толчею, пульс стучит в такт музыке. Лин и Ханна не видно.

Я расстегиваю сумочку, чтобы достать бумажный платок, надеясь, что смогу как-то промокнуть избыток влаги, но тут замечаю освещенный экран своего мобильного. Это сообщение от Дэна: «Нашелся отец Чарли».

Лин и Ханна не готовы уходить, но я горю от нетерпения поговорить с Дэном и потому прощаюсь, отговариваясь усталостью. Они знают, что я плохо сплю, и замечаю сочувствие в их глазах. Ночной ветерок холодит пылающие щеки. Запах жарящегося лука из фургона с бургерами, жирный и сладостный, наполняет воздух. Нетерпеливо постукивая сумочкой клатч по ноге, я осматриваю улицу в поисках такси. Из клубов еще не расходятся посетители, и такси не видно. Стоянка не так далеко. Я решаю пойти пешком.

Улица пустынна – все празднуют день выдачи зарплаты. Я сворачиваю с главной улицы, и когда мерное биение басовой музыки стихает, слышу за спиной шаги. Останавливаюсь. Возжусь с сумочкой, одновременно бросая взгляд через плечо. Никого не видно, но входы в магазины отбрасывают тени, и я задаюсь вопросом, не скрывается ли там что-то или кто-то. Двигаюсь дальше. Каблуки цокают по тротуару, и вот я снова слышу за спиной этот звук. Стук чужих подошв по бетону.

Я прибавляю ходу. Шаги за мной тоже ускоряются. Алкоголь взбалтывается в желудке, а я прикидываю кратчайший путь назад, на большую улицу. Несусь со всех сил. Дыхание с шумом вырывается изо рта, на губах застыл безмолвный крик. Девиз «дерись или беги» вступил в силу. Я решительно выбрала последнее. Высокие каблуки тормозят меня, и я спрашиваю себя, успею ли их сбросить, – в них достаточно трудно ходить, не говоря уже о том, чтобы бегать, – но шаги приближаются, и я не могу

позволить себе остановиться. Кто-то горячо дышит мне в затылок. Что-то касается моего плеча. Я стряхиваю его, вырываюсь за угол и врезаюсь во что-то твердое. Полисмен. Я вцепляюсь ему в руку, плачу от облегчения и оборачиваюсь назад, чтобы указать на преследователя, – но там никого нет.

Глава 12

Прошное

В школьных туалетах всегда пахло сигаретами и дешевыми духами. Стараясь не вдыхать глубоко, я запихнула рубашку в сумку, натянула облегающую футболку и завернула пояс юбки, так что подол оказался значительно выше колен. Мне отчаянно хотелось выглядеть старше пятнадцати лет.

Я подошла к стоявшей у зеркала Чарли и взяла у нее тушь для ресниц.

– Лес? – спросила я. – Или парк? – Мы по полной использовали теплые вечера.

– Парк. Эсме и Шиван встречаются нас там.

Я тяжело и протяжно вздохнула.

– Кто-то вытащил у меня из сумки домашнее задание по истории. Уверена, что это Шиван. Она меня по-настоящему не любит.

Шиван всегда приглашала к себе домой Чарли и Эсме, а меня обходила, говоря при этом, что мать у нее очень строгая и не разрешает приглашать больше двух подружек зараз.

– Извини, Грейс, – говорила она, корча гримасу, но я знала, что ей ничуть не жаль. – Будь у тебя мама, ты бы поняла. – И мне хотелось ее ударить. Причем сильно.

– Ну и ладно. Мы с Эсме тебя любим. Шиван к тебе привыкнет.

– Чарли, я живу здесь уже шесть лет!

– Да, – расплылась в улыбке Чарли. – Она немного медлительна.

– Я слышала, как она говорила, что я скучная. Как ты думаешь, я правда скучная? – Я никогда до конца не понимала, почему Чарли со мной дружит. Мы были полными противоположностями.

– Ты не скучная. Ты умиротворяющая. Мама говорит, если бы не ты, я бы слетела с чертовых катушек. Перестань все анализировать, Грейс. Я люблю тебя, а Шиван сама не знает, что говорит. В любом случае, мы будем там не одни. Дэн и Бен тоже придут сегодня вечером.

Мои чувства к Дэну менялись. При виде его внутри у меня потрескивали электрические разряды. Чарли я об этом еще не говорила, держа свои чувства в секрете, упиваясь очарованием неизведанного. Я отчасти страшилась, отчасти надеялась, что тоже ему нравлюсь. По ночам я лежала, завернувшись в одеяло, и мечтала о том, как он схватит меня в

объятия, когда я стремительно скачусь с горки, и молилась, чтобы моя задница не застряла на полпути.

– Это ради тебя я прихожу сюда каждый день, – пробормочет он, а потом даст мне впервые почувствовать вкус своих мальчишечьих губ.

Чарли уже перецеловалась с половиной нашего класса.

– Каково это? – спрашивала я ее, испытывая одновременно и любопытство, и отвращение.

– Отлично, если только они не засовывают язык тебе в рот и там им шарят. У Итана язык был как угорь. Он возил им по моим зубам. Зато вычистил из них остатки чипсов.

– Чарли!

– Ты сама спросила. Хотя большей частью у них вкус сигарет. Тебе надо попробовать.

Я практиковала поцелуи на своей руке, но в ней не было никакого вкуса. Я ждала нужного мальчика. Я ждала Дэна. Если бы Чарли узнала, что он мне нравится, она бы постаралась столкнуть нас вместе. Я пока не была к этому готова – пожалуй, слишком боялась быть отвергнутой.

«Будь осторожна со своим сердцем, – как-то сказала мне бабушка. – Оно у тебя только одно, и оно бесценно».

«Если не можешь быть хорошей, будь осторожной», – говорила дочери Лекси, давая ей презервативы. Презервативы рвались один за другим, когда мы натягивали их на банан. После этого я три раза мыла руки. Запах резины держался на них не один час.

– Дэн пригласил меня на свидание, – сказала Чарли, нанося на губы блеск. Щеточка для туши соскользнула, мазнув меня по щеке, и я пошла в кабинку, чтобы оторвать кусочек туалетной бумаги. **«Чарли Фишер шалава»**, – было написано на задней стороне двери. На прошлой неделе я отскребла аналогичную надпись, но на этот раз оставила. Глаза мои наполнились слезами – я терла щеку бумагой, пока кожа не стала саднить так же, как мое сердце.

Я высморкалась.

– Что ты ему ответила? – спросила я, выходя из кабинки.

– Сказала: «Может быть». – Чарли разглаживала розовый блеск на губах.

– Он тебе нравится?

Чарли пожала плечами:

– Никогда не думала о нем в этом смысле. Для меня он просто Дэн. Но я все равно хочу это сделать.

– Сделать что?

– Секс. Господи, ты иногда бываешь такой наивной. Хотя не уверена, стоит ли делать это с ним. Мне кажется, он нравится Шиван.

– В самом деле? – От этой мысли меня затошнило.

– Угу. Пожалуй, надо оставить его ей. Но я все равно найду кого-нибудь. Нам давно пора попробовать.

«Как только девственность пропала, ее уже не вернешь. Отдай ее кому-то дорогому», – сказала мне бабушка.

«Смотри не залети», – говорила дочери Лекси.

– Я пошла. Тут воняет. – Я кивнула на кабинку. – Кто-то обозвал тебя шалавой. – Я увидела, как Чарли изумленно раскрыла рот, и захлопнула за собой дверь.

Дэн и Бен были уже в парке. Дэн стоял на вершине горки и потрясал бутылкой водки, как олимпийским факелом. Чарли, которая никогда не таила обиды, повернулась ко мне и хихикнула, подтянув юбку еще выше. Голые ноги, уже загорелые. Моя кожа, несмотря на июнь, была белой, как в январе.

– Молодчина, Дэнни, – крикнула ему Чарли. – Давайте хлебнем. – Дэн скатился с горки и приземлился перед нами. – Чем-то воняет, – наморщила нос Чарли.

– «Олд спайс», – ухмыльнулся Дэн. – Это сексуально.

– Для кого? Ты пахнешь, как старик. – Чарли заслонила нос рукавом и залпом выпила несколько глотков, а потом передала бутылку мне. Водка обожгла горло, и я, давась, с трудом сделала глоток.

– Смотри. – Я кивнула в сторону бреши в изгороди. Из нее гордо выходила Шиван, а следом за ней тянулась Эбби, подражая походке старшей сестры: она виляла бедрами и выставяла вперед несуществующий бюст. С ними были пятеро парней постарше. Я регулярно их видела, хотя они не ходили в нашу школу. Всегда одетые в черное, с бледной кожей и яркого цвета волосами. «Ходячие мертвецы» – так мы их называли. Бабушка всегда переходила на другую сторону, встречая их на главной улице. Почему Шиван с ними общается?

Шиван вихляющей походкой направилась к нам, покачиваясь на утопающих в траве высоких каблуках, а я отпила еще глоток, чтобы она не заметила моей улыбки.

– Деньги есть? – Шиван стояла, уперев руки в бедра, а Эбби зеркалила ее движения. Шиван не получала карманных денег. Ее родители вкладывали каждое пенни в сберегательный счет, чтобы Шиван могла пойти в университет – она хотела стать адвокатом. «Кровососы» – называл

адвокатов дедушка. Самое подходящее занятие для Шиван.

– Не-а. Я на мели. – У Чарли никогда не было денег. – Как насчет тебя, Грейс?

– Есть немного. А что?

– У них есть «травка». – Шиван украдкой кивнула в сторону «ходячих мертвецов», сбившихся в кучу рядом с темной изгородью.

– Я не покупаю наркотики!

– Тебе и не надо. Это сделаю я.

– Нет.

– Ты бываешь такой скучной, Грейс. Перестань страдать фигней.

– Да, перестань страдать фигней, – сказала Эбби.

– Спасибо, я и не страдаю. – Я отхлебнула еще прозрачной жидкости.

Она обожгла пищевод, и я закашлялась так, что из глаз потекли слезы.

– Неудачница, – фыркнула Шиван.

– По крайней мере не рвусь в наркоманы.

– По крайней мере я никого не убивала.

Я ринулась вперед, выставив руки, и чиркнула ногтями ей по лицу.

– Возьми свои слова обратно!

Дэн обхватил меня за талию и рванул назад. Я привалилась к его крепкому телу, тяжело дыша, стремясь снова метнуться вперед.

– Шиван, не будь такой стервой! – рявкнул он. – Грейс рассказала нам о своем прошлом, потому что мы ее друзья.

– И ты знаешь, что все было не так. – Голос Чарли сделался таким низким, что она практически зарычала на Шиван. – Заткнись или катись отсюда.

– Извини, – пробормотала Шиван.

Остаток вечера я помалкивала, наблюдая, как Дэн наблюдает за Чарли, а Шиван наблюдает за Дэном, и пила водку, пока не перестала вообще что-либо видеть. Но слова Шиван все еще звенели у меня в ушах. Действительно ли я его убила? Неужели все они так думают?

Глава 13

Настоящее

Это один из тех редких февральских дней, которые могут сойти за апрельские: голубое небо и похожие на вату облака. Золотистое солнце льется сквозь окно кафе, создавая ощущение, что на улице теплее, чем на самом деле. Я стряхиваю с себя пальто. Мне повезло: удастся найти столик у окна. В воскресенье кафе кишит папашами, которые, закатав рукава, вынимают из колясок хнычущих карапузов. Парочки сидят, уставившись в глаза друг другу, не обращая внимания на то, что делается вокруг. Две девчонки-подростка обсуждают, кого на самом деле любит Ник.

Я препарирую кекс, а в моей чашке с горячим шоколадом тают сливки. Желудок тревожно сжимается. Благоухание свежемолотого кофе давит.

Не могу до конца поверить, что мы вышли на Пола Лоусона, – вернее, нашли того, кто его знает. Электронное сообщение Анны было лаконичным, но она согласилась со мной встретиться, ответить на мои вопросы, чтобы и я по мере возможности ответила на ее.

Мой телефон звонит – неизвестный номер. Отвечая на звонок, я молю Бога, чтобы это была не Анна, отменяющая встречу. В трубке слышится звук дыхания, слышатся помехи, а потом все стихает.

Звонит колокольчик – это распахивается входная дверь кафе. Я стремительно оборачиваюсь, но это мужчина, и я стараюсь подавить разочарование. Пока что она опаздывает всего на пять минут. Но к двенадцати двадцати мой шоколад уже остыл, и я искромсала кекс в такую труху, что Гензелю и Гретель хватило бы крошек, чтобы найти дорогу в Страну вечного детства.

Телефон вибрирует, скользя по деревянному столу. Пришло еще одно эсэмэс от Дэна. Он не хотел, чтобы я шла одна. Выдаю ответ: «Со мной все в порядке, она еще не пришла», – и как раз в тот момент, как мой палец нажимает «отправить», на экран телефона ложится чья-то тень.

– Грейс? – звучит мягкий голос. В нем улавливается акцент. Северный, как мне кажется, но я не уверена. Я киваю. – Я так и подумала, вы здесь единственная с рыжими волосами.

– Анна. – Мой голос кажется мне слабым и тонким. Я тру ладонь о джинсы, прежде чем пожать ей руку. Длинные пальцы сжимают мою кисть. – Спасибо, что пришли. Надеюсь, вам не пришлось далеко ехать?

– Нет. – Анна сбрасывает бледно-розовый кожаный жакет, который кажется мне идеальным, и вешает его на спинку стула. Разглаживает юбку на узких бедрах, и я решаю начать с понедельника новую диету.

– Хотите еще одну? – Она кивает в сторону моей кружки. Я качаю головой, подхватываю кошелек и начинаю вставать.

– Не беспокойтесь. – Она жестом велит мне садиться и пробирается к хвосту очереди. Блестящие светлые волосы колыхаются у нее за спиной.

Я наблюдаю за ней, задумчиво раздирая стопку салфеток на столе. Я ожидала увидеть кого-то постарше, кого-то возраста Пола, а не мою сверстницу. Кто она? Я копаюсь в горке нарванной бумаги, как будто могу найти погребенные в ее середине ответы.

– Это заняло целую вечность. – Анна ставит на стол свой «американо». Чашечка качается на блюдце, но она не проливает ни капли. Никакого кекса. Размер у нее, вероятно, не больше восьмого. Должно быть, она никогда не ест углеводов, да и вообще никогда ничего не ест. Я сметаю крошки от кекса на пол вместе с завистью.

– Не стоит приходить сюда, если спешишь, но зато знаешь, что здесь можно получить.

– Сильно завышенные цены?

– Я имела в виду хороший кекс, но насчет цен вы тоже правы. Я работала в этом кафе, когда заканчивала среднюю школу. Неполный рабочий день, – лепечу я зачем-то. – Не сказать, что у нас тут, в деревне, большой выбор.

Термин «деревня» не совсем правильный; за те пятнадцать лет, что я здесь живу, населенный пункт сильно расширился. Сейчас это небольшой городок с правом рыночной торговли, хорошим выбором магазинов, но мы все равно цепляемся за наши сельские корни.

За столиком воцаряется молчание. Анна помешивает кофе. Звук ложечки, звякающей о фарфор, действует мне на нервы. Я ищу слова, пялясь в окно, на пол, как будто надеюсь увидеть их там написанными.

– Итак. – Анна ставит локти на стол, упираясь подбородком в ладони.
– Откуда вы знаете моего отца?

Я откидываюсь на стуле так резко, что ударяюсь головой о стену, но даже не замечаю боли.

– Пол – ваш отец?

– Был. Он умер, когда мне было восемь лет.

– Извините. – Я резко отодвигаю стул и мчусь к туалетам.

Я прислоняюсь к раковине, вцепляюсь в нее для устойчивости и

медленно, глубоко дышу. Из мутного зеркала на меня смотрит мое взволнованное лицо. Отец Чарли мертв. Анна – ее сводная сестра. Как мне сообщить ей, что она потеряла еще одного родственника? Я отворачиваю кран с холодной водой и пью из сложенных чашечкой рук. Вода течет по подбородку, и я вытираю ее рукавом.

– С вами все в порядке? – В туалетную комнату входит Анна.

– Да, – говорю я, обращаясь к ее отражению в зеркале. В ней есть черты сходства с Чарли. Не понимаю, почему я раньше этого не заметила. Ее волосы более темного оттенка, и она не такая высокая, но глаза те же самые, зеленые.

– Так кто вы?

Я закрываю кран, вытираю руки бумажным полотенцем и думаю, что надо бы соврать, но в этом я не очень сильна.

– Пол, ваш отец, был также отцом моей лучшей подруги Чарли.

– Не понимаю.

– Чарли – ваша единокровная сестра... была ею.

– Была?

– Я думаю, нам лучше сесть.

Мне потребовалось некоторое время, чтобы рассказать Анне о Чарли и Лекси. Я говорю сначала медленно, подробно излагая, как познакомились Пол и Лекси. Анна изредка задает вопрос, но по большей части молчит: лицо ее бледно, лоб нахмурен. Я объясняю, как Чарли росла, не зная, кто ее отец, как она всегда чувствовала, что какого-то куска не хватает. Анна сморкается и вытирает глаза.

– Она пыталась его найти?

– Хотела. Лекси это огорчало.

– Мать ей не помогала?

– Нет.

– Какая стерва.

– Я думаю, у нее были свои причины. Она думала, так будет лучше.

– Какая может быть причина разделять семью?

– Не знаю. – Я беспокойно ерзаю на стуле. – Она, вероятно, не знала о вашем существовании.

Анна хмурится:

– Все равно расскажите мне о ней, об этой моей сестре.

И я пытаюсь. Сначала неуверенно – слова вроде «красивая», «смешная» и «потрясающая» слишком заурядны, они не передают самую суть Чарли.

Я рассказываю Анне о наших школьных годах, о нашем проекте по истории на тему «Могущественные и влиятельные женщины». Чарли потихоньку положила себе в рюкзак бабушкины воронки для джема и на следующий день появилась в школе в самодельном бюстгальтере с конусообразными чашками и заявила, что самой влиятельной женщиной в мире является Мадонна. Я рассказываю, пока у меня не начинают болеть челюсти и саднить горло.

Бариста убирает наши остывшие напитки и возвращается с тряпкой, чтобы вытереть стол. Скомкав бумажный мусор, он засовывает его в карман фартука.

– Мы сейчас закрываемся.

Я смотрю на свои часы.

– Половина пятого. Не могу поверить, что мы так долго разговариваем.

– Что за паб там, дальше по улице? Не хотите ли чего-нибудь выпить и пообедать? Мне очень хочется побольше услышать о Чарли.

– Было бы здорово. Я никогда там не ела, обычно я хожу в паб возле парка, но уверена, что и этот неплох. Вот только напишу моему бойфренду, сообщу, где я.

– О, пускай подождет. – Анна берет меня под руку, и мы шагаем к двери. Пока мы идем по деревне, Анна трещит без умолку, и я рада, что я не одна. Страх, который я испытала прошлым вечером, когда за мной гнались, затаился под кожей, готовый разогнать пульс и подогреть кровь. Не знаю, кто это был, и стараюсь игнорировать мысль, что этот кто-то вернется. Но как бы старательно я эту мысль ни отгоняла, она закрадывается вновь и вновь.

* * *

В пабе тихо. Выцветший полосатый ковер липнет к подошвам, пока мы пробираемся к стоящему в углу выщербленному деревянному столу. Поставив на него сумку, я вижу, что он шатается, и подсовываю под ножку подставку для кружки с пивом. Позади барной стойки висит написанное мелом меню, и я щурюсь, стараясь его прочесть.

– Готовы сделать заказ? – Над нами нависает официантка с блокнотом и обкусанной шариковой ручкой наготове. Уголок рта у нее испачкан чернилами. Замызганная, когда-то белая блузка туго обтягивает грудь, грозя вырвать пуговицы.

– Мне лазанью с жареной картошкой, пожалуйста.

– А мне салат с курицей, – прибавляет Анна.

Я знаю, что мои ляжки растекаются по стулу, и потому прикрываю их бумажной салфеткой.

– Что будете пить?

– Бокал вина, – отваживаюсь я.

– Забудьте, мы заслуживаем целой бутылки. Белого?

– Отлично.

– Я только сбегаю в туалет.

Пользуюсь возможностью и проверяю телефон. Есть несколько эсэмэс от Дэна, одно другого неистовее. Я заверяю его, что со мной все в порядке. Эта Анна очень милая, не какая-нибудь убийца с топором.

Официантка с грохотом ставит на стол бутылку тепловатого белого вина и два бокала. Я разливаю вино, но, прежде чем получаю возможность сделать глоток, звонит телефон. Снова незнакомый номер. Я говорю «алло», и в ухе раздается низкий гудок. Я оглядываю паб, выключаю рингтон и сую телефон в сумку.

– Как вино? – Анна усаживается на свой стул.

Я делаю глоток и корчу гримасу.

– Если у них не окажется уксуса для моей картошки, вино как раз подойдет.

– Такое хорошее, да? – смеется Анна.

– Что случилось с вашим отцом? Если вам не слишком мучительно говорить об этом.

– Все в порядке. Это было давно. – Анна вертит в руках бокал. – Мы собирались в отпуск, и я была так взволнована тем, что мы увидим море. Мама купила пачку разноцветных жележных конфет в виде пупсов, чтобы есть по дороге. Я обожала оранжевые, сначала откусывала голову и двигалась вниз. Конечно, я съела слишком много и меня начало мутить. Мама велела мне глотнуть свежего воздуха. Я высунула голову из окна, как собака, и сидела так, пока мне не стало лучше, но потом услышала жужжание. Я подумала, что мне в ухо влетела пчела. Я затрясла головой и закричала. Папа оглянулся, чтобы посмотреть, в чем дело, и это последнее, что я помню. Очевидно, он свернул на встречную полосу, и мы врезались в другую машину. Мама и папа погибли на месте. – Анна опускает голову, и я тянусь через стол и накрываю ладонью ее руку. – Мне было только девять лет. Я винила себя: если бы я не съела столько конфет, если бы не открывала окно, если бы не закричала. Пусть бы лучше та пчела меня ужалила.

– Вы потеряли обоих родителей сразу?

– Да. Маленькая сиротка Энни, вот кто я такая. Мне бы еще ваши рыжие волосы, и я, как сиротка из мюзикла, могла бы петь про солнышко, которое выйдет завтра. – Она похлопывает по моей руке и криво усмехается.

Официантка со стуком ставит перед нами две тарелки. Из лазаньи вытекает лужица желтого жира. Анна подцепляет на вилку салат и отправляет в рот, пока я гоняю по тарелке жареную картошку.

– Где вы жили потом?

– Давайте поговорим о чем-нибудь более радостном, ладно? Прибережем эту трагическую историю на другой раз.

Я глотаю вино. Теперь я рада, что оно кислое и отвлекает мое внимание от мучительной грусти, грозящей меня поглотить.

– Чем вы занимаетесь? – спрашивает Анна.

– Работаю в детском саду. Очень люблю свое дело. Вы любите детей?

– Нет. – Анна плескает вино в мой бокал. – Зато вам повезло, что вы занимаетесь любимым делом. Я работаю секретаршей и ненавижу это.

– Почему?

Лицо Анны искажает гримаса.

– Давайте просто скажем, что я не без причины называю своего босса осьминогом. Он любит распускать руки.

– Это отвратительно. Разве вы не можете на него заявить?

– Да ну, это просто мелкая фирма. Подвернется и другая работа. Не могу назвать это занятие моим призванием. Я вовсе не мечтала делать записи для какого-то немолодого мужчины, пока он облизывает мне блузку.

– А чем вы хотели заниматься?

– Я думала о том, чтобы стать медсестрой. Было бы классно иметь возможность помогать людям, которые попали в аварию, понимаете?

Я киваю.

– Что вас остановило?

– Деньги, я думаю. Мне приходилось самой содержать себя с шестнадцати лет.

Мы продолжаем болтать, и я думаю о том, насколько иной могла бы быть моя жизнь. В какой-то момент, после того как официантка уносит наши тарелки, я протягиваю руку, чтобы пожать руку Анны, но тут между нами возникает меню десертов.

– Итак? – требовательно вопрошает официантка.

– Мне черный кофе, – говорит Анна.

Я думаю о своих ляжках и подавляю искушение заказать пудинг из

молочной тянучки.

– У вас есть горячий шоколад?

– Нет, – вздыхает официантка.

– Тогда чай, благодарю вас.

Мы прихлебываем чуть теплые напитки из выщербленных китайских кружек, и я оплачиваю счет.

– Я оплачу наш следующий обед, – говорит Анна.

– Было бы очень мило снова встретиться. Надеюсь, вы были не очень шокированы сегодня?

– Многое надо осмыслить, это не шутка – потерять сестру, о которой ничего не знала. Порой я чувствую себя такой одинокой. Мысль о том, что у меня могла бы быть сестра, семья... – Анна пожимает плечами. – Хотя я чувствую себя так, будто обрела подругу.

– Я тоже. Как насчет того, чтобы прийти ко мне на ужин на следующей неделе? Я смогу показать вам фотографии Чарли. Вы сможете познакомиться с моим бойфрендом Дэном.

– Было бы здорово, спасибо. – Мы обнимаемся на прощание, и Анна удаляется, напоминая мне свою сводную сестру, которой она никогда не знала. Мне интересно, что подумает о ней Дэн. Напомнит ли она ему Чарли, как и мне, а если так, не рискованно ли приглашать ее к нам в дом?

Темнота окутывает деревню, словно одеялом. Каждый второй фонарь выключен, и на улице угрюмо. Семьи собрались перед каминами, вокруг телевизоров, нагруженные пудингом и мыслями об утре понедельника. Я энергично шагаю и останавливаюсь, услышав жужжание в сумке. Мой телефон вибрирует. Должно быть, у Дэна кончилось терпение, я отсутствую уже несколько часов. Номер скрыт, и я говорю «алло». На другом конце слышится чье-то дыхание. Я слышу, как кто-то сглатывает слюну. Сопит. Я даю отбой, и экран почти тотчас зажигается новым входящим вызовом. Сзади урчит мотор. Кто-то едет очень, очень медленно, и я прячусь за стену церкви и стою, почти не дыша, пока машина проползает мимо. Кажется, проходит целая вечность, прежде чем звук затихает, и я расслабляю тело, топая одеревенелыми ногами. Пока я стою, мне кажется, что я вижу, как за углом исчезает что-то красное, но точно утверждать не могу и бегу со всех ног в противоположном направлении, не останавливаясь, до самого дома.

Глава 14

Настоящее

Обычно меня выхватывает из медикаментозного сна трель будильника. Однако не в это утро. Волнение будит меня раньше. Сегодня четверг. Анна должна прийти на ужин.

– Ты спишь? – спрашиваю я громким шепотом.
– Уже нет. – Дэн прячет голову под подушку.
– Ты ведь придешь сегодня вовремя?
– Да. Успокойся. Это всего лишь сестра Чарли, а не английская королева.

Сестра. Я мысленно повторяю это слово, такое же уютное, как старая теплая толстовка Дэна, в которой я хожу дома. Мы с Анной всю неделю переписывались по эсэмэс. Дэн вздыхает всякий раз, как я беру в руки телефон, но я уже чувствую с ней сильную связь. Конечно, Чарли она мне не заменит, но все равно это что-то свежее, новое начало. Я выскакиваю из кровати, принимаю душ и одеваюсь с олимпийской скоростью, потом скачу вниз по лестнице и, пританцовывая, впархиваю в гостиную. «Что мне приготовить?» – спрашиваю я Чарли, улыбающуюся мне из серебряной рамки на пианино.

Кухня залита желтым светом. Тонкие занавески, сшитые бабушкой, не справляются с солнечным светом раннего утра. Я со свистом их раздвигаю, и птицы чирикают мне «доброе утро». Все сегодня счастливы. Миттенс мурлычет и трет мордочкой о мои ноги, а я наливаю ей свежей воды и выдавливаю пакетик мяса в ее миску, посыпая его сверху кошачьим печеньем.

Просматриваю кулинарные книги, одновременно отправляя в рот кашу и наслаждаясь сладостью добавленного в нее меда. Набрасываю список продуктов и пулей ношусь по коттеджу, поправляя диванные подушки и разглаживая покрывала. Все еще достаточно рано. Если я потороплюсь, то смогу по дороге на работу забежать в магазин.

Наклоняюсь вперед и нажимаю носом звонок. Мышцы рук дрожат под весом покупок, ручки пластикового пакета врезаются в ладони.

– Боже мой! – Лин распахивает дверь настежь, и я медленно прохожу внутрь со своей поклажей.

– Спасибо. Мне не хотелось ставить продукты на землю, чтобы найти ключ. – Я, пошатываясь, иду в комнату персонала, опускаю сумки на пол и массирую вмятины на ладонях.

Лин приподнимает бровь, глядя на гору еды и вина, вываливающуюся на линолеум.

– Ты уверена, что тебе этого хватит?

– Анна приходит сегодня на ужин, – говорю я, как будто Лин могла забыть. Всю неделю я только об этом и говорила. – Боюсь оставлять еду на целый день в машине. Не хочу ее отравить.

– Особенно на первом ужине. Сейчас на улице, вероятно, холоднее, чем в холодильнике. – Лин подбирает с пола выкатившуюся бутылку шардоне. – Надеюсь, сегодня никаких выборочных проверок не предвидится. Сколько спиртного ты купила?

– Всего три бутылки. Мне пришлось купить красного, белого и розового и еще апельсиновый сок, на тот случай, если она не захочет вина, и еще воды с газом, на тот случай, если она не захочет фруктового сока. Еще купила настоящего кофе, травяных чаев и мятных конфет в шоколаде, хотя уверена, что она к ним не притронется. Я говорила тебе, какая она стройная?

– Несколько раз.

Я опускаюсь на колени перед крохотным холодильником, и Лин передает мне пакет с зеленым салатом. Приходится проткнуть пластик, чтобы втиснуть его в холодильник.

– Руккола. Просто шикарно. Послушай, Грейс, я знаю, как много это для тебя значит, но ей-богу, если она похожа на Чарли, то ей не нужна эта суета. Пакета чипсов и банки пива будет достаточно.

Я усаживаюсь на пятки и вынимаю коробку серебряных свечей.

– Дэн говорит, я веду себя так, будто жду на чай королеву.

– Это естественно, что ты хочешь ей понравиться, что тебе важна эта связь с Чарли, но мы все любим тебя такой, какая ты есть. Дай Анне шанс тебя узнать, и она тоже тебя полюбит. – Лин вынимает из пакета четыре мелкие стеклянные миски. – Для какого лакомства предназначено это?

– Для ополаскивания пальцев. У нас будет чесночный хлеб. – Я беру в руки одинокий лимон. – Это чересчур?

– Да еще как. Нарежем лимон в джин и немного расслабимся?

– Может, подождем до ланча или прямо сейчас расслабимся, вместе с детьми?

– Держу пари, некоторые мамы обрадовались бы джину-тонику. Хотя, может, не в такую рань. – Лин смотрит на часы. – Пора открываться.

Ты закончи это убирать, а я пойду отопру двери.

Я ставлю бутылку бальзамического уксуса в дверцу холодильника и жалею, что не купила вместо него банку майонеза «Хеллман».

Я рисую на лице морду тигра и, к восторгу детей, провожу день, подкрадываясь и набрасываясь. К тому времени когда забирают последнего ребенка, я совершенно вымотана. Засовываю игрушки в ярко раскрашенные ящики, стоящие у стены, а Лин тем временем приносит в комнату мои покупки, аккуратно разложенные по пакетам.

– Эй ты, полосатая. Я закончу. А ты иди домой и гладь салфетки.

– Дворецкий их уже погладил. – Я натягиваю пальто и выуживаю из кармана ключи от машины. – Спасибо, Лин. Я очень тебе благодарна.

– Надеюсь, все пройдет хорошо. Если нет, у тебя здесь достаточно вина, чтобы залить горе.

– И огромный батончик молочного шоколада на аварийный случай. Увидимся завтра. – Я торопливо шагаю к машине, и ручки пакетов оставляют новые борозды на моих ладонях.

Все готово. Только что зажженные свечи сначала шипят и мигают и только потом загораются высоким и сильным пламенем. Окно гостиной обрамляют мерцающие цветные фонарики.

– Можешь открыть вино? – прошу я Дэна.

Извлекаемая пробка издает писк и хлопок.

Поет дверной звонок, я бегу к двери и открываю ее с лучезарной улыбкой. За дверью никого нет. Я делаю шаг вперед.

– Анна?

В переулке темно. Тихо. Я вздрагиваю и закрываю дверь.

Наполняю водой стакан и проглатываю половину таблетки. Это потому, что я нервничаю. Любой бы нервничал. Запах чеснока и базилика возбуждает в желудке глухое ворчание: обычно к этому времени мы уже заканчивали есть. Я пролистываю записи в моем айпде, пока не останавливаюсь на композиции Эйнауди «Острова». Напевая под звуки фортепьяно, навожу глянец на и так уже сверкающие столовые приборы. Раздается стук в дверь, и я открываю ее, как была – с ножом и тряпкой в руке.

– Ничего себе! У вас что, криминальный район?

– Я тут просто...

– Да я тоже просто шучу.

Анна делает шаг в холл, сует мне в руки коробку бразильских орехов в

шоколаде и смахивает с пальто снег.

– Чем-то вкусно пахнет.

– Спагетти по-болонски. Подойдет?

– Одно из моих любимых блюд.

– Боюсь, я немного переборщила с чесноком.

– Это ничего. Можешь не беспокоиться, я не вампир.

– Я поняла это по тому, что ты вошла без приглашения, вампир бы не смог, – хихикаю я. Наша дружба уже идет как по маслу. Ощущается естественной. – Ты никого не встретила в переулке?

«Паранойя», – сказала бы моя бабушка.

– Нет. Впрочем, была какая-то машина.

Я застываю.

– Что за машина?

– Не знаю. Кажется, красная. А что, ты... – Анна что-то говорит. Я вижу, как ее губы шевелятся, и слышу звуки, но не могу понять, о чем она толкует. Была машина. Красная машина. Это может быть та «Корса», что была на днях. *Кто-то явно меня преследует.* – Эй? – Анна машет рукой перед моими глазами. – Вернись.

– Извини. – Я заглушаю страх улыбкой.

– Я сказала, ты ведь не собираешься устроить мне свидание вслепую?

– Нет. – Я напоминаю себе, что надо делать. – Пойдем, познакомлю тебя с Дэном. – Я веду ее в гостиную. Дэн стоит, засунув руки в карманы, переминаясь с ноги на ногу.

– Привет, красавец. – Анна раскрывает ему объятия, и Дэн полуобнимает ее одной рукой, как делают люди, когда чувствуют себя неловко. Он надел рубашку и сделал над собой усилие, чтобы выглядеть прилично, но под мышками у него виднеются влажные пятна. Бедный Дэн. Он не из тех мужчин, что хорошо чувствуют себя на званых ужинах.

– Посмотри, что Анна принесла. – Я гремлю коробкой.

– У тебя аллергия на орехи, – хмурится Дэн.

– Извини. Я...

– Не волнуйся, Анна. Это было мило с твоей стороны. Их съест Дэн. Выпьешь? Бокал вина?

– Пожалуйста.

– Я принесу. – Чувствуется, Дэн обрадовался, что может чем-то заняться. Светская беседа не является его сильной стороной. Он возвращается через минуту с двумя бокалами белого вина и вручает один Анне.

– Белое тебе подходит? – спрашиваю я. – У нас есть еще красное и

розовое.

– Я не догадался спросить. Извините, – бормочет Дэн.

– Все нормально. Белое мое любимое. – Она отпивает глоток. – Лучше, чем тот растворитель для краски, что подавали в пабе.

– Хуже уже некуда. – При воспоминании о нем я морщусь нос.

– А можно спросить, почему ты оранжевая?

Я трогаю щеку. Несмотря на то что я терла щеки мочалкой, краска для лица до конца не сошла.

– Я сегодня была тигром.

Анна озорно ухмыляется:

– Счастливчик Дэн.

Шея у Дэна покрывается красными пятнами. Я глажу его по руке и ободряюще смотрю на него. Не пойму, почему он держится так скованно. Мне так хочется, чтобы вечер удался.

– Ну, как бы там ни было, чувствуй себя как дома. – Я жестом приглашаю Анну на диван, где на покрывале из искусственного меха спит Миттенс.

– У тебя кошка.

– Миттенс. Я принесла ее котенком.

– Не Том или Моппет?

– Ты тоже любишь Беатрис Поттер?

– Папа читал мне ее сказки.

Воспоминания взрываются во мне психоделическими красками. Я бегу в кухню, прижимаю пылающее лицо к холодильнику, стараясь отогнать картину, как мы с папой лежим на моей кровати и смеемся над сказкой о непослушных котятках.

– Тебе нехорошо? – В дверях стоит Дэн. – Это была плохая затея. Я попрошу ее уйти?

– Нет, со мной все в порядке. Просто я устала и очень волнуюсь. Хочу, чтобы все прошло идеально.

По лицу Дэна пробегает странное выражение.

– Все хорошо. Честно. Пойди посиди с Анной.

– Я останусь и помогу тебе.

– Невежливо оставлять ее одну. – Я практически выталкиваю его в дверь и быстро раскладываю еду по тарелкам. И вот уже мы теснимся вокруг нашего маленького, словно взятого из бистро столика, который скрипит под тяжестью огромных мисок с пастой, чесночным хлебом и соусом, и едим, крепко прижав локти к бокам.

– Ты хорошо готовишь, – говорит Анна. – Соус божественный. Что это

за марка?

– Он не магазинный. Грейс сама выращивает травы, – говорит Дэн. – Сад – ее радость и гордость.

– Очень разумно. Я живу на салатах. Какой смысл готовить на одного?

– Зато выглядишь потрясающе. Я постоянно твержу, что мне надо сбросить десять фунтов. А Дэна всегда берет тоска, когда он это слышит, правда, Дэн?

– Я уверена, что ему нравятся фигуристые женщины, а не такие щепки, как я. Что скажете, Дэн?

– Скажу, что собираюсь принести сыр. – Поджав губы, он поднимается с места. К еде он едва притронулся.

– Очень тактично, – говорит Анна.

– Он научился с годами. Когда мы познакомились, он не был таким чувствительным, поверь мне.

Дэн возвращается с тарелкой пармезана.

– Вы давно знаете друг друга? – Выражение лица у Анны насмешливое.

Я наматываю на вилку спагетти.

– Целую вечность. Мы познакомились в школе. Наша первая встреча прошла негладко, да, Дэн?

– Почему?

Дэн издает стон.

– Эту историю вам совсем не надо слушать.

– Конечно, она должна ее услышать. В ней ведь участвует и Чарли. – Я выкладываю подробности нашей первой встречи. Анна с широко раскрытыми глазами слушает, как ее сводная сестра за меня отомстила.

– Дэнни-кетчуп, – повторяет она. – Смешно.

Дэн пожимает плечами:

– Мне было всего десять лет. Я быстро усвоил урок. Не связывайся с девочками.

– Да уж, не стоит. – Анна внимательно смотрит на Дэна поверх бокала.

– Смотри. – Передаю Анне фото, где засняты я, Чарли, Дэн, Эсме и Шиван. Бен сфотографировал нас у школы. – Мы пошли в парк и решили, что хорошо бы сжечь наши школьные галстуки. У нас была пачка старых газет и несколько спичек. Дэн разжег костер и, чтобы увеличить пламя, вылил в него немного виски, которое украл из сарая своего отца. Лето было сухим и жарким, поэтому огонь быстро распространился. Пламя было огромным. В конце концов пришлось вызывать пожарную команду.

– Вам здорово влетело?

– Ужасно. Ко всем нам домой приходили полицейские, чтобы сообщить родственникам. Мне было так страшно, я никогда прежде не попадала в истории. Полицейский был очень суров. Хорошо еще, что нас не обвинили в поджоге. Меня бы с уголовным прошлым не взяли на работу в детский сад.

– А вы сожгли свои галстуки?

– Нет. Упустили момент. Наши с Дэном галстуки до сих пор хранятся в платяном шкафу.

Анна хватает серебряный подсвечник и начинает размахивать им. Пламя трещит, и воск капает на скатерть.

– Доставайте их. Доведем до конца то, что вы начали.

– Давайте дадим дымовому сигнализатору отдохнуть. Он уже наработался, когда я сегодня забыла в духовке чесночный хлеб. А как насчет тебя? В тебе есть темная сторона?

– Если бы была, я бы подстроила какую-нибудь пакость своему боссу.

– Анна называет его осьминогом, – говорю я Дэну.

– Надоело, что он все время старается сунуть руку мне под юбку или пялится в вырез блузки. – Анна выглядит совершенно удроченной.

Я ужасно переживаю за нее.

– Не знаю, как ты справляешься.

– Приходится, пока не подвернется что-то другое. – Глаза у Анны наполняются слезами. – Ты говоришь, я худая, но это потому, что я часто слишком напряжена, чтобы есть. Ложусь спать вечером и не могу уснуть, прокручиваю в голове минувший день, двусмысленные намеки, какие он сделал, его прикосновения. Большую часть времени я беспокоюсь о том, что еще меня ждет, как далеко он пойдет. У меня мышцы всегда так напряжены, что постоянно болит шея.

Я передаю ей коробку носовых платков.

Анна сморкается.

– Как неудобно. Обычно я так не распускаюсь.

– Неужели ты не можешь найти какую-нибудь другую работу?

– Я стараюсь, но это трудно. Работаю допоздна, и он не оставляет мне времени для собеседований. Стоимость аренды моей комнаты грабительская. Если бы мне удалось продержаться пару недель без дохода, я могла бы найти что-нибудь другое. Очень трудно, когда у тебя нет семьи, на которую можно опереться.

Я сжимаю ей руку:

– Теперь у тебя есть мы. Ты сестра Чарли и должна попросить о помощи, если она тебе нужна, правда, Дэн?

Дэн что-то ворчит, убирает со стола пустую бутылку и выходит из комнаты. Слезы всегда его раздражают.

– Можно мне пожить у вас? Я правда больше не могу видеть этого ужасного человека. Это всего на пару недель, пока я подыщу себе что-нибудь другое. Отсюда ближе до Оксфорда, чем от того места, где я живу. Будет легче ездить на собеседования. Я хочу быть ближе к тебе. Побольше узнать о Чарли. С вами я уже начинаю себя чувствовать, как в семье.

Дэн на кухне гремит тарелками.

– Конечно, – говорю я. – Будет весело. Я рада помочь. – Но это не единственная причина, почему я хочу, чтобы она к нам переехала. Ощущение, что за мной следят, усиливается. Однако я даже самой себе не могу признаться в том, что мне страшно одной. Если Дэн будет отсутствовать, то с Анной я буду не одна. И не буду чувствовать страха. Буду в безопасности, не так ли?

Глава 15

Прошное

Из-за жаркого пламени мы отошли от костра подальше и издали наблюдали, как он трещит и плюется. Чарли не любила подходить к костру слишком близко. Она всегда говорила, что испытывает страх после того, как оказалась в огненной ловушке, хотя, по словам Лекси, она уже практически поборола этот страх. Когда Чарли смотрела на языки пламени, я видела в ее глазах ужас: этот ужас должен был откуда-то взяться. Чучело Гая Фокса обмякло посреди горящих бревен, свесив голову набок, словно сокрушенное чувством вины, смилившееся со своей судьбой. Языки пламени лизали ему ступни, и когда загорелись брюки, толпа разразилась одобрительными возгласами.

– Хот-дог? – потянула меня за рукав Чарли.

Я кивнула, и мы протолкнулись сквозь толпу – большая часть деревни собралась на заросшем травой пустыре для ежегодного запуска фейерверков – и встали в очередь к фургону с закусками. Я полила кетчупом покрытую луком поджаристую сосиску.

– Кока-колы?

Чарли покачала головой:

– Идем к палатке с пивом.

– Майк ни за что нас не обслужит. – Хозяин деревенского паба знал нас.

– Мне уже восемнадцать.

– А мне нет. – Оставалось еще десять дней до того момента, когда я смогу пить на законных основаниях.

– Практически уже восемнадцать. Я сама куплю, ты подожди рядом. Там столько народу, что он не поймет. Потом разыщем остальных.

– Ладно. – Мы обошли детей с бенгальскими огнями, выписывавших в воздухе свои имена. Я держалась вплотную за Чарли. Вот бы Шиван сегодня не пришла. Я тушевалась всякий раз, когда она находилась поблизости, со своим фальшивым смехом, и, встряхивая волосами, при каждом удобном случае тыкала в сторону Дэна своими сиськами. У меня сиськи выросли больше, но вместе с ними и все остальные части тела. Я начала фабриковать письма от бабушки к моей учительнице, где говорилось, что у меня якобы болит колено, – чтобы не ходить на

физкультуру и не переодеваться под презрительным взглядом Шиван. Она сама была такой худой. Ее сестра тоже была стервой. Если я проходила мимо Эбби в школьном коридоре, она трусливо убегала, глядя в пол, но рядом с Шиван была бесстрашна.

Мы дошли до палатки с пивом, и, проглотив последний кусок сосиски, я облизала пальцы и снова натянула перчатки.

Чарли протолкнулась к стойке, а я зависла у входа в шатер, притопывая ногами от холода. Мороз щипал лицо, и дыхание вылетало изо рта облачками. В ожидании я смотрела на крутящиеся огненные колеса, прибитые к забору. Они вращались все быстрее и быстрее, пока не превращались в сплошное облако из синего и золотого, и искры выстреливали в небо и падали, словно метеоры.

– Грейси-Грейс!

Чьи-то руки обвили мою талию, и я вздрогнула. Почувствовала на шее теплое, кислое дыхание.

– Лекси.

– Это Энт. Ну, разве не красавчик? – Лекси хихикнула и погладила зардевшееся лицо стоявшего рядом с ней мальчишки. Он работал за прилавком бакалейной лавки и был немногим старше меня. Лекси обняла меня за плечи. Пиво выплеснулось из ее пластикового стакана прямо мне на шарф. Я постаралась промокнуть его рукой в перчатке. – Это Грейс. Разве она не красавица? Она никогда не доставляет мне никаких беспокойств. – Лекси покачнулась, и я перенесла вес тела на другую ногу, чтобы не упасть.

Энт пожал плечами.

– Что ты вертишь плечами? – Лекси старалась стоять прямо, покачиваясь, как дерево на ветру. – Она прелестна, Грейс. Золото, а не человек, вот она какая.

– А я нет? – Чарли сунула мне в руку стакан сидра. Я отступила от Лекси. Та потеряла точку опоры и осела на подернутую морозом траву, сжимая в руке стакан.

– Не пролила ни капли. Класс! – Она повалилась на спину, подняла вверх пиво и задргала в воздухе ногами, как умирающая муха.

– Мама, – прошипела Чарли. – Все смотрят.

Лекси ухватила за вытянутую руку Чарли и кое-как поднялась на ноги. Энт что-то пробормотал и поплелся прочь.

– Ну, и ладно, провались. Ты мне все равно не нравился. Ты мальчишка, а мне нужен мужчина. Есть желающие? – Лекси подняла вверх стакан, повернулась вокруг своей оси и, раскорячившись, завалилась на

пивную палатку. Кольшки выскочили из твердого грунта, и растяжки заполоскались на ветру. Мы с Чарли побросали стаканы, подхватили Лекси под руки и поставили ее на ноги.

– Придется отвести ее домой.

– Я пойду с тобой.

Когда мы добрались до края пустыря, толпа поредела. Шиван, Эбби и Эсме маячили вдалеке, и когда подтянулись поближе, у меня непроизвольно сжались челюсти.

– Вы уходите? – спросила Эсме.

– Да, надо отвести маму домой.

– Помочь? – спросила Шиван.

– Не-а, мы с Грейс справимся.

– Конечно, у Грейс лучше получится, она гораздо крупнее меня.

– Не язви. – Эсме ткнула Шиван локтем в ребра.

– И не думала. Я хотела сказать, что она сильнее, только и всего.

Мы проковыляли с Лекси еще несколько шагов.

– О, Грейс? – Я обернулась. Шиван угрожающе улыбалась. – Я передам от тебя привет Дэну, хорошо?

– Корова, – пробормотала я.

– Не обращай на нее внимания, – сказала Чарли, когда они ушли. – Меня от нее начинает тошнить. Она себе все отморозит в этой мини-юбке. Бен говорит, что Дэну она все равно не нравится.

– Правда? – Чарли и Бен встречались. Я-то воображала себе, как они ходят на свидания вместе с Шиван и Дэном, пока я сижу дома в клетчатой пижаме, смотрю по видео «Бриджит Джонс» и набиваю живот чипсами «Принглс» со сметанным вкусом.

Пятнадцатиминутная дорога до дома Чарли заняла почти полчаса, потому что Лекси то кренилась вперед, то заваливалась назад. К тому времени, как мы достигли цели, руки у меня горели от усилий удерживать Лекси в вертикальном положении.

Чарли прислонила мать к входной двери.

– Достань ключ, Грейс.

Я приподняла садового гномика. Когда-то, несколько лет назад, бабушка водила Чарли в садовый центр выбрать подарок ко дню рождения Лекси. Лекси не жаловала растения и цветы – «все эти чертовы сорняки», – но Чарли влюбилась в маленькую фигурку гномика-рыболова. Лекси визжала от смеха, когда его развернула: «Он такой чертовски уродливый, что его никто никогда не сопрет». И с тех пор он охранял запасной ключ от входной двери.

Чарли спиной вперед поднималась по ступенькам, таща мать за обе руки, а я шла сзади и, упершись руками Лекси в спину, толкала ее вперед.

– Простите, – пробормотала Лекси в подушку, пока я стаскивала с нее туфли.

– Все в порядке, мама. – Чарли натянула ей одеяло до подбородка.

– Моя девочка, такая взрослая. Жаль, что ты уже выросла. Лучше бы была до сих пор маленькая. – По щекам Лекси струйками текла тушь.

– Поспи, мама.

– Моя жизнь загублена.

Я порылась в кармане и нашла под недоеденной упаковкой мятных конфет бумажный носовой платок. Он был чистый, я развернула его и вручила Лекси.

Та высморкалась.

– Я не хотела. Не умею поступать правильно. Ты ведь знаешь, как это бывает, да, Грейс? Совершить ошибку?

– Утром все будет хорошо.

– Не будет. Не может быть. Мне не следовало...

Лекси застыла с раскрытым ртом. Я обменялась тревожным взглядом с Чарли, но тут раздался храп.

– Слава богу. – Чарли погасила свет, и мы потихоньку спустились вниз.

– Хочешь вернуться на пустырь?

– Не-а. Лучше побуду с мамой. Хочешь посмотреть из палисадника?

Я кивнула. Мы достали из холодильника банки шипучей «Стеллы», вышли на улицу и уселись, болтая ногами, на крошащейся кирпичной ограде.

Мы охали, когда горячие полосы яркого света выстреливали в небо, рассыпаясь миллионами золотых и серебряных искр, словно кто-то подбросил в воздух пригоршню блесков. Мы ахали, когда мириады разноцветных огней, хлопая, вспарывали небо и, угасая, обращались в черноту.

– Я бы хотела быть фейерверком, – сказала Чарли.

– Почему?

– Улетела бы подальше отсюда.

– А что случилось? – Я опрокинула в себя остатки пива и смяла банку.

– Это все мама. Не знаю, что с ней происходит. Она такая уже примерно месяц.

– Пьяная?

– Почти постоянно. – Чарли стукнула каблуками по ограде, на которой мы сидели, и сухая штукатурка осыпалась наземь.

– Почему ты не говорила?

Чарли пожала плечами:

– Стеснялась, наверное. Она перестала выходить, постоянно держит занавески задернутыми. В понедельник ее рвало, она вся перемазалась. Пришлось поливать ее из шланга в душе. Это было отвратительно. Но я не хочу все время ныть. У тебя тоже не беззаботная жизнь.

– Нет, но ты тоже имеешь право на свои проблемы. Почему, как ты думаешь, она это делает?

– Откуда я знаю? У нее бывают разные стадии.

– Она говорила про твое совершеннолетие. Возможно, она беспокоится, что ты уйдешь из дома. У бабушки то же самое. Думает, что я пойду в универ после школы и забуду о них. Боится, что они меня больше никогда не увидят.

– Может быть. Возможно, жалеет, что мой отец не с ней. Кем бы он ни был. – Чарли спрыгнула с ограды. Когда ее кроссовки соприкоснулись с серым бетоном, послышался хлюпающий звук. – Не хочешь найти мальчишек?

– А твоя мама?

– Пусть застрелится. Мне все равно, – сказала Чарли. Но я знала, что ей не все равно, и когда звуки фейерверков стихли и сменились бешеными воплями, Чарли, громко топая по лестнице, бросилась наверх, к матери.

Глава 16

Настоящее

Нет ничего лучше, чем просыпаться под запах бекона. Завтрак в постели – это всегда такое наслаждение. Я сажусь в кровати, слышав красноречивый скрип расхлябанной половицы на верхней площадке лестницы и писк толкаемой локтем двери спальни. Из глаз еще не выветрился сон, и я тру их кулаками. Неуклюже вожусь с подушками, подкладывая их под спину, а потом откидываюсь на них, сложив руки на коленях, как будто лежу в больнице, а она пришла меня навестить.

– Доброе утро. – На Anne мой фартук. Она вручает мне поднос, на котором позвякивает посуда. – Решила в первое утро произвести хорошее впечатление.

– Тебе это определенно удалось. – Я делаю глоток апельсинового сока. Резкий вкус цитруса бодрит.

– Бекон хрустящий, – говорит Анна, – хлеб слегка поджарен, и много коричневого соуса. Чай с сахаром и молоком.

– Как раз как я люблю.

– Знаю. Я расспросила Дэна, прежде чем он ушел на футбольную тренировку.

Анна присаживается на кровать, а я надкусываю сандвич. Соленость бекона смешивается со сладостью соуса.

– Так вкусно. Спасибо.

– Это самое малое, что я могу сделать. Я так благодарна, что ты разрешила у тебя пожить. Последние несколько месяцев уже кажутся дурным сном.

Я жую свой завтрак, а Анна внимательно рассматривает книги на моей прикроватной тумбочке.

– «Маленькие женщины». Маленького роста, что ли?

Я смеюсь.

– Неужели ты не читала?

– Нет. Последняя книга, которую я читала, была «Пятьдесят оттенков серого».

– Это немножко другое. Моя книга о девочках-сестрах. Старшая, Джо Марч, моя героиня. Она такая сильная.

– И ты тоже, Грейс. Это нелегко, потерять лучшую подругу. – Анна

пролистывает книгу, а потом швыряет ее поверх высоченной стопки приготовленных для чтения книг. Стопка шатается и падает, пузырек с таблетками тоже звякает о пол.

– Извини. – Она поднимает его.

– Снотворные таблетки, – говорю я, хотя она меня не спрашивала. – Не могу без них спать с тех пор, как Чарли умерла.

– Помогают?

– Слишком хорошо. Если бы не Дэн, я бы просыпала в половине случаев, несмотря на будильник. Впрочем, мой врач не любит их выписывать. Считает, что мне надо попробовать вместо них антидепрессанты.

– Но ведь горе – это не болезнь, не так ли? – Анна морщит лицо. – Это не ветрянка, при которой быстро выздоравливаешь. Прошло много лет с тех пор, как я в последний раз видела родителей, но мне до сих пор хочется поделиться с ними всем, что со мной случается, хорошим или плохим. Когда ты сказала, что я могу у тебя поселиться, я подумала, что должна рассказать маме и папе, какая ты хорошая. Глупо, да?

– Думаю, это естественно. Трудно примириться с тем, что кого-то из наших близких мы никогда больше не увидим. Наш разум это блокирует.

– Я вспоминаю во сне. – Анна садится на край кровати и опускает голову, так что подбородок касается груди. – У меня до сих пор кошмары о той аварии. О похоронах. По сей день.

Я проглатываю последний кусок сэндвича. Он застревает в пересохшем горле, и я проталкиваю его, набрав полный рот чаю.

– Извини, но я, пожалуй, буду вставать. Я уйду сегодня утром.

– Уходишь?

– Да. Извини. Если бы я знала, что ты будешь у меня гостить, то не стала бы ничего планировать, но я обещала Лекси сводить ее на могилу Чарли.

– Лекси? Мать Чарли?

Я киваю.

– Я пойду с тобой. Хочу с ней познакомиться.

Я молчу в нерешительности.

– Я бы хотела с ней познакомиться. Она мать моей сводной сестры. И я хочу посмотреть, где похоронена Чарли.

– Конечно, – говорю я. – И я свожу тебя на кладбище, но не сегодня. Лекси неуравновешенная. Она не очень хорошо справляется. Ей неизвестно о твоём существовании.

– Это может ее приободрить. Связь с Чарли.

– Возможно, но я должна сначала с ней поговорить. Подготовить ее. Я не могу вот так появиться вместе с тобой.

Анна закусывает нижнюю губу. Тень пробегает по лицу.

Я трогаю ее за руку:

– Извини. Я вернусь к двенадцати. Раскопаю фотоальбомы. Мы проведем настоящий девчачий день.

– Хорошо. – Анна забирает поднос. – Мне все равно надо распаковаться.

Я никогда не ставила знак равенства между кладбищами и смертью – дедушка и бабушка ограждали меня, как могли, – но сейчас, стоя у входа на погост, я испытываю головокружение при мысли обо всех погребенных здесь мертвых телах. Когда-то мы с Чарли, Эсме и Шиван бегали по кладбищу, лазали по деревьям и устраивали логова, а теперь мне стыдно, что мы были так непочтительны. Не к мертвым, а к скорбящим, окружавшим надгробия с растерянным выражением на осунувшихся лицах.

Поддерживая Лекси за локоть, я, точно слепую, направляю ее по замерзшей дорожке, и мы пробираемся по замшелым плиткам, опустив взгляды, не желая видеть чужую боль.

За осыпающимися могильными камнями, с выгравированными на них полустершимися датами находится большой прямоугольник, усеянный крестами и сияющими дощечками с фамилиями – памятниками недавно ушедшим. Я была удивлена, когда Лекси попросила похоронить Чарли здесь, я не знала, что она была воспитана христианкой. Но все, что могло предложить уже переполненное кладбище, – это погребение пепла.

Костлявая рука Лекси сжимает мою руку выше локтя, и я тихонько похлопываю по ней. Тут нечего сказать, нет таких слов, которые могут облегчить ее страдание. Мне бы очень хотелось сказать ей, что первый визит самый тяжелый, но я не могу: это неправда. Вода в черной пластиковой вазе протухла, алые розы увяли, и когда я вынимаю букет, со стеблей осыпаются коричневые листья. Я принесла цветы всего неделю назад, и теперь беру на заметку не приносить больше розы.

– Я вернусь через минуту. – Не уверена, что Лекси меня услышала. Похоже, она не замечает моего ухода. На задворках церкви есть желтый бак, специально для увядших цветов. Крышка не до конца закрывается, и я осторожно сую розы в щель, чтобы не уколоться о шипы. Прополоскав вазу под уличным краном, наполняю ее свежей водой. Выпрямившись, вижу человека в конце заросшей дорожки: черное стеганое пальто, закрывающий лицо капюшон.

На свете сотни черных пальто. Я уговариваю себя, что это, вероятно, не тот человек, который наблюдал за мной через окно кафе, но все равно прирастаю к месту. Фигура неподвижна, и хотя мне не видно лицо человека, я чувствую, что этот человек смотрит прямо на меня. Не знаю, что лучше: смело встретиться с ним лицом к лицу или убежать. Я замечаю в руке незнакомца букет цветов. Он пришел навестить могилу.

Проходят, вероятно, секунды, которые кажутся мне минутами, после чего человек роняет цветы, поворачивается и бежит по дорожке к воротам. Я переживаю, чтобы успокоиться, а затем возвращаюсь к Лекси.

Она стоит там, где я ее оставила, крепко сжимая в руке букет розовых гвоздик. Я высвобождаю цветы у нее из руки и стараюсь удачнее расположить их в слишком узкой для них вазе.

– Сразу стало красивее, – лгу я. Участок по-прежнему так же пуст и мрачен, как та дыра, что оставила по себе Чарли.

– Спасибо, что привела меня, Грейс. – Голос Лекси слаб и тих, и я наклоняю голову, чтобы ее расслышать. – Я не заслуживаю твоей доброты.

– Конечно, заслуживаешь.

– Нет. Я вела себя ужасно. Все так запущено. – Она прижимает к глазам кулаки, как будто может тем самым изменить представшую перед ними сцену. – Я не была здесь с самых похорон. Это отвратительно.

Я киваю. Обращение к бесцветному камню не утешает меня. Да и как может утешить? Чарли здесь нет. Это говорит мне логика, но я все равно прихожу каждую неделю, боясь, что, если не буду этого делать, она может подумать, что я ее забыла.

– Хочешь домой?

– Нет. – По бледным щекам Лекси текут слезы. – Мы можем пойти выпить?

– Только по одному бокалу, – говорю я ей, но один бокал превращается в два, три, четыре, и к тому времени, когда я отвожу ее домой, на часах уже почти половина пятого.

В доме пахнет уютом. Я поднимаю крышку кастрюли и вдыхаю запах домашнего супа.

– Я использовала все овощи из холодильника. Надеюсь, ты не возражаешь?

Я вздрагиваю – не слышала, как Анна вошла в кухню.

– Да. Пахнет замечательно. Не думала, что ты умеешь готовить.

Светлые волосы Анны собраны на макушке, она заводит за ухо выбившуюся прядь.

– Не то чтобы не умею, просто не готовлю. Это удовольствие, если есть для кого готовить. Хочу оправдывать свое существование. Мне так неудобно, что я не плачу за квартиру.

– Мне бы в голову не пришло брать с тебя деньги. Ты у меня в гостях. К тому же это всего на несколько дней.

– Как Лекси?

– Неважно. – Я включаю чайник, вытаскиваю кружки из буфета. – Извини, что я так поздно. Я потом отвела ее в паб. Еле удалось увести ее оттуда.

– С ней часто такое случается?

– Иногда. У нее бывают разные периоды. Чарли говорила, что Лекси однажды несколько часов пролежала на полу в гостиной, – Чарли не могла ее разбудить, но боялась оставить.

– Видно, у нее было ужасное детство.

– Так было не всегда. У Лекси бывали непростые периоды, но все было вроде бы ничего, когда я с ней познакомилась. До тех пор пока нам не исполнилось восемнадцать. Я удивлюсь, если Лекси сможет вспомнить тот год.

– А почему, не знаешь?

– Нет. – Я с трудом удерживаю дыхание ровным. Не хочу говорить о том годе, до сих пор не люблю о нем думать, и не только из-за Лекси. – Впрочем, она привела себя в порядок и была с тех пор трезвой. Ну, почти трезвой. Пока Чарли не...

– А нет никаких родственников, чтобы помочь? Тетушек? Дядюшек?

– Нет. Лекси переехала сюда, когда Чарли была маленькой. У нее нет никаких родственников.

– Но у нее есть ты.

– Да. И мои дедушка с бабушкой ей помогают. Ты должна с ними познакомиться. Они обожали Чарли.

– Похоже, ее любили все. Голодная? – Анна наливает густой суп в мою тарелку. Он расплескивается мне на рубашку, и я промокаю его мочалкой для посуды, надеясь, что пятна не останется.

Мы прихлебываем суп, сидя за столом, поверхность которого сияет под электрическим светом.

– Ты что, вытирала пыль?

– Да. Хотела быть полезной. Чтобы распаковаться, мне не потребовалось много времени. Когда закончим, покажу тебе, что я сделала в саду. Я не стала натирать полиролем пианино – оно выглядит по-настоящему старым. Не хотела его повредить.

– Это папино. Он учил меня играть.

– Ты хорошо играешь? Жаль, что я немзыкальна.

– Раньше играла. Теперь уже не играю годами, но не могу с ним расстаться. – Всякий раз, глядя на потертый кожаный табурет, я почти физически чувствую папу, ощущаю, как опираюсь на него своим маленьким телом. Чувствую запах его лосьона после бритья. Ощущаю, как его пальцы касаются моих, наставляя их на верные клавиши. Играла ли я колыбельную «Мерцай, звездочка» или, уже позже, «Оду к радости», он всегда аплодировал с одинаковым энтузиазмом.

Сполоснув тарелки и надев пальто, я выхожу вслед за Анной через стеклянные двери в полутьму сада. Миттенс сидит в доме и наблюдает за нами, прижав розовый носик к стеклу. По камушкам мы направляемся к теплице. Я останавливаюсь. Изумленно открываю рот. Медленно поворачиваюсь, прижав руку ко рту.

– Мои клумбы!

– Они выглядели так неопрятно, верно? Я их прибрала для тебя. – Анна указывает на кустарники и многолетники, выдернутые из земли, они лежат с обнаженными корнями и скрученными листьями.

– Анна, что ты наделала?

Я опускаюсь на колени и приподнимаю растения так нежно, как приподнимала бы пострадавшего ребенка.

– Они ведь все мертвые, не так ли? – Анна становится на колени рядом со мной. – Грейс?

– Они не мертвые. Ты выдернула почти все. Мне потребовалось несколько лет, чтобы их укоренить. – Я сдерживаю слезы, говорю себе, что это только растения, но все равно прибавляю эту потерю к остальным.

– Но у них нет ни цветов, ни красок. Они выглядят как сорняки.

– Сейчас зима, они и должны так выглядеть.

– Мне так неудобно. У меня никогда не было сада. Их можно снова посадить?

– Попробуем, но такая встряска может их убить, если еще не убила.

Анна стоит, отряхивая землю с коленей.

– Я принесу инструменты.

Земля твердая от мороза. Анна светит фонарем на плотный грунт, а я втыкаю в него вилы и наступаю на них сначала одной ногой, потом двумя, стараясь вогнать инструмент поглубже. В пояснице у меня что-то пульсирует, и я потею, несмотря на вечерний холод. Когда я слышу оклик Дэна и вижу его крепкую фигуру, неуклюже направляющуюся к нам, то почти плачу от облегчения. Я благодарно передаю ему вилы, и после того,

как он разрыхляет землю, я разгребаю ее руками, делая ямки. Довольно скоро растения снова оказываются в своих земляных гнездах, поникшие и увядающие.

Извинения Анны тянутся бесконечно, но, только когда мы садимся, скрестив ноги, на полу гостиной перед потрескивающим камином, с бокалами бренди в руках, только тогда я велю ей не беспокоиться и говорю это искренне.

– Ты старалась помочь. Когда-нибудь мы посмеемся над этим.

Я рассказываю ей о том, как Чарли пыталась испечь мне кекс. Она тщательно отмерила ингредиенты, положила их в кухонный комбайн и включила его, не закрыв крышкой. Шоколадная смесь разлетелась по всей кухне. Дедушке пришлось заново красить потолок, а на бабушкиных занавесках до сих пор коричневые пятна.

Мы с Анной смеемся, а Дэн сидит в стороне, обхватив свой бокал, и на лице у него выражение, которое я не могу определить. Я вздрагиваю, сама не зная почему.

Глава 17

Прошлое

Я резко проснулась. День, который, я думала, никогда не наступит, наконец настал. *Мне восемнадцать лет!* Я выскочила из кровати и, словно Тигра, прыжками понеслась вниз по лестнице.

– Доброе утро.

– С днем рождения, Грейс. – Бабушка и дедушка выстроились в кухне, чтобы расцеловать меня. У их поцелуев кофейный привкус. Стол был усеян разноцветными конвертами, и пока бабушка готовила завтрак, я стала их надирать и читать написанные на открытках пожелания, а затем передавать их дедушке. Он ставил открытки на буфет, рядом с веджвудской посудой.

– Уплетай. – Бабушка поставила передо мной тарелку, на которой высилась горка из бекона, сосисок, яичницы, грибов, помидоров и бобов.

– Спасибо. – Я взяла нож и вилку, раздумывая, с чего бы начать.

К тому времени как я отправила в рот последний гриб и отодвинула тарелку, мои челюсти болели от жевания.

– Неудивительно, что с такими порциями меня выпирает из одежды, – говорю я, откидываясь на стуле. – Хорошо, что я собираюсь купить новое платье для сегодняшнего вечера.

– Женщины в наше время слишком тощие, – говорит бабушка. – Ты выглядишь так, как и должна выглядеть женщина.

– В пятидесятых годах, может быть.

– Мужчины любят фигуристых.

В самом деле? Моя личная жизнь была невеселой. Я была слишком заиклена на Дэне, не допуская и мысли о том, чтобы встречаться с кем-то еще. Порой я задавалась вопросом, по-прежнему ли ему нравится Чарли, но она сказала, что он только раз пригласил ее на свидание. Слава богу, он, кажется, не интересовался Шиван. Хотя она явно его домогалась: разговаривая с ним, всем корпусом подавалась вперед, чтобы он мог заглянуть ей в вырез, касалась его руки выше локтя и одобрительно хихикала, что бы он ни говорил, даже когда не было ничего смешного. Чарли стала называть ее Джессикой Рэббит – по имени роковой красотки из фильма «Кто подставил кролика Роджера».

В заднюю дверь ворвалась Чарли.

– Не говорите мне, что я пропустила завтрак. – Она покраснела и тяжело дышала, в руках у нее был большой сверток в оберточной бумаге в горошек.

– Я оставила тебе немного бекона, дорогая, – сказала бабушка. – Тебе нужно нарастить мяса на костях. А то тебя видно только в профиль. – Похоже, Чарли день ото дня становилась все выше и тоньше.

Бабушка густо намазала маслом толстый кусок хлеба и хорошенько сдобрила бекон кетчупом, точь-в-точь как любила Чарли.

– Садись. Мы собираемся вручать подарки.

Чарли с глухим стуком поставила коробку на стол и пододвинула ее ко мне. Потом подхватила свой сандвич, откусила кусок и облизнула пальцы.

Я осторожно сняла ленты и банты и отклеила липкую ленту, стараясь не порвать бумагу. Потом я планировала вклеить бумагу и бант с каждого подарка в свой альбом для вырезок, а внизу сделать описание подарка и указать, кто его прислал. Мне было важно сохранять свои воспоминания. У папы было столько всякой всячины. Я никогда не знала, откуда все это бралось и что для него значило, и, пока он был жив, мне не приходило в голову спросить. А после мне было больно думать, что я так мало знала о человеке, которого, как мне казалось, знала прекрасно.

– При таких темпах, пока ты распакуешь, тебе исполнится девятнадцать.

В коробке был набор виниловых пластинок: Билли Холидей, Этта Джеймс, Бесси Смит. Музыка, с которой я выросла и которую Чарли не вполне понимала. Я потрясла головой, чтобы прогнать комок в горле, и встала, чтобы ее обнять. Она обняла меня, не задействовав вымазанных жиром ладоней.

– Где ты их все нашла?

– На барахолках, на «Ибэй», на «Амазоне». Я собирала деньги, полученные за бебиситтерство за прошлый год.

Дедушка отнес аудиоальбомы в столовую, и, когда через открытую дверь донеслись напевы Этты Джеймс, вернулся и приглашающе протянул мне руку.

– Джинджер? – Ухватившись за его руку, я встала на ноги, и он таким Фредом Астером в полосатых пижамных брюках провел меня, хихикающую, в танце по кухне.

– А это от нас с дедушкой, – сказала бабушка, когда мы, запыхавшись, плюхнулись на стулья, и протянула блестящую коробочку в серебристой обертке.

Я повертела ее в руках, стараясь понять, с какой стороны надо

открывать.

– Ну, вот, опять ты копаешься, – поторопила Чарли. – Ты знаешь, что магазины закрываются в полшестого?

– Очень смешно. – Я извлекла подарок из бумаги. Бриллиантовые сережки-гвоздики.

– Они принадлежали моей маме, – сказала бабушка. – Я отдавала их почистить для тебя.

Я наклонила коробочку в сторону окна, и серьги моей прабабушки сверкнули на свету. Мне было трудно связать нечто столь прекрасное с хрупкой старушкой, пахнувшей леденцами-дюшес, к которой меня водили в гости, когда я была маленькой.

– Это был подарок от твоего прадедушки в день их свадьбы.

– Они такие красивые, спасибо.

– И купи себе что-нибудь симпатичное для сегодняшнего выхода в город. – Дедушка сунул мне в руку деньги.

Меня внезапно захлестнула волна эмоций.

– Я люблю вас всех. – У меня перехватило голос.

– И мы тоже тебя любим. – Бабушка обняла меня, а затем принялась выпроваживать из кухни. – А сейчас иди и надень что-нибудь, если только не собираешься идти за покупками в пижаме.

Я подхватила упаковочную бумагу, прежде чем дедушка успел ее выбросить, и побежала наверх одеваться.

Диван был тяжелым. Чарли толкала, я тянула. Вместе мы вклинили его в угол комнаты и передвинули к стене кофейный столик. Сервант был освобожден от стоявших на нем предметов, и я застелила его простыней, чтобы устроить там фуршет.

– Твоя мама точно не возражает, что я устраиваю здесь празднование?

– Не-а. Наоборот, ждет с нетерпением. Я заставила ее пообещать, что она не будет меня позорить.

Я надорвала пакеты с сырными чипсами и высыпала их в миски, а Чарли сделала пунш в гигантской стеклянной салатнице, которую я принесла от бабушки. Жидкость окрасилась в оранжевый цвет, когда Чарли выплеснула туда фруктовый сок и перемешала.

– Попробуй. – Она поднесла к моим губам чайную ложку напитка, и я его проглотила.

– Боже, какой крепкий. Что в нем? – На глазах у меня выступили слезы.

– Все. – Чарли ухмыльнулась и отвинтила пробку с бутылки джина,

которую нашла в дальнем углу буфета.

– Хорошо, что мои дедушка и бабушка не придут, – сказала я.

Я их приглашала, но они сказали, что предоставят нас, молодых, самим себе.

К девяти часам в голове у меня шумело и походка стала нетвердой. Половина выпускного класса втиснулась в крохотный домик Чарли, и стены вибрировали от гулкого ритма басов. Дискотечные лампочки вспыхивали красным, зеленым и синим цветом, и я словно со стороны смотрела, как покачиваются тела на нашем импровизированном танцполе под музыкальные композиции, список которых составила Чарли. Дэн переминался с ноги на ногу под композицию «Секс в огне», а Шиван, высоко подняв руки, мотала головой из стороны в сторону, и груди у нее тоже мотались. Под топом на узких бретельках не было бюстгалтера. Бесстыжая. Я стянула коктейльную сосиску на шпажке и откусила половину, жалея, что не могу ткнуть Шиван шпажкой. Это был мой день рождения. Дэн должен быть со мной.

Рядом со мной Лекси зачерпнула пунша и налила его в пол-литровый стакан.

– Ты должна пойти забрать его, девочка, – пробормотала она, кивая в сторону Дэна. – Молодость бывает только раз. Не повтори моей ошибки, Грейс. Не профукай молодость.

– Какой ошибки?

Но зазвучали начальные такты песни «Мамма миа», и Чарли дернула меня за руку:

– Пойдем попрыгаем.

Я допила свой напиток и протолкнулась на середину гостиной. Эсме сжала мою левую руку, Чарли – правую. Я потеряла из виду Шиван, и мы вертелись и летали, а потом свалились. Мы лежали на полу, не понимая, где чьи руки и ноги, и смеялись, а потом мне стало дурно.

Очередь в туалет змеилась по ступенькам, и я вместо этого протиснулась в затемненную спальню Лекси. На кровати лежала груда пальто, и я села, скрестив ноги и упершись ладонями, на пол, желая, чтобы комната перестала вращаться.

Дверь с грохотом распахнулась, и я оказалась в прямоугольнике света, льющегося с лестничной площадки. Ко мне неверным шагом приблизилась Чарли.

– Ты в порядке?

– Угу. Кажется, перебрала пунша. – Я потеряла глаза. – Я страшная?

Чарли щелкнула выключателем прикроватной лампы.

– Чуть-чуть. – Она порылась у Лекси в выдвижном ящике и вытащила пригоршню косметики «Риммель».

– Ты скучаешь по своему отцу, Чарли? – Алкоголь сделал меня сентиментальной. – Я по своему скучаю.

– Лицо я тебе подправлю, – сказала она. – А вот твой отец...

– Знаю, – вздохнула я. – Большей частью я спокойна, но в такие дни, как сегодня... Как ты справляешься?

Чарли пожала плечами:

– Нельзя скучать по тому, чего у тебя никогда не было.

– А вот если бы ты его нашла? У тебя могла бы быть совершенно новая семья.

– Возможно, было бы неплохо. Мама опять напилась.

– Я заметила.

– Втяни щеки. – Чарли окунула кисточку в бронзер.

– Мы могли бы его найти.

– Как?

– Не знаю, но нам теперь восемнадцать лет. Ты можешь получить копию своего свидетельства о рождении, если мать по-прежнему не хочет тебе его давать. Существуют организации, которые помогут его разыскать. «Гугл».

– Не знаю. Нам полагается сосредоточиться на выпускных экзаменах. Это наш последний год в школе. У меня нет времени, учитывая маму, Бена и все остальное...

– Я сама это сделаю. У меня-то нет личной жизни, которая бы меня отвлекала. – Возбуждение поднималось во мне. У меня появлялась возможность что-то изменить, сделать что-то правильное. – Мне не повредит сфокусироваться на чем-то важном.

С кровати раздался стон. Чарли приподняла многочисленные пальто.

– Это мама. Опять в отрубке. Пошли вниз.

Толпа поредела. Чарли скрылась в гостиной. Я побрела по коридору в кухню. Под ногами хрустело – кто-то рассыпал соленую соломку. В кухне я наполнила стакан водой.

Позади меня, отражаясь в кухонном окне, появился Дэн, и я подскочила.

– Смотри. – Он обвинил меня рукой за талию и указал на ночное небо. – Это Орион.

Я прищурилась на скопище звезд. Все они выглядели одинаково.

– Где?

– Видишь ту кучку, которая ярче других, вон там?

– Да.

– Это Орион.

– Правда?

– Не уверен. Получил телескоп на день рождения, но еще им не пользовался. А ведь на тебя это произвело впечатление, верно? Признайся.

Я ткнула его локтем в грудь, но он продолжал обнимать меня за талию. Я откинулась назад, привалилась к нему. Порылась в мыслях: что бы сказать интересное? – и пожалела, что так много выпила. У меня кружилась голова, и я точно не знала – от алкоголя или от предвкушения.

– Как работа? Я тебя сто лет не видела. – Тоже мне, нашла о чем спросить, подумала я и мысленно пнула себя ногой. Неудивительно, что Шиван забрала себе всех парней. Как научиться флиртовать?

– Нормально. Показываю людям дома, которые они в большинстве случаев вовсе не собираются покупать. Скучаю по школе, по нашим приколам. По тебе.

Я вглядывалась в отражение в окне. Выражения его лица было не разобрать.

– А мы скучаем по тебе.

– Я имею в виду, что правда по тебе скучаю.

Мое тело вдруг сделалось невесомым, словно могло унести прочь, если бы он меня не держал.

– По Чарли тоже? – пискнула я.

– Да, но по-другому. Послушай, Грейс, я все время о тебе думаю. Ты всегда была где-то на заднем плане, и я воспринимал это как должное. Теперь, когда тебя рядом нет, я чувствую, что мне не хватает наших разговоров. Чарли была моим увлечением, девчонкой, с которой можно пофлиртовать, подурачиться. Но то, что я чувствую к тебе, это другое. Настоящее. Серьезное. Я хочу быть с тобой. А ты хочешь быть со мной?

Он повернул меня лицом к себе и ласково посмотрел мне в глаза. Я уговаривала свой робкий язык произнести ответ и наконец прошептала:

– Да.

Дэн отвел волосы с моего лица и провел пальцем по щеке.

– С днем рождения, Грейс. – Его губы легонько коснулись моих губ.

– Нет!

Нас отбросило друг от друга. Позади, уперев руки в бедра, стояла Шиван.

– Шиван, – начала я, – я...

– Ты мне больше не подруга, Грейс Мэтьюз. – Она развернулась и

побежала по коридору к входной двери, крикнув через плечо: – Ты об этом пожалеешь!

Меня пронзило чувство вины. Я знала, что он действительно ей нравился.

– Мне лучше пойти за ней.

К тому времени как я выскочила из дома, садовая калитка была распахнута. Шиван нигде не было видно. Я ухватилась за каменную ограду, чтобы не упасть, и глотнула ледяного воздуха. Луна то расплывалась, то опять обретала четкость, и тошнота закручивалась во мне, как торнадо. Колени уткнулись в жесткую, влажную землю, и меня вывернуло приготовленным Чарли пуншем прямо на гортензию.

Послышался приближающийся стук каблуков по тротуару, и я подумала, что это Шиван вернулась позлорадствовать.

Меня снова стало рвать, и чьи-то руки отвели мои волосы назад, а холодные пальцы поглаживали мне лоб.

– Бабушка сказала, что я найду тебя здесь, Грейс.

Я подняла голову и изумленно разинула рот. Это была не Шиван. Это была мама.

Глава 18

Настоящее

– Где ты был вчера вечером? – За завтраком джем и обвинения на любой вкус. Дэн откручивает крышку с банки апельсинового джема и сует туда нож. Я стараюсь не выражать досаду, видя, как масло смешивается с оранжевым желе. Погружаю чистую чайную ложку в клубничный джем и горкой накладываю его на край тарелки.

– Ходил выпить с парнями.

– До полуночи? – Мне не хочется ссориться перед работой, но в голове пульсирует боль, а в усталые глаза будто песка насыпали. Я лежала в кровати, с широко открытыми глазами и напряженными мышцами, пока не услышала царапанье ключа в замке входной двери, а вслед за этим – нетвердую поступь Дэна, когда он, спотыкаясь, поднимался по лестнице. Он разделся с чрезвычайной медлительностью, и, когда завалился в постель, я отвернулась от его алкогольных паров, желая избежать ночной ссоры. Я сознавала, что в соседней комнате спит Анна. – Я беспокоилась, только и всего. Надо было оставить записку.

– Я подумал, что ты ее не заметишь.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Ты постоянно сидишь с Анной над фотоальбомами. Если бы она проводила столько же времени в поисках работы, сколько она проводит, допрашивая тебя о Чарли, то давно бы уже от нас съехала.

– Ты хочешь, чтобы я ее вышвырнула?

– Предполагалось, что она проживет у нас лишь несколько дней. Прошло уже три недели. Скоро март.

– Знаю. – Я наливаю чай. Он заваривался слишком долго и сделался темным и неаппетитным.

– Я просто подумал, что мы собирались сосредоточиться на нас самих.

– Я с ней поговорю.

– Нет. – Дэн отхлебывает чай и морщится. – Я сам поговорю. Тебе и так хватает стрессов.

– Доброе утро.

Мы оба вздрагиваем. Обычно Анна встает только после того, как мы уходим на работу. Интересно, что ей удалось услышать. Я опускаю голову, волосы падают на пылающее лицо, и я сосредоточенно разглядываю стол,

как будто это самая интересная вещь в мире.

Дэн отодвигает стул, застегивает верхнюю пуговицу и ослабляет узел галстука.

– Увидимся.

– Грейс, можно я позаимствую твой ноутбук? – спрашивает Анна. – Хочу разослать побольше резюме и поискать сдающиеся квартиры. Я чувствую, что загостилась.

– Бери, пожалуйста, и можешь жить у нас столько, сколько пожелаешь. – Мысленно извиняясь перед Дэном, я сметаю в руку крошки от тостов и свое чувство вины.

После работы проходит собрание персонала, но мне трудно сосредоточиться. Я не хочу, чтобы Анна съезжала, но нам с Дэном действительно требуется посвятить время нашей личной жизни. Я спрашиваю себя, не уехать ли нам куда-нибудь на уик-энд. Мы до сих пор не наладили наши интимные отношения. Я слишком хорошо понимаю, что Анна может услышать скрип нашей кровати.

Направляясь на машине домой, чувствую, как одеревенели мышцы спины. Дождь хлещет по лобовому стеклу, и дворники свистят с удвоенной силой, но все равно видимость плохая. Я веду машину осторожно. По бокам дороги лужи, и тяжелые капли отскакивают от капота. Я держу руку над печкой. Воздух еще не нагрелся, и мне очень холодно. С нетерпением жду, когда можно будет влезть в теплую ванну и отскрести с ногтей плакатную краску, смыть блески с волос. Останавливаю выбор на китайской еде к ужину – мы можем свернуться клубочком на диване с ноутбуком и просмотреть наши сельские гостиницы. Анна, наверное, будет рада побыть несколько дней в одиночестве, она сможет позаботиться о Миттенс.

Ослепительный белый свет врывается в мои мысли, и я щурюсь в лобовое стекло. Дороги почти не видно. Я мигаю приближающемуся водителю. *Погаси фары, идиот.* В зеркале заднего вида я вижу, как машина, визжа шинами, останавливается. Делает разворот на сто восемьдесят градусов. Я выключаю радио. Концентрируюсь на извилистой дороге впереди меня. Мотор ревет. Фары мигают. Машина нагоняет меня. Она так близко, что почти касается моего бампера.

Мои ладони влажны от пота. Я разом снимаю руки с руля и вытираю их о джинсы. Нога жмет на акселератор. Я кружу по сельским переулкам, которые так хорошо знаю, но та машина остается у меня на хвосте. Звук клаксона. Мигание фар. И мне страшно. По-настоящему страшно. Я не

люблю водить машину на большой скорости. Совсем не люблю ездить в темноте, особенно в такую отвратительную погоду. Теперь я уже выжимаю восемьдесят миль. Слишком быстро для этих мокрых дорог с их крутыми поворотами и рытвинами, но не могу заставить себя снизить скорость. Скрипя и скользя шинами, мы срезаем углы. Я вспоминаю фильм, где серийный убийца гнался за водителем, и наклоняюсь над рулем, словно могу таким образом заставить машину ехать быстрее. Доехав до своего переулка, резко жму на тормоз, делаю крутой поворот вправо, и машина с визгом останавливается. Шины пробуксовывают, машину заносит. Другая машина не заворачивает, а останавливается в начале переулка, с пыхтящим мотором. Оранжевое сияние фонарей освещает капот. Он красного цвета, и я точно знаю, что в машине тот человек, который меня преследует.

Левая рука сжимает руль. Правая держится за дверную ручку. *Давай, давай, давай.* Я могла бы выйти из машины. Спросить его, в какую игру, черт возьми, он играет. Пальцы дергаются, и поясница ноет от напряжения. Сердце сильно бьется. Салон красной машины заливается светом, и дверь приоткрывается. Внутри двигается темная фигура, но при проливном дожде я не могу ее как следует разглядеть. Знаю, что надо идти домой, но я зачарована, прикована к месту. Змея и заклинатель змей.

Звук клаксона. Позади машины медленно останавливается автобус, водитель нетерпеливо сигналист. Дверь машины закрывается. Свет в салоне гаснет, и когда машина начинает двигаться, я чувствую, что только что избежала чего-то, – но не знаю чего. На мгновение прижимаюсь лбом к рулю. Затем заставляю дрожащие ноги двигаться, нажимаю на педали и мчусь к своему коттеджу.

– Дэн!

Когда я толкаю входную дверь, меня приветствует запах жареной говядины. В гостиной горят свечи, и стол накрыт на двоих. На кофейном столике в вазе стоит большой букет розовых роз.

– Ты сегодня позже? – Ко мне спешит Анна, вытирая руки о мой фартук.

– У нас было собрание на работе. Где Дэн? – Я тяжело дышу.

– Он ушел. Мы с тобой вдвоем.

– Он сказал, куда идет?

– Нет. Сказал только: «Ложитесь спать, меня не ждите». Ты в порядке? Выглядишь бледной.

Я открываю рот, чтобы рассказать ей, что случилось, но понимаю, как нелепо это прозвучит: «На дороге была еще одна машина, и я испугалась. Я

думаю, что меня преследуют». Сверхактивное воображение, как сказала бы моя бабушка.

– Мне надо выпить. – На столе бутылка шираза. Не мое любимое, но сойдет. Я отворачиваю крышечку, наливаю немного в бокал и одним махом опрокидываю в себя. Алкоголь обжигает горло, и голова плывет.

– Грейс, что с тобой?

– Все прекрасно. – Я наливаю второй раз. – Выгляни в окно, Анна.

– А что я должна увидеть? – Она подходит к окну и разводит занавески.

– Машину.

Она смотрит направо, затем налево.

– Там только твоя машина. – Она отступает назад, и занавески выпадают из ее рук, снова сходясь вместе, как магниты. Между ними остается тоненькая полоска света, и я вжимаюсь спиной в стену, боясь, что кто-то, возможно, заглядывает к нам с улицы.

– Что происходит, Грейс?

– Не обращай внимания. Я собираюсь переодеться. – По пути к лестнице я задерживаюсь у входной двери, убеждаюсь, что она заперта, но, поднявшись всего на три ступеньки, возвращаюсь обратно, дергаю дверную ручку и накидываю цепочку. *Ты в безопасности – ты в безопасности – ты в безопасности.*

Когда я проверяю свой телефон, там нет ни пропущенных звонков, ни эсэмэсок от Дэна – вот и пообщались. Я проглатываю кусочек таблетки, стягиваю с себя рабочую форму, бросаю ее в корзину с грязным бельем и забираюсь под душ. Смываю холодный пот и страх, покрывшие меня по дороге домой.

Потом я вытираюсь и одеваюсь, меня постепенно окутывает знакомое теплое ощущение, вызванное таблеткой, и ужас улетучивается.

Я пью вино, которое протягивает мне Анна. Чувствую себя словно в тумане, но сегодня пятница. Все ведь идут выпить по пятницам, не так ли?

– Удачный день? – спрашиваю я.

– Продуктивный. Я подала заявления на работу в несколько мест. И есть несколько симпатичных квартир. Впрочем, мне потребуется внести крупный задаток, и плата за первый месяц вперед.

– Возможно, я смогу одолжить тебе немного.

– Не глупи. Я привыкла сама о себе заботиться. А теперь сюрприз. Маленькая благодарность за все, что ты для меня сделала. – Анна передает мне конверт.

– Что это?

– Открой.

Я поддеваю пальцем пломбу и отгибаю клапан. Внутри подарочный ваучер на день в спа-салоне.

– Это на завтра. Надеюсь, ты не занята? Дэн говорит, он будет на футболе.

– У меня никаких планов. Должно быть, это стоит целое состояние?

– Да нет. Это предложение от «Групон» с большой скидкой. Практически бесплатное.

– Спасибо. – Я искренне рада. Пока Анна накладывает еду, я зачитываю вслух список предлагаемых процедур. – Шоколадное обертывание, апельсиновый пилинг для лица... – Рот наполняется слюной. – Они все звучат так аппетитно.

– Попробуй лучше вот это.

Ростбиф розовый, жаренная на гусином жире картошка хрустит, и когда я это съедаю, то сомневаюсь, что смогу еще осилить десерт, но затем мне подают тирамису со сливками, посыпанный шоколадом. Вкус у него такой же великолепный, как и вид.

– Дэн не знает, чего он лишается. – Мне становится тесно в джинсах, я разваливаюсь на стуле и расстегиваю верхнюю пуговицу.

– Нет. Он глупец. – В голосе Анны слышится горечь, которой я не слышала прежде. – Грейс, не знаю, как мне лучше это сказать, поэтому скажу прямо.

Я выпрямляюсь на стуле.

– Я слышала, как Дэн разговаривал по телефону перед уходом. Договаривался с кем-то о встрече.

Я застываю, но потом встряхиваюсь. *Не надо делать поспешных выводов, Грейс.* Я уверенно смотрю на Анну.

– Вероятно, это был Гарри.

– А он всегда называет Гарри «крошкой»?

В комнате внезапно становится холоднее, и я плотнее закутываюсь в кофту.

– Ты уверена, что слышала именно это?

– Думаю, да. Я не хотела тебе говорить, но потом подумала: «А что бы сделала Чарли?»

Бренди и сливки отбивают у меня в животе чечетку, и меня начинает подташнивать. Почему я всегда переедаю?

– Я могла не расслышать. Телевизор был включен. Прости, мне не следовало ничего говорить. – Анна вскакивает на ноги и начинает собирать посуду, гремит приборами. Я крепко зажмуриваю глаза, и, когда открываю

их, она уже ушла на кухню. Свеча мигает и шипит, стараясь не погаснуть в уменьшающемся озерце воска. Черные тени рыщут вдоль стен, незнакомцы из моих ночных кошмаров, прячущиеся под кроватью чудовища. Холодок пробегает по позвоночнику, я задуваю свечу и зажигаю свет.

Анна набирает в таз горячую воду. Пузырьки пенятся и множатся бесконтрольно, прямо как мои мысли.

Я откидываю крышку мусорного ведра, начинаю сбрасывать туда объедки с тарелок. Говяжий жир и одинокие горошины сыплются на листок линованной бумаги. Узнав почерк Дэна, я выуживаю бумагу из ведра и стряхиваю с нее прилипшую картофельную шелуху.

«Пошел попить пива с Гарри. Увидимся».

– Анна, это ты выбросила записку в ведро?

Она читает написанное.

– Нет.

– Зачем бы Дэну писать мне записку, а потом ее выкидывать?

– Может быть, он испугался, что ты станешь расспрашивать Гарри? Подловишь его? А может, ее просто туда сдуло. Когда я готовила, задняя дверь была распахнута, крышка ведра тоже была открыта, я чистила туда картошку. Хотя я закрыла дверь, когда мне показалось, что я увидела в саду кого-то.

– В саду кто-то был и ты только сейчас мне об этом рассказываешь? – выпаливаю я, швыряя столовые приборы в таз. Пенистая вода выплескивается на кафельные плитки. Я подхожу к задней двери, дергаю ручку, чтобы убедиться, что дверь заперта, и выглядываю через стекло в сад.

– Я не уверена, может, мне это показалось. Было темно.

– Но тем не менее. Ты ведь поняла бы, если бы увидела кого-то?

– Или что-то. Я не привыкла к сельской местности. Легко пугаюсь. Это мог быть барсук, подлезавший под живой изгородью.

Я опускаю рулонную штору на окне задней двери и задерживаю кухонные занавески. Мы молча заканчиваем уборку на кухне, затем направляемся наверх, спать. Я читаю книгу и только дохожу до того места, где мистер Рочестер доводит Джейн Эйр до слез, как слышу стук в парадную дверь. Захлопываю книгу и прикидываю, смогу ли использовать ее как оружие. *Он вернулся.* Тот подозрительный человек, которого Анна видела в саду. Надо было позвонить в полицию.

Стук. Глухие удары в окно. Голос: «Грейс?»

Это Дэн. Я вспоминаю, что накинула на дверь цепочку, и бегу вниз его впустить.

– Зачем цепочка?

– Где ты был? – Я скрещиваю руки на груди.

– Встречался с Гарри. Я оставил тебе записку. Ты ее что, не видела?

– И ты называешь Гарри «крошкой», да?

– Конечно нет. Ты о чем? – Дэн стаскивает кроссовки. – С тобой все нормально? У тебя глаза налиты кровью.

– Я устала. – Все кажется мне бессмысленным. – Анна слышала, как ты по телефону называл кого-то «крошкой».

– Неужели? – Дэн швыряет кроссовки на коврик перед дверью, и они с глухим стуком ударяются о дверь. Ошметки грязи попадают на ковер.

– И ты ожидаешь, что я в это поверю?

– Я ничего не ожидаю, кроме того, что ты согласишься мне в противовес какой-то сумасшедшей суке, которую знаешь без году неделю.

– Говори потише.

– Почему? Чтобы твоя драгоценная Анна не услышала и потом все не передернула? Захочу – буду кричать. Это мой дом, черт подери.

– Наш дом, черт подери. Так где ты был?

– В клубе с Гарри. Спроси Хлою, если мне не веришь. Она была там. Еще существуют девушки, которые хотят проводить время со своими парнями.

– Ну, может быть, их парни не называют других девушек «крошками».

– Я топаю вверх и, напряженная, лежу в постели, слушая приглушенные звуки телевизора, доносящиеся снизу. Дэн смотрит поздний фильм со звуками автомобильной погони и выстрелов. Проходит, кажется, вечность, прежде чем сон уносит меня. Мне снятся порванные записки, красные машины и человек в черном стеганом пальто, прячущийся в кустах.

Глава 19

Настоящее

Все вокруг абсолютно белое: мой пушистый халат, шлепанцы, пол и кафельные плитки на стенах. Если бы не было так тепло, я бы подумала, что я в Арктике. Засовываю свои вещи в запирающийся шкафчик и опускаю ключ в холщовую сумку, которая уже раздулась от полотенца и книги «Джейн Эйр». Дверь кабинки Анны, скрипнув, открывается. Она выходит оттуда, завернувшись в халат. Я потуже затягиваю пояс.

– Готова?

– Готова.

– Сначала в сауну?

– Я никогда не бывала в сауне.

– Никогда? Тогда давай это сделаем. Тебе надо оставить кулон здесь.

Металл нагреется и обожжет кожу.

Я трогаю пальцем золотые сердечки.

– Я никогда его не снимаю.

– Я заметила. Дэн подарил?

– Нет, Чарли.

– В шкафчике он будет в безопасности. Все равно во время массажа кулон придется снять.

Я бережно снимаю цепочку, застегиваю и кладу в карман жакета.

– Пошли.

Мы вешаем наши сумки и халаты на крючки возле сауны. Анна дергает застекленную дверь, и от пахнувшего оттуда жара у меня захватывает дух. Я следую за ней сквозь полумрак и по ее примеру расстилаю полотенце на деревянной скамье и сбрасываю тапочки.

– Все нормально? – спрашивает она.

– Я не ожидала, что здесь будет так жарко.

– Ты очень быстро привыкнешь. Скажи, Грейс, а не можем мы завтра пойти навестить Лекси?

– Извини, Анна. Я с ней о тебе еще не говорила. Поговорю, обещаю, но у меня пока не было возможности.

– Мы можем сделать ей сюрприз.

– Не думаю, что это хорошая идея. Она очень ранимая.

– Но я бы могла ее приободрить?

– Может быть. Я с ней поговорю. Давай лучше пойдем к моим бабушке и бабушке на воскресный обед? Они очень хотят с тобой познакомиться и многое могут порассказать о Чарли.

– Ладно. – Анна ложится на спину и закрывает глаза, и я делаю то же самое. Пот струйками течет по телу. Через несколько минут Анна предлагает окунуться, и когда я встаю, перед глазами пляшут черные точки. Приходится ухватиться за лавку, чтобы не упасть. Я с облегчением принимаю душ и погружаюсь в холодный бассейн. Плаваю туда-сюда, пока не появляется одышка, тогда я переворачиваюсь и лежу на спине. Анна выбирается из бассейна первой. Ее бедра покрыты шрамами, которых я не заметила раньше. Я задаюсь вопросом, что происходило с ней после того, как ее родители погибли. Порой она бывает такой настороженной.

Я шаркаю прочь от бассейна, стараясь не упасть на скользких плитках. Другие посетители принесли вьетнамки, и я решаю, что, если когда-нибудь еще приду сюда, сделаю то же самое. Так тепло, что я даже не вытираюсь, только, сев на краешек шезлонга Анны, тру полотенцем волосы.

– Можно задать тебе личный вопрос, Анна?

– Ты можешь спросить. Я могу не ответить.

– Куда тебя отправили? После того как твои родители...

– Некоторое время я находилась в приемной семье на воспитании, но это не сработало.

– Почему?

– Думаю, некоторых детей трудно любить. Я была очень злой. Хотела к маме. Проголодалась? – Анна встает и складывает полотенце квадратиком, а я чувствую себя задетой, что она не желает мне довериться.

Нас ожидает обед «шведский стол». Я отлично себя чувствую после плавания и накладываю на тарелку лишь разноцветные салаты и холодный рис. Впрочем, не могу удержаться от десерта и съедаю два куска чиз-кейка, говоря себе, что могу компенсировать это, если потом еще поплаваю. Однако к тому времени, когда мы приканчиваем свой кофе и кладем в рот освежающие мятные конфетки, я чувствую себя слишком наполненной для физической нагрузки, поэтому вместо этого мы погружаемся в джакузи. Вода доходит до подбородка.

– Сколько семей ты сменила? – не могу я удержаться от вопроса.

– Да уж поменьше, чем ты только что съела калорий. Посмотри на его тело. – Анна кивает в сторону парня, расстилающего полотенце на шезлонге.

– Бицепсы громадные.

– Не только бицепсы, судя по плавкам.

Я отвожу взгляд.

– Не в моем вкусе.

– А у меня нет никаких предпочтений. Я хочу кого-нибудь, кто сможет меня рассмешить.

– Дэн забавный. – Я замечаю выражение ее лица: на нем написано легкое пренебрежение. – Нет, правда, обычно он забавный, был по крайней мере, – настаиваю я, сама не понимая, почему оправдываюсь.

– Что ты подразумеваешь под «был»? Что произошло?

– Когда Чарли умерла, я не могла с этим справиться. Это стало таким потрясением. Я ощущала себя проклятой. Не могла спать, не могла есть. Постоянно срывалась на Дэна, ненавидела его за то, что он не способен меня утешить. Он стал каждый вечер уходить в паб, лишь бы не оставаться со мной. Дэн никогда не умел говорить о чувствах. Как бы то ни было, в последнее время стало немного лучше. Отношения – трудная работа, и надо стойко переносить трудности, как я думаю. Я хочу, чтобы все наладилось. Мы оба хотим.

– Уверена, что ты хочешь.

– Ты давно одна?

Анна крутит прядь волос.

– Не слишком!

– Тяжелый разрыв?

– А разве бывает легкий? Не знаю, верю ли я во всю эту чушь типа «они жили долго и счастливо». В реальной жизни так не бывает, верно? У меня сохранились идиллические воспоминания о моих родителях, но, может быть, они просто вовремя умерли, пока все не пошло наперекосяк. Отношения кончаются, разве не так? Кого ни возьми. – Она пристально смотрит на меня.

– Мои бабушка и дедушка хорошо живут. В этом году у них золотая свадьба.

– Значит, им повезло или, может быть, они более терпимы друг к другу, чем мы, остальные. Мириться с чужими недостатками, принимать чужие ошибки, прощать – это настоящая любовь, что ты скажешь?

– Наверное. – Я спрашиваю себя, следует ли воспринимать другого человека таким, каков он на самом деле, или же надо настроиться на меньшее, чем тебе хочется? У меня нет ответа.

– А твои родители? – спрашивает Анна.

Но прежде чем я успеваю ответить, к нам уверенной походкой направляется девушка в черной тунике, в руке у нее дощечка с зажимом для бумаги. По возрасту она выглядит едва ли не старшеклассницей, и я

задаюсь вопросом, как это ее густая косметика не потекла на такой жаре. Я редко пользуюсь косметикой, но когда это бывает, то уже очень скоро нос начинает блестеть, тушь размазывается, а на зубах оказывается помада. Мне повезло, что Дэн предпочитает естественный вид, но, может, мужчины просто так говорят? Женщины, на которых им, похоже, нравится смотреть в журналах, в кино, на улице, гламурные и ультрахудые. Не как я. Не как большинство женщин, которых я знаю.

– Грейс Мэтьюз?

– Это я.

Она улыбается, зубы у нее немыслимо белые.

– Меня зовут Кэролайн. Я буду делать вам ароматерапевтический массаж. Пойдемте со мной.

Комната погружена в полутьму, стенные светильники в форме свечей льют мандариновый свет на массажную кушетку. Из док-станции для айпода льются звуки свирели. Я раздеваюсь и ложусь животом на шоколадного цвета покрывало из искусственного меха, которое щекочет кожу. Кэролайн накрывает меня мягким, пушистым одеялом, я вдыхаю эфирные масла и молюсь о том, чтобы моя задница не слишком вихлялась, когда начнется массаж. Кэролайн согревает в ладонях масло лаванды, и ее пальцы начинают разминать мои обделенные вниманием мышцы. Подушечки ее ладоней скользят по обеим сторонам позвоночника, и я перестаю беспокоиться по поводу целлюлита. Мои веки дрожат и закрываются.

– Грейс, пора одеваться. – Шепот и ласковое прикосновение руки к моему плечу пробуждают меня. Я сажусь на кушетке и растерянно моргаю, не совсем понимая, что со мной. У меня такое чувство, словно я только что вышла из кинотеатра на яркий свет. Кэролайн протягивает мне стакан воды, и я делаю глоток.

– Это было волшебно. Спасибо. – Ощущения, будто я подплываю к кромке бассейна. – Поднимайся, – говорю я Анне.

Плюхаюсь на шезлонг, мне не хочется плавать и смывать ароматические масла. Моя кожа кажется такой мягкой. Я закрываю глаза и дремлю, пока Анна не будит меня, тихонько трясая за плечо:

– Пора домой, соня.

– Обязательно? – Я зеваю и поднимаюсь. – С удовольствием бы осталась здесь до конца жизни.

– Ты бы заскучала.

Я не уверена, что меня бы это когда-нибудь утомило, но все равно следую за ней в раздевалку. Выуживаю из сумки ключ, открываю шкафчик,

беру в охапку свои вещи и нахожу пустую кабинку. Руки так отяжелели, что я с трудом просовываю их в рукава. Не могу припомнить, чтобы когда-нибудь чувствовала себя такой расслабленной. Провожу щеткой по волосам и лезу в карман жакета за кулоном. Его там нет. Я никогда не снимала сердечко с тех пор, как Чарли подарила мне его на пятнадцатый день рождения, и теперь чувствую головокружение. Проверяю снова. Карман пуст. Все карманы пусты. Во мне нарастает паника. Где он? Пальцы ужаса сжимают мои внутренности, и я с треском распахиваю дверь и, тщательно осматривая пол, устремляюсь обратно к своему шкафчику. Кулона там нет.

Я кусаю губу. *Думай, Грейс*. Роюсь в сумке. Все вещи по-прежнему там.

– Что-то случилось?

За мной стоит Анна, мокрая, из-под душа, вода капает с нее на пол.

– У меня кулон пропал.

– Что ты имеешь в виду?

– Пропал, его здесь нет. – Я снова закусываю губу, чтобы не заплакать.

– Должен быть. – Анна проверяет шкафчик и мои карманы. – Не понимаю. Его что, кто-то взял?

– Как? Дверца была заперта. Я оставила ключ тебе, когда пошла на массаж. Ты лазила в мой шкафчик? – Я скрещиваю на груди руки.

– Нет. Конечно нет. Давай подумаем. Ты вообще теряла ключ из виду?

– Нет. – Я тяжело опускаюсь на скамейку. – Ну, я заснула после массажа. Сумка стояла на полу рядом со мной.

– Кто-то мог вынуть из нее ключ.

– И украл мой кулон, но оставил телефон и кошелек, а потом вернул ключ, до того как я проснулась?

– Довольно неправдоподобно, не так ли? Пойдем, поговорим с администратором.

Пока Анна одевается, я стою, нетерпеливо постукивая ногой, затем мы спешим к входной двери, через которую я так радостно вплыла всего несколько часов назад.

– Садись, – говорит Анна. – Я приведу менеджера.

Я сажусь на краешек стула с высокой спинкой и вцепляюсь в стоящий передо мной стол. Костяшки пальцев белые, как мел. *Чарли, прости меня*.

Анна что-то тихо бормочет женщине в черной юбке-карандаш и белой блузке, та бросает на меня взгляд. Ее гладкий, как после ботокса, лоб лоснится, дугообразные брови неподвижны. Невозможно понять, удивлена ли она. Она шагает ко мне, протягивая загорелую руку.

– Я Тина. Давайте пройдем обратно в раздевалку, хорошо? – Она идет

первая, я за ней. – Который шкафчик был ваш?

Я указываю на шкафчик в нижнем ряду.

– Смотрите. Есть небольшой зазор между дверцей и основанием. Какой толщины ваш кулон?

– Совсем тонкий.

– Тогда возможно, если вы положили его мимо кармана или если он выскользнул, когда вы вынимали жакет, он мог туда провалиться.

Упав духом, я осматриваю зазор, думая о том, как вытаскивала свои вещи: одной охапкой, стараясь вынуть все разом.

– Наверно, так.

– Я думаю, это рациональное объяснение. У нас здесь никогда не воровали.

– Так как мне получить его обратно?

– Он ценный?

– Это очень дорогой моему сердцу предмет.

– Будьте уверены, когда мы в следующий раз будем ремонтировать и разбирать шкафчики, то найдем его. Если вы оставите свое имя и номер телефона, мы с вами свяжемся.

– Когда это будет? – Я чувствую отчаяние.

– Я не знаю точной даты, но мы постоянно улучшаем наше оборудование. Вот почему наши клиенты возвращаются снова и снова. Мы давали вам членскую брошюрку? – Я отворачиваюсь от ее ослепительной улыбки.

Анна гладит меня по руке.

– Мне так жаль, Грейс. Я знаю, как много значит для тебя этот кулончик. Мы купим другой.

– Это будет не то же самое. Он не будет от Чарли.

– Нет, но он будет от меня. – Анна улыбается, и я чувствую благодарность, что она здесь. Думаю: что бы я без нее делала?

Глава 20

Прошное

Была уже поздняя ночь, когда мы с мамой вернулись домой с моего дня рождения у Лекси. Мы сидели за бабушкиным деревянным столом, от стоящих перед нами кружек с кофе, клубясь, поднимался пар. Мои волосы, мокрые после душа, мочили мне плечи, но по крайней мере теперь они пахли яблочной свежестью, а не рвотой. Я чувствовала себя неловко в пижаме и все время тянула вниз халат, чтобы закрыть коленки. Было холодно. Я включила отопление, и нагревающиеся трубы пощелкивали.

– Тебе надо вытереть волосы. Простудишься.

– Не надо, заявившись после десяти лет отсутствия, говорить мне, что делать.

– Не надо. – Мама поднесла чашку к губам и подула. – Наверное, не надо.

– Зачем ты здесь?

– Поговорить.

– Я не хочу.

Мне не хотелось сейчас этим заниматься. Я чувствовала стыд и не знала точно, что заставляло меня его чувствовать: мои прошлые действия или теперешние слова. Я сделала большой глоток, чтобы попытаться смыть смущение. Горячий кофе ошпарил язык, и на глазах выступили слезы. Я вскочила на ноги, рывком отворила морозильник и, схватив с подноса кубик льда, сунула в рот.

– Ну, а я хочу. Родная, прости меня, что я уехала, но ты достаточно взрослая, чтобы понять. Дело не в том, что я от тебя отказалась. Я была нездорова. Мне было трудно справляться с тем, что произошло.

Что произошло. Меня словно распирало изнутри. Легкие давили на ребра. Кожа растягивалась. А потом я оказалась там, в прошлом. В том самом дне, который так старалась забыть.

Я проснулась, окутанная медовым сиянием, – это бледный солнечный свет сочился сквозь тонкие желтые занавески. Было рано. Наступил мой девятый день рождения, и я была слишком взволнована, чтобы спать. Я сбросила пижаму, натянула джинсы и джемпер, затем собрала волосы в хвост и зашлепала босиком вниз по лестнице. Мама уже была в кухне: под

музыку, льющуюся из «Радио-2», она взбивала жидкое тесто для йоркширских пудингов, которые готовила на ланч.

– Доброе утро, – бросила я, проходя мимо открытой двери в кухню, и направилась в столовую, где играли на пианино.

Я села рядом с папой на потертый коричневый вращающийся табурет и прижалась головой к его плечу:

– Пойдем сегодня в парк, папа?

Он уставился на меня поверх очков:

– Тебе надо хорошенько попрактиковаться к экзамену, который будет на следующей неделе, Грейс.

– Мы можем попрактиковаться после обеда.

– Ладно, – улыбнулся он. – Позавтракай и потеплее укутайся. На улице холоднее, чем кажется из окна.

Я побежала в кухню и стала жевать тосты с пастой «Мармайт», а мама тем временем чистила к обеду пастернак. По радио группа «Электрик лайт оркестра» пела песню «Мистер голубое небо». Папа принес мне пальто и сапоги. «Эй, эй, настал прекрасный новый день», – подпевал он. Мы были готовы отправиться.

– Возвращайтесь к часу и не наедайтесь мороженым, – сказала мама.

– А то не будет вам пудинга, – хором ответили мы с папой. Мама поцеловала папу на прощание и вручила мне пакет с хлебом для уток.

Мы шагали, шурша по рыжим и коричневым опавшим листьям и сочиняя истории, моя маленькая ручка утопала в гигантской папиной руке. Колющий воздух покусывал лицо, но тело было плотно упаковано в стеганую куртку. Мы шагали по дороге в высоких непромокаемых сапогах, смело прыгая в кучи пожухлых листьев, устлавших тротуар. Каждая из них могла содержать вход в другой мир. Там будет параллельная вселенная, решили мы, с точными нашими копиями. «Только без животов», – сказал папа, похлопывая себя по округлившемуся животу.

В парке мы направились напрямиком к пруду с утками и открыли пакет с засохшими корками.

– Я жертвую для вас хлебным пудингом, – сказал папа щелкающим клювами птицам. – Надеюсь, вы мне благодарны.

Я спряталась за его ногами, когда уток оттолкнул с дороги гусь. Неделью назад он ущипнул меня за палец. Хлеб скоро кончился, и мы направились к нашей обычной скамейке и стали смотреть, как отцы с сыновьями запускают по воде радиоуправляемые кораблики, оставляющие за собой пенные шлейфы, похожие на улиточные.

Папа достал пакетик клубничных конфет, и некоторое время мы

сидели молча, с занятыми ртами. Колокола на церкви пробили двенадцать, и над холмом мелькнуло что-то желтое.

– Мороженое!

– Перебьешь аппетит.

– Только маленькое. Пожалуйста.

Папа поправил очки и кивнул, и я сорвалась с места, размахивая руками, как крыльями, оскальзываясь на влажной траве.

– Подожди меня у дороги, – крикнул папа.

Добравшись до вершины холма, я совсем запыхалась. Фургон был припаркован вторым рядом, и к нему уже выстроилась очередь. Я посмотрела налево и направо и бросилась через дорогу. Послышался визг тормозов. Что-то вспыхнуло серебром. Мои ноги приросли к месту. Мне никогда не забыть лицо водителя, его рот, застывший в беззвучном крике. Он отпрянул назад на сиденье, вцепившись обеими руками в рулевое колесо. Меня бросило в нестерпимый жар и в адский холод одновременно. А потом я куда-то полетела, переворачиваясь в воздухе, и стукнулась о землю. Я лежала, распростертая, на тротуаре, с порванными джинсами и ободранными ладонями. Позади меня на дороге лежал папа. Он оттолкнул меня, но сам теперь был неподвижен. Под его головой собиралась лужица крови. Разбитые очки валялись рядом. Осколки стекла поблескивали на солнце.

К папе подбежала женщина в ярко-красной шляпе.

– Кто-нибудь вызовите «Скорую»! – закричала она.

К тому месту, где лежал папа, сбегались люди, хватая друг друга за руки. Некоторые прикрывали ладонями рты, не в силах отвернуться, другие заслоняли глаза и глядели сквозь растопыренные пальцы, словно смотрели фильм ужасов.

Стояла тишина. Полное безмолвие. Даже ветер перестал гнать листья. Спустились голуби и принялись клевать рассыпанные конфеты, которые выкатились из папиных карманов. Я подползла к нему.

– Очнись, – прошептала я. Его невидящие глаза, карие, как у меня, смотрели на меня, словно стараясь передать последнее сообщение, которое я не вполне могла расшифровать. А потом воздух наполнился звуками сирен, возгласами «О боже» и «Вы видели?», меня завернули в кусачее оранжевое одеяло и затолкнули в заднюю дверь «Скорой».

Он не был мертв. Во всяком случае, не его тело. Но мозг погиб, так сказали врачи, и я никак не могла понять, как он может выглядеть точно так же, быть на ощупь точно таким же, хотя самая его сущность отсутствует. Куда она делась?

Мама дала согласие отключить аппарат жизнеобеспечения и уехала жить к сестре. Я почувствовала, что потеряла их обоих.

– Это была моя вина, – вздохнула я. – Неудивительно, что ты после этого не могла меня видеть.

– О, Грейс, ты правда так думаешь? Я была больна. Я жила с твоим папой с шестнадцати лет, мысль о том, чтобы продолжать жить дальше без него, оказалась невыносимой.

Мама протянула мне носовой платок, и когда ее рукав приподнялся, я кое-что заметила. Участок серебристой сморщенной кожи на запястье.

– Ты пыталась себя убить? – Во мне поднялась волна обжигающего гнева. – У тебя же был ребенок.

– У меня был нервный срыв. Дедушка нашел меня в ванне через пару недель после того, как мы сюда переехали. Бабушка отправила меня в клинику. Не хотела, чтобы я находилась рядом с тобой. Ей пришлось наблюдать нервный срыв у своей матери. Мы хотели тебя защитить. А когда меня выписали, я поехала жить к тете Джин. Я постоянно тебе звонила, родная, но ты все время вешала трубку, и я сдалась. Это было неправильно. Прости меня.

– У тебя были «нервы», говорила бабушка. Я думала, это означает, что я действую тебе на нервы.

– Я была неспособна о тебе заботиться.

– А потом? Тебе стало лучше?

– Прошло много времени, прежде чем я почувствовала себя способной снова быть твоей матерью, но к тому времени ты прочно укоренилась здесь. Школа. Чарли. Ты была счастлива. Мы говорили о том, чтобы мне переехать сюда, но я знаю бабушку. Она бы без конца суетилась, вмешивалась бы во все до мелочей, и я бы никогда не чувствовала себя по-настоящему твоей матерью. Ты даже не желала разговаривать со мной по телефону. Я уехала обратно в Девон. Там я чувствовала себя ближе к твоему отцу.

– Но дальше от меня. Он умер. А я была *жива*.

– Знаю. Тогда это всем нам казалось правильным. Но если бы я могла вернуться назад и все изменить, я бы так не поступила. Не проходило ни единого дня, когда бы я о тебе не думала. Бабушка присылала мне твои школьные табели, фотографии, домашнее видео. Я следила за тем, как ты росла. Ты просто об этом не знала.

– Не могу поверить – бабушка никогда не говорила, что ты хочешь меня вернуть.

– Она делала то, что считала правильным. На протяжении многих лет ее собственную мать регулярно клали в клинику. Она не хотела тебе такой же судьбы. Она тебя любит. Мы все любим.

Я попыталась что-то сказать, но из горла вырвалось рыдание. Годами запертое внутри горе изливалось из меня. Я плакала так горько, что, казалось, никогда не смогу остановиться. Мама встала у моего стула, обняла меня, прижала мою голову к своей груди и гладила, гладила меня по волосам. От нее по-прежнему пахло духами «Опиум» и лаком для волос «Элнет», и мне хотелось, чтобы она стояла так вечно.

– Я убила его. Я убила папу.

– Нет, Грейс. Не вини себя.

Но как я могла перестать чувствовать то, что чувствовала всегда? Множество людей говорили мне, что это был несчастный случай. Бабушка, дедушка, мой психотерапевт Пола. Даже Чарли. Но мое сердце? Сердце чувствовало иное. Чувство вины пронизывало каждую клеточку, увеличивалось, пока не стало моей неотъемлемой частью, как кожа, как кости.

– Если бы... – Я перевела дыхание. – Если бы я не выбежала перед фургоном с мороженым. Если бы он не выбежал меня спасать, сейчас мертвой была бы я. Не он.

– Он бы этого не хотел. Я бы этого не хотела. Никто из нас не хотел бы этого. – Мама потянулась ко мне через стол, но я отпрянула назад.

– Но это я его убила. – Я грохнула кружкой о стол. Кофе выплеснулся на сосновый стол.

– Нет. Это я согласилась отключить его аппарат жизнеобеспечения. Надеюсь, ты сможешь меня простить.

– Я ненавидела тебя за это, – сказала я и так сильно стиснула ручку кружки, что сама удивилась тому, что она осталась цела.

– Это было самое тяжелое решение в моей жизни.

Мы сидели молча. Я промокала выплеснувшийся кофе носовым платком. Бабушка была бы в ярости, если бы он впитался в дерево. Казалось бы, глубокой ночью должна стоять тишина. Но гудел холодильник, тикали часы, вращалась земля. Когда-то давно мой мир рассыпался, но сейчас у меня появился шанс привести его в порядок.

– Прости, что отказывалась с тобой разговаривать, когда ты мне звонила, но я ненавидела себя, а когда ты исчезла, подумала, что ты тоже меня ненавидишь.

Мама вертела на пальце золотое обручальное кольцо.

– Я никогда тебя не ненавидела, Грейс. Никогда. – Она пододвинула на

середину стола маленький подарочный пакетик. – Это тебе. С днем рождения.

В пакете была маленькая коробочка. Я положила большие пальцы на крышку и распахнула ее. На красной бархатной подложке приютилось нечто, чего я не видела много лет.

– Это твое кольцо невесты. – Я снова расплакалась, водя пальцем по сверкающему бриллианту.

– Я хотела, чтобы у тебя было что-то, в чем участвовал твой отец, Грейс. Он бы так гордился тобой. Я тоже горжусь. Неужели слишком поздно начать все заново? – Она протянула мне руку через стол.

– Мы можем попробовать. – Наши пальцы переплелись и не расцеплялись, пока мы разговаривали до самого восхода.

Глава 21

Настоящее

Сколько бы я ни твердила себе, что потеря кулона, связывавшего меня с Чарли, не имеет значения, что у меня остались воспоминания, мне не удастся бороться с чернотой, пульсирующей в моих венах. Каждый день перед работой я надеваю на лицо счастливую маску, смеюсь и играю с детьми, но мне требуется напряжение всех сил, чтобы притворяться кем-то, кого я в себе не чувствую. Когда я возвращаюсь домой, глаза просто закрываются, хотя всего только шесть часов.

Анна готовит каждый вечер, и Дэн старается заканчивать работу пораньше, но атмосфера в доме тяжелая и напряженная, и я знаю, что большей частью в этом виновата я. Дэн раздражается на Анну, и я слышу, как они перешептываются по углам, ведя сердитые и раздражительные разговоры, которые прекращаются, когда я вхожу в комнату. Я думаю, они спорят о том, как поднять мне настроение, и я благодарна им за боту.

Вчера вечером, разговаривая по телефону с мамой, я сломалась. Сердитые, удушливые рыдания разрывали грудь. Мама пригласила меня приехать и пожить у нее в Девоне. «Море принесет тебе огромную пользу», – сказала она, и хотя мне очень хочется ощутить жгучий вкус морской соли на губах, почувствовать, как ветер треплет волосы и как в туфли набивается песок, я не могу оставить Анну. Ведь я совсем недавно ее нашла.

Лекси пристрастилась звонить мне каждый день, иногда в просветленном настроении, но чаще медленно и бессвязно бормоча хриплым от алкоголя голосом. Я терпеливо слушаю ее мучительные рыдания, зная, что через десять минут после того, как повесит трубку, она не будет помнить о том, что звонила, и скорее всего позвонит опять.

Сегодня я подъезжаю к нашему коттеджу, испытывая облегчение оттого, что нынче пятница, и тут звонит мой мобильник. Ежась при мысли, что придется второй раз за день говорить с Лекси, испытываю искушение проигнорировать звонок, но потом браню себя и тянусь к трубке. На экране высвечивается имя Эсме, и я расслабляюсь, радуясь возможности окунуться в чужие новости. Жизнь Эсме всегда казалась мне гораздо более волнующей, чем моя собственная, даже до того, как она переехала в Лондон.

На линии что-то потрескивает, и я выключаю мотор, чтобы лучше ее

слышать. Эсме описывает последнюю вылазку в мир блиц-свиданий, и впервые за последние дни я искренне улыбаюсь.

– Приятно поболтать с тобой, дорогая, но я позвонила не просто так, – говорит Эсме. – Не пугайся, но, по-моему, кто-то взломал аккаунт твоей электронной почты.

– Взломал?

– Я получила с твоего адреса несколько ссылок.

– На что?

– На жесткое порно. Я кликнула по первой ссылке, думая, что ты прислала мне ссылку на обувь или что-нибудь такое. Я их уже удалила, но тебе надо сменить пароль, подружка.

Я сгораю от стыда, думая о людях в моей электронной адресной книжке. Моих бабушке и дедушке, моей матери. Неужели все они тоже получили эти ссылки?

– Мне так неприятно, Эсме.

– Не переживай. Такое случается сплошь и рядом. На прошлой неделе то же самое случилось в Галерее. Две сотни перспективных клиентов открыли электронные письма от нас, ожидая приглашения на выставку, и нашли вместо этого предложение о наращивании пениса за полцены.

Я обещаю Эсме, что скоро к ней приеду, – мы обе знаем, что это неправда, – а затем сижу в машине, замерзшая и потерянная, слишком вялая, чтобы двигаться. В зеркале заднего вида появляются фары, и я жду, пока Дэн заглушает двигатель, открывает дверь со своей стороны и вытаскивает с заднего сиденья бумажный мешок для хранения одежды. Мы вместе входим в дом. Анна протирает фотографии в прихожей. Не помню, когда мне в последний раз доводилось прибираться.

– Новый костюм? – спрашиваю я Дэна.

– Не-а, носил старый в чистку – для завтрашнего дня.

– Завтрашнего дня? – я напрягаю память.

– Ежегодный обед риелторов, – вздыхает Дэн. – Это записано в календаре, Грейс, и я упоминал об этом на прошлой неделе.

– Совсем вылетело из головы.

Анна удивленно приподнимает брови:

– Неужели действительно так занятно?

– Это официальное мероприятие, проводимое ежегодно в первый уик-энд марта. Там вручают награды лучшим риелторам графства и произносят речи. Длинные речи. – Я потираю переносицу.

– Это важно. Я претендую на награду в этом году.

Мне неприятно, что я об этом не знала, и я маскирую смущение

фальшивым энтузиазмом.

– Ты заслуживаешь награды, – говорю я. – Ты так упорно работал. – Но я не могу припомнить, когда мы в последний раз праздновали продажу. То ли бизнес идет плохо, то ли он просто перестал рассказывать мне о своих успехах. Может, я просто перестала слушать?

– Что ты наденешь, Грейс?

– Я не уверена, что чувствую в себе силы пойти. Может, ты возьмешь вместо меня Анну? – Мысль о том, чтобы вести вежливые разговоры за обедом из трех блюд, наполняет меня ужасом.

Дэн прищуривается:

– Все ожидают тебя, Грейс. Будет весело. Мы сидим с Гарри и Хлоей.

– Платье, в котором я ходила на девичник, испорчено. Я не смогла вывести винное пятно и не знаю, налезут ли на меня другие платья. – Я думаю о пакетах из-под печенья, наполняющих бардачок, сумку, прикроватную тумбочку, и прихожу к выводу, что, вероятно, не налезут.

– С удовольствием пойду, – говорит Анна.

– Нет, – резко говорит Дэн. – Тебе надо заполнять заявления о приеме на работу.

– Дэн! – Я шокирована.

Анна улыбается мне:

– Все в порядке. Что, если я завтра пройду с тобой по магазинам, Грейс? Я знаю несколько сказочных бутиков, и пока мы будем там, я могу поспрашивать, не нужны ли им работники. Я стараюсь, Дэн.

– Да. – Дэн засовывает костюм обратно в бумажный мешок. – Стараешься.

Свет в примерочной приглушенный и золотистый, но он не смягчает ужаса, который я испытываю, когда многочисленные зеркала отражают с разных сторон мое тело, которое мне обычно не доводится видеть в таких ракурсах. Век бы мне его не видеть. Мои трусы и бюстгальтер в стиле Бриджит Джонс, когда-то белые, выглядят гораздо серее, чем дома. Я обхватываю руками живот, пальцы тонут в мягкой плоти, и страстно хочу оказаться где-нибудь еще, только не здесь, полуголой, рядом с оценивающим меня личным стилистом.

– Хм, – говорит Тэмсин. – Тип фигуры груша. Ничего страшного. Я принесу платья, в которых вы будете выглядеть потрясающе, хорошо?

С энтузиазмом волшебницы она скрывается за красными бархатными занавесями. Я опускаюсь в позолоченное кресло, обитое темно-бордовым бархатом, и глотаю апельсиновый сок. Заношу руку над тарелкой с

бесплатными шоколадными конфетами.

– Здесь фантастично, не правда ли? Я чувствую себя звездой. – Сквозь занавеси врывается Анна с охапкой вишнево-красного шелка и тафты на вешалке восьмого размера. Я отдергиваю руку от тарелки.

Анна сбрасывает одежду и облачается в изысканную ткань.

– Как я выгляжу?

– Ошеломительно. – И это правда. Ее светлые волосы мерцают, окутывая плечи. У меня выступают слезы, когда я думаю обо всех вечерних платьях, которые никогда не наденет Чарли.

– Как думаешь, сюда не надо ожерелья? Хочу посмотреть, что у них есть.

Занавеси расходятся, и Анна выпархивает, а в примерочную входит Тэмсин, держа высоко над головой три вешалки. Платья выглядят прекрасно, стильно и очень, очень дорого. Такие видишь в журналах, а не на воспитательнице детского сада.

– Какое сначала, Грейс? Они все потрясающие, правда?

– Не знаю. Обычно я такое не ношу.

– Где вы обычно покупаете одежду?

– Главным образом через «Ибэй».

Тэмсин морщится, как будто обнаружила в салате гусеницу.

– Ничего. Сейчас вы здесь. – Она снимает с мягкой вешалки длинное, до пола оливково-зеленое платье. – Это новая весенняя коллекция. – Она помогает мне его надеть. Я выпрямляю позвоночник, и она застегивает молнию на спине. Платье тяжелое, оно плотно облегает грудную клетку.

– Знаете, мне в нем придется есть. – Я поворачиваюсь, чтобы взглянуть в зеркало. Все мысли о еде улетучиваются, когда я смотрю на свое отражение.

– Хорошее, правда? Я сделала правильный выбор.

Мэрилин Монро отдыхает. Я выгляжу в гламурном стиле старого Голливуда; изгибы фигуры подчеркнуты, выпуклости скрыты.

– Это невероятно. – Я глажу материал. – В жизни бы никогда его не выбрала. Мама носит много зеленого, но я никогда не думала, что мне он тоже пойдет.

– Вот поэтому вам нужна я, – говорит Тэмсин. – «Ибэй»? Фу! А теперь аксессуары...

Золотое, плотно прилегающее ожерелье закрепляется у меня на шее, подходящий к нему браслет охватывает запястье.

Действуй уверенно, повторяла мне Чарли. Игрой роль, пока роль не станет тобой. В этом платье я чувствую себя уверенной. Даже

сексуальной. Кто бы мог подумать, что одежда наделяет такими возможностями? Я делаю селфи и отсылаю его Эсме.

Занавески распахиваются.

– Смотри, Анна, – кручусь я перед ней. – Что ты думаешь?

– Честно? – Она морщит нос.

– Честно. – Я опускаю руки к животу, словно таким образом я силюсь удержать на месте свою уверенность, не дать ей улетучиться.

Анна осматривает меня с ног до головы.

– Я считаю, что крупные девушки должны держаться черного. Им это гораздо больше идет.

Я закрываю глаза, чтобы не видеть своих многочисленных отражений. Как нелепо думать, что я могу быть чем-то другим, чем то, что я есть.

– Я несогласна, – говорит Тэмсин.

– Но вы стараетесь продать вещь, не так ли? А я говорю как ее лучшая подруга.

– Я думаю, у Грейс красивая фигура. У многих наших клиенток четырнадцатый размер.

– Грейс красива внутренне – это самое главное.

– Кто-нибудь расстегнет мне молнию? – со злостью говорю я. Мне жарко и неудобно, я чувствую себя взбитой подушкой – бесформенной и бугристой.

– Давайте примерим черное, Тэмсин.

В черном я ощущаю скуку.

– Вот это выглядит отлично, – говорит Анна. – Оно действительно скрывает выпуклости твоего живота. Я думаю, тебе надо его взять.

Пищит мой телефон. Эсме пишет: «Дорогая, ты выглядишь шикарно».

– Эсме зеленое нравится.

– Эсме здесь нет, – говорит Анна. – Невозможно увидеть на фото все стороны. Впрочем, тебе решать, я просто стараюсь помочь. Черное прослужит тебе не один год – это классика, и в нем ты не выглядишь такой бугристой, как в зеленом.

– Я не выбираю платья, в которых люди выглядят бугристыми. – Тэмсин бросает на Анну испепеляющий взгляд. – Это платье не такое сногшибательное, как зеленое, но оно вполне приемлемо.

– Мне зеленое нравилось.

– Рада, что у тебя достаточно уверенности, чтобы чувствовать себя в нем уютно, – говорит Анна. – Честное слово, Грейс, Дэн с гордостью поведет тебя под руку, как бы ты ни выглядела.

– Если вы хотите примерить оба платья дома, у вас есть четырнадцать

дней, чтобы сделать возврат, при условии, что вещь не будет поношена и на ней сохранится ярлык.

– Я возьму оба.

На кассе платья складываются, завертываются в тонкую душистую бумагу и помещаются в коробку, на которой рассыпаны серебряные звезды.

– Вы берете красное шелковое платье? – спрашивает Тэмсин у Анны.

– Я не могу себе его позволить и не знаю, куда в нем ходить.

– Никогда не помешает иметь вечернее платье, на тот случай если вдруг представится благоприятная возможность. Это эксклюзивная вещь. Очень красивая, не так ли?

– Да. Но все равно мне придется отказаться.

– Позволь мне купить его для тебя, – говорю я.

– Я не могу позволить тебе заплатить, ты уже так много для меня сделала.

– Но я хочу. Это в знак благодарности тебе за все. Знакомство с тобой по-настоящему меня встряхнуло, и мне очень понравился день в спалоне. Бог знает, что бы я надела сегодня вечером, если бы ты не привела меня сюда.

– Спасибо, Грейс. – Анна стискивает меня в объятиях и бежит за платьем.

– Вы хорошие подруги, да? – спрашивает Тэмсин.

– Да, – говорю я. – Мы подруги.

Дверь бутика захлопывается за нами, и я стою, моргая от солнечного света, глубоко вдыхая свежий воздух, не до конца веря, что только что потратила почти триста фунтов. Надеюсь, что смогу перехватить выписку по счету кредитной карты, прежде чем Дэн ее увидит.

– Пойдем выпьем кофе, – говорит Анна. – Я угощаю.

– Да. Не пойти ли нам... – Я осекаюсь. На противоположной стороне улицы стоит, уставившись на меня, человек в черном пальто. Тот ли это самый человек, что смотрел на меня возле кафе и на кладбище, когда я была там с Лекси? Водитель красной машины?

Я сжимаю руку Анны.

– Нет времени на расспросы, но не можешь ли ты разобраться, вон тот человек мужчина или женщина? – Я указываю на темную фигуру.

Анна щурится и сдвигает солнечные очки с макушки на глаза.

– Я ничего не вижу. Слишком ярко. Постой здесь. – Она мчится через дорогу, но пока добирается до нужного места, фигура уже исчезает, и я не вполне уверена, был ли там кто-то вообще.

Глава 22

Прошлое

Пустые вешалки в моем шкафу задребезжали друг о друга – это я вытащила еще одно платье, приложила его к себе и отбросила на пол. Несмотря на недосып – мы с мамой проговорили до рассвета – и похмелье, я в этот вечер хотела выглядеть как можно лучше. Кто бы мог подумать, что я получу Дэна и восстановлю отношения с мамой, и всё в одну ночь.

Я коснулась губ двумя пальцами. Они горели, когда я думала о поцелуе минувшей ночи, и счастье пузырилось во мне, как шампанское. Мы с Чарли всего лишь собирались в местный паб на свидание с Беном и Дэном, но я уделила повышенное внимание макияжу: чуть сильнее подвела глаза, нанесла больше блеска на губы. Пускай это был всего лишь воскресный вечер, но ощущение было как от особого случая. И в довершение всего я была уже достаточно взрослой, чтобы на законных основаниях употреблять алкоголь. Не то что прежде, когда я сидела в уголке, теребя в руках кока-колу, и украдкой, пока не видит хозяин паба Майк, подливала в стакан водку из четвертинки, которую прятала в своей сумке Чарли.

Послышался стук в дверь.

– Входи.

Мама присела на край моей кровати и приглашающе похлопала ладонью рядом с собой.

– Мне скоро ехать, родная, до Девона неблизко.

– Жаль, что ты не можешь остаться. – Я села рядом с ней и положила голову ей на плечо.

– Не успеешь оглянуться, как я опять приеду. – Она обняла меня. – Проведу Рождество с моей девочкой. Я хотела сказать, что теперь, когда тебе исполнилось восемнадцать, ты будешь получать доходы с учрежденного папой трастового фонда. Папа оставил нас очень хорошо обеспеченными на тот случай, если произойдет худшее.

– Мама?

– Да.

– Как я узнаю, что повстречала своего единственного?

– Помнишь, когда ты брала уроки балета, то учила папу шагам?

– Да. – Я улыбнулась при воспоминании о том, как мы, завернувшись в старые розовые занавески из спальни, танцевали по гостиной.

– Он был большой, сильный, надежный человек, которым мы все восхищались. Весь день принимал пациентов, диагностировал болезни, спасал жизни и выслушивал одиноких и больных. Он пользовался большим авторитетом. Всегда собирал средства для деревни по поручению местного совета. – Мама стиснула мою руку. – А потом приходил домой, заворачивался в розовую занавеску и танцевал под «Лебединое озеро», просто для того, чтобы его маленькая дочка улыбалась. Он всегда хотел одного: чтобы ты была счастлива, Грейс. Когда ты кого-то встретишь, спроси себя: «Будет ли он ради меня наряжаться в розовые занавески?» – и ты не ошибешься. Ты уже кого-то встретила?

– Да. Думаю, встретила.

– Я должна тебе сказать еще кое-что. – Догадываюсь, что сейчас последует. – Я тоже встретила одного человека. Его зовут Оливер.

Я ждала внезапной острой боли. Ждала от себя слез. Ощущения предательства. Вместо этого перед глазами возник мой рослый папа, выделяющийся пируэты в нашей гостиной.

– Папа был бы рад. – И это было то, что я действительно думала. Он всегда хотел для нее самого лучшего. Для нас обеих. Всегда.

– Спасибо, родная. Я бы очень хотела, чтобы ты с ним познакомилась. Я могла бы приехать с ним в следующем месяце.

– Я бы тоже этого хотела.

И это была правда.

После маминого отъезда мне пришлось заново сделать макияж, удалить потеки туши ватными тампонами, пропитанными детским лосьоном. Я выбрала одну из маминых старых туник шестидесятых годов: узор с водоворотами наводил на мысль о воде, втягивающейся в сливное отверстие ванны. Я покружилась перед зеркалом, проверяя свое отражение сзади, надеясь, что задница прикрыта. Хотя на мне были черные непрозрачные лосины и кожаные ботинки, я чувствовала неловкость и все время отбрасывала волосы назад, чтобы источать уверенность, которой не ощущала. Мои ногти были вишнево-красными – дерзкий выбор для меня, и я дула на них, желая, чтобы лак быстрее высох и можно было проверить мобильный телефон. Он так часто жужжал, доставляя эсэмэски от Дэна, что пришлось поставить его на подзарядку.

Чарли прогромыкала вверх по лестнице и ворвалась в мою комнату. Под мышкой у нее торчала коробочка, завернутая в серебряную подарочную бумагу.

– Это для тебя. Я нашла на пороге.

– Ух ты, запоздалый подарок ко дню рождения. Интересно, что это.
«Грейс», – было небрежно написано на бумаге фломастером похожим на паутину почерком. Почерка я не узнала.

– Ты всегда можешь это выяснить, если ее откроешь.

– Одну секунду. Лак еще не высох. – Я села, скрестив ноги, на кровать, растопырила пальцы и помахала руками. – Жду не дождусь встречи с Дэном. Мы весь день переписываемся.

– Твоя ночь была удачнее моей. Черт бы побрал мою маму. Она была пьянее, чем мы все, вместе взятые.

– Как она сейчас?

– Жуть. Не хотела, чтобы я сегодня приходила. Впрочем, она ушла. Хочешь, я открою подарок?

– Нет. – Подушечкой указательного пальца я проверила, высох ли ноготь большого. Потом приподняла коробку. – Легкая.

– Может быть, она наполнена поцелуями, – засмеялась Чарли.

Пока я вытаскивала из бумаги картонную обувную коробку, на пол выпорхнул белый конверт.

– Туфли: ты прямо как Золушка, – сказала Чарли. – Как думаешь, их прислал прекрасный принц?

Я поставила коробку на кровать, вскрыла конверт и развернула лист линованной бумаги формата А4.

– Это от Дэна?

Я схватилась за горло.

– От кого это, Грейс?

Я протянула Чарли записку, слишком потрясенная, чтобы говорить.

– Что за черт?

Она изучала бумагу, а я тем временем нервно грызла ноготь. В отличие от моего имени на подарочной бумаге, письмо не было написано от руки. Буквы были вырезаны из газеты или журнала и наклеены, образуя слово «СУКА», словно письмо с требованием выкупа. Это походило на шутку – но мне было не смешно.

– Открой коробку, Грейс.

– Не могу.

Чарли протянула руку и подняла крышку, но в тот же миг отпрянула. Зловоние собачьего дерьма наполнило комнату. Она тут же захлопнула крышку, но промахнулась, и коробка накренилась на сторону. Экскременты вывалились на покрывало. Я поперхнулась. Чарли сдернула покрывало с кровати, свернула все в узел и помчалась вниз по лестнице. Я распахнула окно и принялась глубоко вдыхать холодный ноябрьский воздух. Сырость

циркулировала по легким, вызывая удушье.

– Дыши, Грейс. – Я так глубоко задумалась, что не услышала, как Чарли вернулась в комнату. Она терла мне спину, и я чувствовала, как расслабляюсь под ее теплой ладонью.

– Куда ты его положила?

– В мусорное ведро. Хочешь, чтобы я рассказала твоим дедушке и бабушке?

Я шмыгнула носом.

– Не знаю. Бабушка заметит, что покрывала нет. Она сама его сшила.

– Кто, как ты думаешь, прислал это?

– Не могу припомнить, чтобы кому-нибудь насолила, кроме...

– Шиван.

– Да. Но не станет же она такое делать? Я знаю, ей нравится Дэн, но...

– Он ей нравится несколько лет. Она видела, как вы целовались.

Бумага, похоже, вырвана из школьной тетрадки.

– Что мне делать?

– Давай спросим ее. Возможно, она будет там сегодня вместе с Эсме.

Мы замолчали. Я вздрогнула от холода и захлопнула окно.

– Пошли. Все будет прекрасно. – Чарли ухватила меня за руку и втащила через тяжелую деревянную дверь в «Холи армс». Пока мы шагали к барной стойке, я не отрывала глаз от пола, глубоко вдыхая затхлый воздух.

– «Барсучий зад»? – приподняла бровь Чарли, разглядывая дозатор напитков.

– Можете смеяться, но у нас лучший выбор настоящего эля в округе. – Майк, хозяин заведения, протирал пивные бокалы. Он поднес один из них к свету и потер полотенцем обнаруженное пятнышко. – Тони говорил, что вы можете зайти. – Майк и дедушка дружили много лет. – Сегодня вас ждет удовольствие.

– «Беличий хвост» в пару к «Барсучьему заду»?

Майк поскреб бороду и оценивающе посмотрел на Чарли, а потом опять повернулся ко мне, облокотившись на стойку. Его одежда пропахла дымом.

– Караоке.

– Правда?

– Это то, на чем все помешались в Лондоне. Мы должны двигаться в ногу со временем. Посмотрите, – он жестом показал себе за спину, – мы продаем не только обычные чипсы, а еще и «Скампи фрайз». Это новинка.

– Действительно, в ногу со временем.

Я пнула Чарли в лодыжку.

– Отлично, мы пока что возьмем два пакетика «Скампи фрайз» и два сидра «Стронгбоу», будьте добры, Майк.

Я засунула чипсы в сумку и приподняла свою пинту сидра. Запотевший стакан был скользким и таким полным, что мне пришлось из него отпить, прежде чем я смогла отнести его на столик перед камином.

По мере того как мы пили, теплый ток алкоголя разносился по венам, и мышцы начинали расслабляться. Чарли ткнула меня локтем, и сидр выплеснулся на руку. Я слизнула его и проследила за ее взглядом до барной стойки. Там Дэн вытаскивал из кармана мелочь, платя за напитки для себя и Бена. Потом он направился к нам, и я попыталась притвориться, что его не заметила, но внутри у меня поднималась горячая волна.

– Найдется место еще для двоих?

– Для вас? – пискнула я.

– Нет, для тех двух бородачей за стойкой.

Дэн втиснулся между мной и Чарли, и когда наши бедра соприкоснулись, по руке у меня пробежал холодок. Целый день мы переписывались, но я чувствовала неловкость от перемены в наших отношениях. Не знала, как себя вести, какой быть.

Я проглотила остатки сидра и встала, чтобы пойти за следующим.

– Позволь мне, – коснулся моей руки Дэн.

Я сдвинула пустые стаканы на середину стола, освободив место для подноса, полного новых напитков и чипсов «Уолкерс», который принес Дэн. Рукава его белой рубашки были закатаны, и руки под ними оказались покрыты курчавыми волосами, которых я прежде не замечала.

К девяти часам, когда началось караоке, я перестала чувствовать себя скованно и неудобно. Шиван не появилась, и я прижимала ногу к ноге Дэна, слишком громко смеясь его шуткам. Чарли вскочила, чтобы спеть «Попробуй мне понравиться». Мы свистели и награждали ее одобрительными возгласами, пока она важно вышагивала взад и вперед по импровизированной сцене. После этого она села к Бену на колени, их губы слились, а ее руки сплелись в его волосах. Дэн повернулся ко мне:

– Давай найдем местечко потише.

Он подхватил наши напитки, и я последовала за ним к крохотному круглому столу в углу салона.

– Расскажи мне что-нибудь, чего я не знаю, – попросил он, как только мы там устроились.

– Ты знаешь всё, мы знакомы много лет.

– Я не об этом. – Дэн зажал мою руку между ладонями, так что пальцы покалывало. – Расскажи о своем отце, Грейс.

Поначалу мне не хотелось, но, как только я начала говорить, слова полились неконтролируемым потоком. К тому времени как Майк прозвонил в колокольчик, возвещая о закрытии, Дэн знал обо мне почти все. Суть наших отношений переросла в нечто, чего я еще не понимала. Когда он провел большим пальцем по костяшкам моих пальцев, я испытала сильное желание, которого не испытывала прежде.

– Можно проводить тебя домой?

– Да, пожалуйста.

– Что, если я возьму несколько бутылок навынос? Если мы уйдем сейчас, то еще успеем купить жареной рыбы с картошкой.

– Отлично. – Я по-настоящему проголодалась. За обедом я была слишком занята прокручиванием в памяти событий моего дня рождения, чтобы есть. Бабушка ворчала, видя, как я раскладываю печеную картошку по краю тарелки.

Я сказала Чарли, что мы уходим. Она улыбнулась припухшими губами.

– Смотри, води себя хорошо.

– Это открывает мне массу возможностей. Позвоню тебе завтра.

Я поцеловала ее на прощание и, шагая к двери, чувствовала, как ладонь Дэна покоится у меня на талии и как его тепло проникает сквозь мое зимнее пальто. На улице стоял мороз, я взяла его под руку, и мы торопливо зашагали по главной улице, освещенной уличными фонарями и голубым свечением телевизоров, проникавшим сквозь тонкие занавески стоящих рядом каменных коттеджей. Запах жареной рыбы несся по улице, и я задумалась над тем, что бы заказать. Мне всегда было трудно выбрать между гороховым пюре и соусом карри.

В кафе было тепло, несмотря на открытую дверь; мы встали в очередь, и я сняла перчатки.

– Что ты хочешь? – спросила я.

– Тебя, – ответил Дэн, приподнимая мой подбородок и касаясь губами моих губ.

– Жареная картошка, Грейс? Куда тебе еще толстеть?

Я резко обернулась. За мной, оперев руки в бока, стояла Шиван, скривив в презрительной усмешке алые губы. В нескольких шагах позади нее хихикала Эбби.

– Шиван, я...

– Грейс не толстая и может есть что хочет. – Дэн обвил меня рукой за

плечи.

– Конечно, может. Впрочем, я не стала бы покупать здесь картошку. У нее вкус дерьма. – И Шиван устремилась вон из кафе.

Перед моим мысленным взором сразу возник яркий образ коробки с темно-коричневыми экскрементами. Я судорожно глотнула маслянистого воздуха, и мой желудок сжался.

– Следующий! – выкрикнул мужчина за прилавком. Спотыкаясь, я выскочила из магазина, согнулась пополам и извергла на мерзлый тротуар четыре пинты сидра.

– Тебе не следовало переходить дорогу моей сестре! – крикнула Эбби, шагая по дороге вслед за Шиван. – Берегись, Грейс!

Глава 23

Настоящее

Темная фигура так и стоит у меня перед глазами. Пускай сейчас белый день, но ни солнце, ни люди ничуть не прибавляют мне ощущения безопасности. Я тяну Анну в ближайшую кофейню. Вечерами она работает как винный бар. Бережно обнимая наши покупки, я забираюсь в обитую рыжей кожей кабинку, и пока задаюсь вопросом, что делать дальше, Анна встает в очередь за напитками.

– Это было быстро, – говорит она, вручая мне кружку горячего шоколада. – Здесь делают приличный шоколад, не какое-нибудь порошковое барахло.

– Спасибо.

– Надеюсь, я не обидела тебя в бутике, Грейс. Ты действительно выглядела красиво в зеленом платье. Просто я предпочитаю черное. Не могу дождаться, когда надену свое. У меня никогда не было такого шикарного платья.

– Я не обижаюсь. Но все равно я на нервах, Анна. Мне кажется, за мной следят. – Какое облегчение кому-то рассказать.

Лицо Анны непроницаемо.

– Но кто? Почему?

– Не знаю.

Я отпиваю пену с моего напитка. Шоколад горький – не такой, как делал мне папа, – но я все равно его пью, не желая показаться неблагодарной. Я рассказываю Анне о человеке в черном пальто, о красной машине и о слежке за мной у клуба.

– Тебе надо сообщить в полицию, – твердо говорит Анна.

– И что же я скажу?.. – Я умолкаю и трогаю свои губы, которые покалывает. Тру их пальцами, они онемели. Из носа течет, горло сводит. Я чувствую панику, когда понимаю, что со мной происходит.

– Анна. – Язык кажется ватным, и я начинаю кашлять.

– Что с тобой?

– Аллергия. – Я задыхаюсь, ловлю ртом воздух.

– О боже! Вызвать «Скорую»?

Я перевертываю вверх ногами сумочку. Содержимое извергается на стол, что-то падает на пол. Шприц с дозой лекарства катится к краю стола,

и я подхватываю его, отвинчиваю колпачок. Краем глаза вижу, как кто-то протискивается мимо столика, слышу хруст пудреницы у него под ногами.

– Чем могу помочь?

Голос Анны звучит как из тоннеля, и я его игнорирую, зажимаю шприц в кулаке и втыкаю себе в ляжку. Раздается щелчок, и эпинефрин расходится по телу. Я вынимаю иглу, чувствуя острую боль в ноге.

На лбу выступают капли пота. *Вдохни, выдохни.*

– Могу я помочь? – спрашивает Анна.

– Воды, – говорю я и закрываю глаза.

– Вот. – Через несколько мгновений Анна вкладывает в мою руку прохладный стакан. – Как ты? Это было очень страшно. Я никогда раньше не видела ни у кого аллергической реакции.

Я киваю и пью воду. Кашель еще не прошел, я чувствую озноб и дрожь, но худшее позади.

– Не поехать ли нам в больницу? – Лицо у Анны бледное и встревоженное.

– По-хорошему надо бы, но, думаю, теперь все в порядке. У меня есть второй шприц на случай, если потребуется еще одна доза.

– Но лучше все-таки провериться, а?

– Не хочу пропустить сегодняшнее мероприятие. Честно, уже все хорошо. Такое случалось и раньше. Врачи все равно через несколько часов отошлют меня домой с антигистаминами. У меня дома есть все необходимое.

– У вас все в порядке? – спрашивает официантка.

– Да. – Я протягиваю ей пустой стакан. Он кажется тяжелее, чем должен быть.

– Мы уже уходим. – Анна засовывает мои пожитки обратно в сумочку, забирает наши покупки и, когда я встаю, поддерживает меня под локоть.

– У меня аллергия на орехи, – говорю я официантке. – Не могло в моем напитке быть орехового молока? У шоколада был странный вкус.

– Горячий шоколад? – хмурится она. – В нем был ореховый сироп.

– Идиотка. – Анна подталкивает меня к двери. – Я попросила ее добавить ореховый сироп в мой кофе. Мы сюда больше не придем.

– Послушайте... – начинает официантка, но Анна уже выводит меня на улицу.

– Господи, Грейс. Они чуть тебя не убили. Мы можем вчинить им иск.

– Все в порядке. Просто мне действительно надо пойти домой и поспать. Ты можешь вести машину? – Голова у меня кружится, и требуются усилия, чтобы держать глаза открытыми.

– Конечно. – Анна вглядывается в мои губы. – Ты немножко похожа на утенка Дональда. Как жаль, что ты пропустишь сегодняшний вечер.

– Посмотрю, как буду чувствовать себя, когда посплю.

– Конечно. Будем надеяться, что все пройдет. – Анна улыбается, гладит мою руку. – Давай отвезем тебя домой отдохнуть.

Ноги плохо слушаются меня, когда я плетусь по многоярусному паркингу к своей машине, и мне остается только надеяться, что я не выгляжу пьяной. На стоянке рядом с моей «Фиестой» стоит красная «Корса».

– Анна! Вон та машина! – указываю я.

– Держи. – Анна сует мне пакеты и бежит к машине, но прежде, чем она успевает туда добраться, мотор ревет, и, взвизгнув покрывками, машина мчится прочь.

Меня будит стук в дверь.

– Грейс? – Анна толкает дверь спальни. – Я принесла тебе овощного супа. Ты пропустила ланч.

Я зеваю, беру в руку телефон. Пять часов.

– Спасибо. – Похлопываю себя по губам. – Как я выгляжу?

– Нормально. Какая удача. – Анна ставит поднос на тумбочку. – Поешь. Я приготовила его специально для тебя. Потом помогу тебе собраться.

К тому времени как я собираю последние капли супа толстым ломтем хлеба с отрубями, Дэн уже дома. Он взрывается, когда я рассказываю ему о путанице в кафе.

– Черт, как они могли перепутать? – Он садится на кровать, берет меня за руку.

– Думаю, такое случается. Они всего лишь люди.

– А было ясно, что сироп должен быть только в одном напитке?

– Думаю, да. Заказ делала Анна.

– Анна? – На шее у него начинает пульсировать мышца. – Я с ней поговорю.

– Пожалуйста, не надо. Отношения у вас и так уже напряженные. – Я глажу большим пальцем костяшки его пальцев. – Я знаю, нелегко, когда в доме живет кто-то посторонний, но мне нравится, что она здесь. Так или иначе, все прекрасно: я прекрасно себя чувствую, мое платье более чем прекрасно. Мне не терпится тебе показаться.

Я принимаю горячий душ, брею ноги и делаю пилинг тела. Со свежей, розовой кожей я сижу, завернувшись в полотенце перед туалетным

столиком, и крашу ногти в свой любимый вишнево-красный цвет, пока Анна высушивает и распрямляет мне волосы. Мы разговариваем о духах. Я рассказываю ей, как одержима была Чарли аэрозольным дезодорантом для тела «Импульс», принадлежавшим ее матери, и поэтому я не могу больше выносить этот запах. Но тут, без предупреждения, желудок сводит спазм, и я наклоняюсь вперед. Лак для ногтей течет у меня по пальцу и капает с кисточки на ковер. Я выпрямляюсь, но живот снова сводит, и в кишечнике начинается движение. Я вскакиваю и несусь в ванную, едва-едва успевая добежать до унитаза.

– Грейс? – стучится в дверь Анна.

– Мне нехорошо. – Странное сочетание: я дрожу и потею одновременно. Я тянусь к раковине, мочу мягкую мочалку для лица прохладной водой и, выжав, кладу себе на затылок.

– Сейчас позову Дэна.

Я стону, охваченная новой волной боли. Наклоняюсь вперед, уперевшись локтями в колени, стараясь не задеть синяк от шприца. Вероятно, таким способом мое тело избавляется от избыточного адреналина.

– Милая?

– Мне плохо, Дэн.

– Чем тебе помочь? Нам скоро идти.

– Похоже, я никуда не пойду. Извини.

Я прислоняюсь щекой к прохладным кафельным плиткам и думаю о своих красивых платьях. Я так и не решила, которое надеть.

Проходит полчаса, прежде чем живот начинает успокаиваться, и я чувствую в себе достаточно смелости, чтобы покинуть свое убежище. Неверной походкой, крепко держась за перила, я направляюсь туда, откуда слышится разговор на повышенных тонах.

Анна и Дэн находятся на кухне. Анна сногсшибательна в своем красном платье. Ее волосы забраны в шиньон, светлые завитки обрамляют лицо.

– Что происходит?

– Грейс, – краснея, говорит Анна. – Я подумала, что Дэну не стоит идти одному, а для меня это повод надеть это платье.

– Я сказал «нет». – Голос Дэна холоден и суров. – Или я иду с Грейс, или один.

– Я не возражаю. У тебя два билета, и Анна готова. Я собираюсь принять ванну и пораньше лечь спать.

– Спасибо, Грейс. – Анна сует клатч под мышку. – Готов, Дэн?

Дэн открывает и закрывает рот, не сказав ни слова. Хватает ключи и бумажник и большими шагами идет к двери.

Стоя на пороге, я машу отъезжающей машине. *Я одна.* Запираю дверь и накидываю цепочку, и, хотя только что чувствовала себя лучше, мой желудок снова сжимается и уже не успокаивается до их возвращения.

Глава 24

Прошное

Я открыла дверцу моего шкафчика и принялась рыться в груде бумаг, конфетных оберток и книг, которые накопились за семестр. Через несколько месяцев придется взять пластиковый пакет и все это забрать перед окончанием выпускного класса. Оранжевая обложка учебника по английскому бросилась в глаза, и я дернула ее на себя, я ненавидела опаздывать. Из книги выпорхнул конверт и скользнул на пол. Я подняла его, и меня бросило в жар – я узнала паутинный почерк.

На сей раз записка была длиннее, но состояла из тех же самых вырезанных букв, что и раньше. «МЫ НЕ ХОТИМ ВИДЕТЬ ТЕБЯ ЗДЕСЬ». Я смяла письмо в кулаке и оглянулась. Коридор был пуст. Уроки уже начались. Я хлопнула дверцей шкафчика и повернула ключ. Мои тяжелые шаги гулко отдавались по коридору. Я с грохотом отворила дверь класса и опустилась, задыхающаяся и вспотевшая, на свое место. «Гордость и предубеждение» была одной из моих любимых книг, но слова сливались, и я трижды прочла один и тот же абзац. Я выстукивала пальцами на парте барабанную дробь, торопя стрелки часов. Наконец звонок прозвенел, и, запихав в сумку свои вещи, я помчалась к двери.

Эсме и Чарли уже сидели в комнате отдыха. Чарли что-то говорила, размахивая сэндвичем, и кусочки помидора и огурца вываливались на пол.

– Смотри. – Я сунула записку под нос Чарли.

– Что это?

Я показала записку Эсме, рассказала ей о первой записке и коробке из-под обуви, объяснила, как я надеялась, что эта выходка не будет иметь продолжения. Сказала, что не хочу ее впутывать, что она вовсе не обязана вставать на чью-то сторону.

– Не могу поверить, что это сделала Шиван. Мы знаем друг друга с пяти лет.

– Она озверела с тех пор, как Грейс и Дэн стали встречаться, – сказала Чарли.

– Я вообще никогда ей не нравилась, – грустно сказала я.

– Да, но...

Эсме замолчала, уставившись мне через плечо. Я обернулась. В дверях нарисовалась Шиван.

– Я принесла чипсы. – Шиван протолкнулась мимо меня и протянула два пакета чипсов «Уолкерс» Эсме и Чарли. – Сыр с луком или курица?

– Я ничего от тебя не хочу. – Чарли выпрямилась во весь рост.

Эсме закусил губу и уставилась в пол, стараясь оставаться в стороне.

– В чем дело? – Шиван выпрямила спину, но Чарли все равно возвышалась над ней.

– В тебе. Зачем ты посылаешь вот эту дрянь Грейс? – Чарли ткнула запиской Шиван в грудь, Шиван попятилась и, сверкнув в меня глазами, открыла письмо.

– Я этого не посылала.

– Может, ты не посылала ей и коробку с дерьмом на следующий день после вечеринки?

Глаза у Шиван широко раскрылись.

– Нет, и не могу поверить, что ты так думаешь. Мы с тобой дружим с давних пор. Задолго до того, как она появилась.

Лицо у Чарли было искажено гримасой.

– Ну, так больше мы не дружим. Отвали, Шиван.

Шиван открыла и опять закрыла рот. Эсме нерешительно попятилась.

– Эсме?

У Эсме на глазах выступили слезы, она пожала плечами.

Шиван повернулась ко мне. Ее ненависть была такой осязаемой, что, казалось, я могу протянуть руку и коснуться ее.

– Ты действительно хочешь сделать из меня врага, Грейс? – заорала она на меня.

Конечно, я этого не хотела, но знала, что слишком поздно. Хрупкая дружба, теплившаяся между нами, была безвозвратно порушена, и мне было страшно подумать, что она изобретет в следующий раз.

Глава 25

Настоящее

– Грейс, ты не могла бы сегодня помочь в малышовой группе? Ханна позвонила, что заболела.

Я спешу в голубую комнату, пока Лин не передумала. Как бы я ни обожала трех и четырехлеток, за которыми обычно ухаживаю, мне приятно провести день с малышами. Первой приходит Сара, она привезла Лили, сестру Эмили. Это ее первый день.

– Грейс, я так рада, что вы здесь. Хотя Эмили будет безумно по вас скучать, она только о вас и говорит. Кажется, совсем недавно она была вот такой же. – Сара кивает в сторону Лили.

– Я знаю, время летит. Хотите, чтобы я ее взяла?

Слезы выступают на глазах у Сары, когда она вручает мне спящий сверток, запелёнутый в кремовое байковое одеяльце с Винни-Пухом и Пятачком. Девочка тяжелее, чем кажется на вид.

– Все будет хорошо, – говорю я.

– Знаю. Я не планировала так рано ее отдавать, но мне предложили хорошие деньги за работу литературного негра, а с Лили я не смогу сосредоточиться. Нелегко растить детей в одиночку.

– Не успеете оглянуться, как пора будет ее забирать.

Мы отходим в сторону, уступая дорогу потоку мамаш. Сара передает мне сумку с принадлежностями Лили и бесконечный список инструкций, целует Лили на прощание и уходит.

Медленно, как астронавт, шагаю я со своим драгоценным грузом к креслам-мешкам и осторожно, чтобы не разбудить малышку, усаживаюсь. Мышцы дрожат от напряжения, и я говорю себе, что действительно пора вернуться к йоге. Темные реснички касаются фарфоровой кожи Лили, и я осторожно отворачиваю край одеяла, обнажая десять идеально выточенных пальчиков с тоненькими, как бумага, ноготками.

– Что, интересно, ты сделаешь этими ручками? – вслух говорю я.

Лили тихонько посапывает, а я прижимаю девочку к груди и вдыхаю ее свежесть. Не могу удержаться от того, чтобы не наклониться над ее макушкой и не втянуть в себя чудесный младенческий запах. Она великолепна. Мама то и дело отпускает намеки насчет того, как ей хочется стать бабушкой, но я еще не готова. Оба мы не готовы.

Тело Лили напрягается – это она потягивается, удлиняясь почти вдвое, – и зевает, широко раскрыв розовый беззубый рот. Не открывая глаз, она начинает хныкать. Бормоча ласковые банальности, я несу девочку на крохотную кухню подогреть ее бутылочку. Потом встряхиваю бутылку и капаю молоко себе на запястье, чтобы проверить температуру. «Превосходно», – говорю я ей. Когда мы садимся, я тру соской ее нижнюю губу, пока хныканье не стихает. Она зажимает ртом соску, одновременно свирепо захватывая пальчиками мой палец, и шумно сосет, опустошая бутылку с такой скоростью, словно ее не кормили несколько дней. Я ставлю на пол опустевшую бутылку. «Ну вот, это до обеда», – говорю я и нежно тру ей спинку, пока она не издает громкую отрыжку. «Лили! Твоей сестренке это бы понравилось», – говорю я ей. Маленькая струйка кислого молока течет у нее изо рта, и я промокаю ее слюнявчиком со свинкой Пеппой.

Мы проводим следующий час, колотя по ярким пластиковым игрушкам с мигалками и слишком громкими звуками, а еще читаем рассказы, которые она пока не может понять. Я стараюсь изо всех сил и зарабатываю беззубую улыбку малышки.

– Грейс, ты не могла бы сунуть Лили в кроватку и выйти на улицу? Там довольно тепло, пускай дети побегают перед обедом, – говорит Лин. – Кара пока справится тут одна.

Я кладу Лили на желтый пеленальный матрасик.

– Давай переоденемся перед сном.

Она тужится, пока я расстегиваю кнопки на ее комбинезончике, ножки не желают гнуться.

– Ну же, Лили, мне надо на прогулку.

Я корчу смешные рожи, пока ее мускулы не расслабляются и я могу снять грязный памперс.

– Лили, не могу поверить, какая ты вонючая.

Я обтираю ее губкой, надеваю свежий подгузник и делаю «тпру» на толстенький животик. Она хихикает, и я делаю это еще раз, а потом поправляю ей нижнюю рубашку и надеваю комбинезон. Несу ее к кроваткам, а Лили тем временем кладет головку мне на плечо и зажимает в кулачке мои волосы. Она пахнет гигиеническим тальком и детским шампунем. Я привожу в движение подвесную конструкцию «солнце, луна и звезды». Звучит мелодичная песенка «Мерцай, звездочка», и я смотрю, как глаза у девочки начинают закрываться. Пронзительные крики за окном вырывают малыша из сна, ее лицо перекашивается и наливается краской, а из глаз стремительно катятся горячие слезы.

На мгновение я замираю, а потом бросаюсь во двор. Толпа кричащих детей окружает игровой комплекс. Протолкнувшись вперед, я вижу на искусственном газоне Эмили, ее рука выгнута под неестественным углом. Перед глазами у меня все расплывается. Эмили трансформируется в моего отца, лежавшего на дороге много лет назад. Я шатаюсь и падаю на колени.

– Грейс?

Я поднимаю взгляд на ближайшего ко мне ребенка, напоминаю себе, что я здесь взрослая и главная.

– Успокойтесь. Что случилось?

– Она стояла на качелях и упала, – сообщает мне Уильям. – Лин звонит в «Скорую».

Я отвожу челку с лица Эмили, искаженного гримасой боли. Лоб у нее холодный и влажный, кожа мертвенно-бледная.

– Эмили, все будет хорошо, «Скорая» уже едет. Не двигайся, и все будет прекрасно.

Эмили перестает кричать, а только поскуливает, и почему-то мне кажется, что так даже хуже. Я не уверена, что она осознает мое присутствие. Боль, должно быть, невообразимая, а я чувствую себя совершенно беспомощной.

Появляется Лин с одеялом. Я встречаюсь с ней взглядом.

– Где ты была? – шепчет она.

– Мне пришлось поменять Лили подгузник. – Я опускаю взгляд, не желая, чтобы Лин видела в нем чувство вины, и стараюсь успокоить Эмили дежурными словами, поглаживая ее здоровую руку. Несмотря на теплую погоду, рука холодна, как лед.

Мой лоб и подмышки покалывает, как иголками – это циркулирует по телу адреналин. Ладони и ступни онемели.

– Сейчас придет Сара, – говорит Лин. – Хорошо, что они живут за углом. Я пойду на улицу, подожду ее и «Скорую».

Воют сирены, и с меня градом катится пот, но он не может смыть ни моих сожалений, ни нахлынувших воспоминаний. Грудь сжимается, и я ловлю ртом воздух. У меня никогда не бывало на работе панической атаки, и я силюсь успокоиться – у детей и без того шок.

Кто-то трогает меня за плечо.

– Кто пациент? – Лысеющий парамедик становится возле меня на колени и открывает свой ящик.

– Это Эмили, – отвечаю я, а его лицо то фокусируется, то расплывается у меня перед глазами. – Она упала с качелей.

– Привет, Эмили, меня зовут Дэвид. Я приехал, чтобы тебе помочь.

– Эмили, Эмили! – К дочери бросается Сара, душевная боль в ее крике буквально осязаема. Я не могу на нее смотреть. Заботясь об одной ее дочери, я упустила другую. Я начинаю загонять остальных детей в помещение. Некоторые до сих пор плачут. Мы смотрим из окна, как Эмили кладут на каталку и везут к ожидающей машине.

– Она умрет? – спрашивают меня. – Она вернется обратно?

– С Эмили все в порядке, она только повредила руку. – Я стараюсь источать уверенность, которой не чувствую. – Давайте пойдем в уголок сказок и выберем книгу. – Кое-как, на подгибающихся ногах, я иду в другой конец комнаты и опускаюсь в кресло-мешок. Дети опять выбирают книжку «Груффало» о волшебных приключениях мышонка. Голос у меня дрожит, но я с головой погружаюсь в повествование, изображая то лису, то змею, то сову. Притворство – это то, что хорошо мне удается.

Когда дети расходятся по домам, я выравниваю на полке разворошенные книги и протираю столы и полки до тех пор, пока Лин не вызывает меня в кабинет.

– Звонила из больницы Сара. У Эмили сломана рука. Ее продержат там до утра, потому что у нее еще ушиб головы, но в целом все будет в порядке. Грег тоже там. Эмили, вероятно, ужасно рада видеть рядом обоих родителей.

– Слава богу. – Я сажусь, потому что ноги отказываются меня держать.

– Мы должны заполнить форму отчета о том, что случилось. Саре нужно будет ее подписать, а после этого мы отправим копии в «Офстед»^[2] и местное агентство по защите детей.

Я с трудом заставляю себя смотреть ей в глаза.

– А что потом?

– Случай будет расследован. Если «Офстед» сочтет нас виновными, они обнародуют на своем веб-сайте сведения об этом инциденте и о мерах, которые им придется предпринять, или тех мерах, которые придется предпринять нам, чтобы удовлетворить требования законодательства.

– Мне так жаль, Лин. Надо было выйти к ним сразу, а не переодевать Лили.

– Это был несчастный случай, Грейс. Такое могло случиться и при тебе. Я знаю, как заботливо ты обращаешься с детьми.

– «Офстед» этого не знает.

– Эмили поправится, это главное. Надеюсь, нас не признают виновными. У нас в «Маленьких желудях» никогда прежде не бывало

несчастных случаев, хотя вполне допускаю, что родители станут забирать детей из нашего сада, если «Офстед» публично нас обвинит.

– Мне так жаль. – Меня заклинило на этих словах.

Лин смотрит на часы:

– Почему бы тебе не пойти домой? Нам надо поговорить с детьми и остальными сотрудниками, прежде чем составлять отчет. В любом случае, у нас есть на это четырнадцать дней.

– Иди, Лин. Ты совсем замученная. Я закончу уборку и запру здесь.

Мне часто доводится уходить последней.

– Нет. Это сделаю я, – твердо говорит Лин.

Мне хочется спросить, по-прежнему ли она мне доверяет, но я слишком боюсь услышать ответ. Я забираю сумку и пальто и выскальзываю на улицу. На маленькой лужайке перед домом дёрн раскучен, видны отпечатавшиеся следы шин «Скорой помощи». Со временем трава вырастет снова, не оставив видимых признаков сегодняшнего происшествия. «Можно ли то же самое сказать об Эмили?» – спрашиваю я себя. Мои шрамы больше не видны, но я все равно их ношу.

Домой я еду на автопилоте и, оказавшись возле нашего коттеджа, даже не помню, как сюда добралась. Руки дрожат, и я лишь с третьей попытки попадаю ключом в замок. Бросаю сумку на пол, туфли – на коврик, шлепаю на кухню и наливаю себе большой бокал шардоне. Я стою перед окном у раковины, держа руку на бутылке и потягивая вино, и смотрю на птиц в кормушке. Я им завидую. В любой момент могут улететь и начать все заново в каком-нибудь новом месте. Как я буду смотреть в глаза Лин? Я подвела Эмили. Подвела себя.

Я опустошаю бокал и наливаю второй. Мой мобильник звонит снова и снова, на экране незнакомый номер. Я его игнорирую. Надоело слушать молчание в трубке. Хлопает входная дверь, и когда Дэн входит в гостиную, слезы начинают лить из меня потоком.

– Грейс. Что случилось?

Я не могу найти слов. Ошеломленный, он ведет меня в гостиную, усаживает на диван и опускается передо мной на колени.

– Грейс? – Лицо его бледно.

– Это на работе.

Он облегченно выдыхает.

– И все?

– Все? – Я вытираю лицо рукавом.

– Я не это хотел сказать. Просто рад, что это не что-то более серьезное,

что с твоими бабушкой и дедушкой все в порядке. Что произошло?

На меня падает тень – это надо мной наклоняется Анна. Я не слышала, как она вошла.

– Грейс. – Она садится рядом со мной и обнимает меня за плечи. Мои мышцы так напряжены, что ее прикосновение болезненно. И я стряхиваю руку Анны.

Подробно рассказываю о событиях ужасного дня.

– Это не твоя вина. – Дэн сжимает мое колено.

– Ну, в какой-то степени ее, – говорит Анна. – Я знаю, ты бы никогда не навредила никому нарочно, но если бы ты была на улице и присматривала за ними...

– Анна, – резко обрывает ее Дэн. – Несчастные случаи бывают. Иногда в них никто не виноват.

– Она права. Мне следовало быть на улице. – Я вытираю глаза.

– Даже если бы ты была на улице, Эмили все равно вскарабкалась бы на качели и, вероятно, все равно бы упала.

– Может быть.

– Почти обязательно.

– Я не знаю, как завтра буду смотреть всем в глаза.

– С высоко поднятой головой. Честное слово, Грейс, тебе нечего стыдиться.

– Об этом будет судить «Офстед». – Я рву на кусочки мокрый носовой платок и смотрю, как клочки падают на пол. Конфетти в отсутствие праздника.

– Тебя отстранят от работы? – спрашивает Анна.

– Если нас не признают виновными, дело не будут обнародовать, слава богу. Я себе не прощу, если подорву Лин бизнес.

– Но родителям сообщат?

– Дети, вероятно, уже рассказали им, что приезжала «Скорая помощь», так что если они спросят, то мы скажем, что произошел несчастный случай, а если не спросят, то не уверена. Это Лин решать. Надеюсь, они не узнают. Они мне доверяют.

– И по-прежнему будут доверять, – говорит Дэн. – Ты прекрасно обращаешься с детьми. Они тебя обожают.

– Спасибо. – Я наклоняюсь вперед, наши лбы соприкасаются. – Я люблю тебя, Дэн.

– Я тоже тебя люблю. Почему бы тебе не принять ванну? Я соберу ужин.

– Ты?

– Да, я. Я вполне способен, ты же знаешь, я делал это раньше. Треска с жареной картошкой на троих?

Будильник возвещает новый день, вырывая меня из тревожного сна. Я открываю опухшие глаза. Во рту сухо и кисло, я сожалею о вчерашнем жирном ужине из рыбы с картошкой и вине. Бреду в ванную и беру зубную щетку. Когда чищу задние зубы, то чувствую позывы к рвоте. С трудом смотрю на свое отражение в зеркале: глаза красные, лицо болезненно-бледное. Какой-то момент раздумываю, не сказать ли больной, но вместо этого принимаю душ, одеваюсь и целую Дэна на прощание. Дверь в комнату Анны закрыта, и я рада, что она еще не встала. Меня больно задела ее вчерашняя реакция, пусть даже она озвучила то, что я сама думала, пускай даже я и впрямь виновата.

Спустившись вниз, я раздвигаю занавески в гостиной, вздрагивая от льющегося в окно яркого света. Миттенс спит, свернувшись клубочком на диване, среди упаковок от рыбы с картошкой. Две пустые винные бутылки стоят на полу. Неужели я одна их выпила? Пустые бутылки от пива Дэна лежат на боку. Наш бак для утилизации стекла будет снова переполнен. Надеюсь, мусорщики не оценивают нас так, как я порой себя оцениваю.

Поездка до работы оканчивается слишком быстро. Приехав, я погружаюсь в меланхолию, ожидая увидеть толпу сердитых родителей, выстроившихся перед зданием с плакатами «Справедливость для Эмили». Но на самом деле это просто еще один день. Парковка пуста, если не считать машины Лин. Я захожу через парадную дверь, чувствуя облегчение от того, что мой ключ до сих пор срабатывает. Значит, меня не изгнали.

– Иди сюда. – Лин раскрывает мне объятия. – Ты выглядишь ужасно. Пожалуйста, не беспокойся. Это был несчастный случай. Сегодня новый день.

Ее улыбка разбивает мои страхи, они падают на землю. Я перешагиваю через них, прощенная, и попадаю в медвежьи объятия.

Утро во многом похоже на любое другое, если не считать того, что Эмили отсутствует. Дети не вспоминают ни о несчастном случае, ни о «Скорой». Идет обычный день. Во время ланча мы с Лин пробегаем глазами отчет, перекусывая ее сандвичами с яйцом. В это утро я чувствовала себя настолько не в своей тарелке, что совершенно не позаботилась о еде.

– Я думаю, все будет хорошо. У нас хорошее соотношение численности персонала и детей, а наши предыдущие отчеты превосходны. Оборудование не имеет дефектов. Это печальное происшествие, но, думаю,

они не станут его раскручивать.

– Надеюсь, что нет.

– Эмили выздоровеет, это главное. А если делу не дадут ход и не станут делать его достоянием общественности, оно совсем не повлияет на нашу репутацию. Это обычное дело. А теперь сходи приготовь мне кофе.

Я делаю Лин кофе и большим стаканом воды запиваю две таблетки парацетамола. Большая часть послеобеденных занятий посвящена изготовлению картонных сердец, которые мы украшаем блестками, креповой бумагой и красками. Я вешаю их на веревку для просушки. Руки ноют. Я была сверхбдительна весь день и теперь совершенно измучена. С облегчением запираю двери и прибираюсь.

– Все, я пошла. – Я просовываю голову в дверь кабинета. Лицо у Лин белое и осунувшееся.

– Что-то случилось?

– Тебе лучше сесть. – Лин кивает на стул, избегая встречаться со мной взглядом.

Я сажусь. Ремешок для часов обтрепался. Я нервно тереблю его, вытягивая ниточки, и смотрю, как они падают на пол.

– Ты должна посмотреть вот это. – Лин протягивает мне свой айпад, открыто приложение «Твиттер».

*Нерадивая воспитательница ломает девочке руку.
#маленькиежелуди #уберитегрейс*

– Это что...

– Пролистай вниз. Там есть еще.

*Не отправляйте туда своих детей это небезопасно.
#маленькиежелуди #уберитегрейс*

*Почему вы не выгнали Грейс?#маленькиежелуди
#уберитегрейс*

Грейс место в тюрьме.#маленькиежелуди #уберитегрейс

Твит идет за твитом, все требуют крови. Моей крови. Местная газета перепечатала эти сообщения, и появилось несколько очень гадких комментариев от людей, о которых я даже никогда не слышала. Мне делается нехорошо. Айпад расплывается перед глазами.

– Кто это сделал?

– Я не знаю. Все сообщения с новых аккаунтов. Нет ни личной

информации, ни фотографий.

– Могут они быть от одного и того же человека?

– Не знаю. – Лин постукивает ручкой по боковине стола. – Я думаю, не Грег ли это.

– Может быть. Он говорил, что я пожалею. Он вспыльчив, мы это знаем, и он отец Эмили. Что нам делать?

– Мы не можем это замалчивать. Сегодня днем были телефонные звонки. Весть разнеслась среди родителей. Они обеспокоены.

Я жду продолжения.

Лин откидывается на спинку стула и вздыхает.

– Звонили из местной газеты. Они собираются завтра опубликовать сообщение. Просили комментарий.

– Что ты им сказала? – Мой голос едва слышен, даже для моих ушей.

– Я сказала, что пока никого не признали виновным, идет расследование, но до тех пор, пока «Офстед» не пришел к заключению, ты временно отстранена.

Мои глаза наполняются слезами.

– Мне очень жаль, Грейс, но я не могу рисковать, чтобы родители стали забирать детей. Я должна действовать с максимальным учетом интересов детского сада.

– Знаю. Мне жаль. – Опять это слово, но я больше ничего не могу придумать.

– Как только «Офстед» вынесет решение, ситуация нормализуется. Все это закончится.

Пошарив в сумке, я достаю ключ и протягиваю его Лин:

– Возьми.

– Оставь его у себя. Он понадобится, когда ты вернешься. Ты вернешься, Грейс.

Я с трудом поднимаюсь с кресла. Оно кажется таким тяжелым. Отягощенным виной. Иду через игровую комнату, смотрю на ряд бумажных сердец, и мне кажется, что мое собственное разбивается.

Глава 26

Прошное

Притаившись среди рождественских открыток, насыпавшихся в то утро на наш коврик перед дверью, лежало еще одно письмо. Я засунула его в школьную сумку, чтобы в обеденный перерыв показать Эсме и Чарли. В столовую я вошла первой. Почему тут всегда пахло вареной капустой? Нас никогда не кормили овощами. Несмотря на все разговоры о здоровых обедах, хот-дог и чипсы были едва ли не единственными узнаваемыми кушаньями, подаваемыми сварливыми женщинами в розовых комбинезонах и сеточках для волос, которые выглядели так, будто предпочли бы находиться в любом другом месте, только не здесь. Я вытащила из холодильника жалкое подобие салата. Замерзшие помидоры и огурец с кусочком тунца. Наестся этим было невозможно, но я хотела сбросить полстоуна^[3] до Рождества, во время которого, как я знала, наберу вес на шоколадных конфетах и пирожках с фруктовой начинкой.

Стоя в очереди, чтобы заплатить за еду, я не смогла удержаться от того, чтобы прибавить к ней чашку горячего шоколада. Я заслужила его за те калории, что сэкономила на салате. К тому времени, как я добралась до нашего обычного стола, Эсме и Чарли были уже там.

- Ты слышала о Шиван? – Чарли подсакивала на своем сиденье.
- Нет.
- Ее вышибли.
- Что? Почему? – Шиван была самой умной из нас.
- Украла ноутбук.
- Это нелепо. Она бы не стала. У нее есть ноутбук.
- Ее засекла камера видеонаблюдения. Утром приезжала полицейская машина.
- А как же университет?
- Она не сможет туда поступить. Ей запретили сдавать выпускные экзамены.
- Господи! – Я была потрясена.
- Не могу в это поверить. – Эсме нервно покусывала губу. – У меня такое чувство, что я по-настоящему ее не знала.
- Мы и не знали, – сказала Чарли. – Посмотри, что она сделала Грейс.
- И продолжает делать. Я сегодня получила еще одно письмо.

– Стерва, – выпалила Чарли.

– Это точно, – согласилась я, но, заметив Эбби, всхлипывающую в углу в окружении заинтересованных «друзей», охотящихся за информацией о ее беспутной сестре, невольно ее пожалела.

Было большим облегчением не видеть каждый день Шиван. Слухов было полно. Она была членом организованной преступной шайки. Ее отец был мафиози. Мой одноклассник Стивен Браун сказал, что Шиван предложила ему купить у нее ноутбук за сто фунтов. Он не мог позволить себе новый, но понятия не имел, что у нее краденый. В это я верила. У Шиван не было работы, как у нас, остальных. Я по воскресеньям работала в кофейне, Чарли сидела с маленькими детьми, а Эсме помогала матери доставлять любовные романы издательства «Эйвон». Родители Шиван не хотели, чтобы она отвлекалась от учебы. Для чего ей так понадобились деньги?

Вероятнее всего, на канцелярские принадлежности. Письма приходили почти каждый день, и я была усталой и раздражительной. Чарли хотела начать поиски своего отца, но я старалась не запускать учебу, мое внимание распылялось. Мы пытались делать намеки Лекси: притворялись, что видели шоу Джереми Кайла, где девушка требовала, чтобы мать рассказала ей, кто был ее биологическим отцом, состряпали историю о некоей девочке из школы, которая только что нашла своего отца. Но Лекси лишь закуривала очередную сигарету, наливала себе очередную рюмку и пропускала все это мимо ушей.

Как-то в пятницу мы через парк шли домой из школы. На качелях сидела одинокая фигура, светлые локоны спиралями выбивались из-под ярко-желтой шапки с кисточкой. Шиван.

– Пойдем по другой дороге, – потянула я Чарли за руку.

– Я не собираюсь от нее прятаться. – Чарли направилась к ней, хрустя по мерзлой траве, тяжелое дыхание облачками вылетало у нее изо рта. – Ой! Воровка.

Я напряглась, ожидая, что Шиван сейчас взорвется, но, когда она обернулась, я резко втянула в себя ледяной воздух и закашлялась. Глаза у Шиван покраснели, бледное лицо было в пятнах.

– Я ничего не крала.

Чарли тяжело уставилась на Шиван:

– Я тебе верю.

– Спасибо. – Шиван протянула ей руку, но Чарли ударила по ней.

– Я верю тебе так же, как верю, что ты не посылала писем Грейс.

– Я...

– Брось. Тебя засекла камера видеонаблюдения. Что, понадобились деньги на марки? Ты жалкое ничтожество. Дэн любит Грейс. Он не станет смотреть на такую дрянь, как ты.

Шиван шмыгнула и вытерла нос тыльной стороной перчатки.

– Пожалуйста. Мы ведь когда-то дружили.

– Дури нас больше. – Чарли ухватила меня за запястье. – Пошли, Грейс. Нас ждут остальные.

– Позвольте мне с вами. – Шиван с мольбой стиснула руки. – Родители меня ненавидят. Даже Эбби не желает со мной разговаривать.

– Отвали, Шиван. – Голос у Чарли был резок, но когда мы шли прочь, я заметила у нее на глазах слезы.

Глава 27

Настоящее

Не могу поверить: мне надо идти домой и сообщить Дэну, что я, скорее всего, потеряла работу. Моя «Фиеста» стоит на стоянке «Только для сотрудников», и я, опустив голову, прошмыгиваю к водительской двери с ключом в руке. Бросаю сумку на пассажирское сиденье, сажусь в машину и запираю дверцы. Мне не по себе – где-то есть человек, который явно меня ненавидит. Грег? А может, тот человек, который меня преследует?

Мне не впервой иметь врага. Уношусь мыслями в те времена, когда мне было восемнадцать. Вспоминаю, чем это кончилось, и хочется плакать. Я звоню маме. Может быть, когда я вслух произнесу эти слова, все покажется не так уж плохо и мне будет легче повторить их Дэну. Слышатся бесконечные длинные гудки, и я жду, когда включится голосовая почта, но тут мама отзывается.

– Привет, Грейс. – Она тяжело и хрипло дышит. – Как ты?

– А ты как? У тебя такой голос, будто ты бежала.

– Приехала дочь Оливера со своими детьми. Мы играем в прятки. Ты хотела мне что-то сказать?

Меня пронзает ревность. Она никогда не играла со мной, пока я росла, а вот теперь играет с внуками Оливера. Хотя я понимаю почему, все равно мне больно.

– Ничего важного. – Я сглатываю комок, чтобы голос не надломился. – Возвращайся к детям. Позвоню на следующей неделе.

Я стискиваю зубы и завожу мотор, подсакивая, когда машину наводняет звук. Это я прибавила громкости сегодня утром, когда местная радиостанция передавала подборку хитов восьмидесятых. Песня группы «Электрик лайт оркестра» «Мистер голубое небо» разносится по салону, и я вырубаю стерео и прислоняюсь лбом к рулю. В голове звучит папин голос: «Эй, эй, настал прекрасный новый день». Если бы он был здесь, то выслушал бы меня. Стоит тишина, нарушаемая только звуком моего прерывистого дыхания, и я жалею, что не могу навечно остаться в машине, как в коконе.

В окно стучит Лин, я поднимаю голову, улыбаюсь и киваю: все, мол, нормально – и задним ходом выезжаю со стоянки. Еду домой, и если есть на дороге какие-то другие машины, то я их не замечаю. Колеса крутятся и

крутятся, неся меня вперед, и слишком скоро я оказываюсь дома.

Не успеваю я закрыть за собой входную дверь, как на меня обрушивается звук повышенных голосов. Я кидаю ключи в емкость для всякой всячины на телефонном столике и громко кричу: «Привет!»

В гостиной включен телевизор, режут моторы, по экрану носятся машины «Формулы-1».

Дэн сидит на краешке дивана, голова опущена, в руке блок управления игровой приставкой. Над ним, оперев руки в бока, возвышается Анна.

– Что происходит?

– Дэн не умеет проигрывать. Он не любит играть в игры, да, Дэн?

– Не в твои. – Взгляд у него мутный. Голос низкий и угрожающий.

– Это потому что...

– Заткнитесь, вы оба. Сегодня мне только этого не хватало. – Я беру пульт и заглушаю телевизор. – Меня отстранили. – Я сажусь рядом с Дэном, кладу голову ему на плечо. Миттенс прыгает ко мне на колени, и я чешу ей шейку, радуясь, что можно отвлечься.

– Как? Почему?

Я пересказываю свой день.

– Но Лин прелесть. Она велела мне оставить у себя ключ, потому что считает, что я вернусь на работу. Вопрос в том когда. Не знаю, это зависит от «Офстеда».

– Это ужасно, – говорит Анна. – Кто-то действительно на тебя ополчился. Как ты думаешь кто?

– Какой-то засранец, которому нечем заняться, – говорит Дэн.

– Лин думает, это Грег, отец Эмили. У нас с ним был конфликт несколько недель назад.

– Но ты так не думаешь?

– Не знаю. Я считаю, что меня кто-то преследует уже некоторое время.

Дэн смотрит на меня с сомнением:

– Ты уверена? Ты же знаешь, какой ты бываешь... подозрительной.

– Это правда. Я его тоже видела, – говорит Анна. – Я погналась за его машиной.

– Какого черта ты мне ничего не сказала? – негодует Дэн.

– Не хотела тебя волновать.

– Если я поймаю того, кто тебя преследует, ему придется иметь дело со мной.

– Ну прямо рыцарь в сверкающих доспехах, – говорит Анна.

– Анна?

– Да, Дэн.

- Заткни рот.
- Да уймись же вы!

Наступившая тишина ощущается тяжелой и неуютной, более угнетающей, чем крик.

- Я хочу принять ванну и провести тихий вечер.
- Я уйду. Футбольная тренировка.
- Я тоже уйду. – У Анны бунтарский вид.
- Что-то приятное? – спрашиваю я ее.
- Вообще-то я на свидание.

Дэн встает, мышцы у него на шее подергиваются.

– Жаль, что не на собеседование. Увидимся. – Он целует меня в макушку. Я пытаюсь поймать его руку, но он исчезает в дверях, и я хватаю только воздух.

– Извини, что встретили тебя вот так, Грейс. Я довольно задириста.

– Как и Дэн. – Я делаю глубокий вдох. – Думаю, ему трудно делить с тобой пространство. Мне хорошо с тобой, но было бы неплохо иметь представление о твоих планах.

– Конечно. Извини. Я знаю, что не могу остаться навечно. Скоро я что-нибудь придумаю. Обещаю. Было так приятно с тобой познакомиться, узнать о Чарли. Мне бы только хотелось познакомиться с Лекси. Послушать про маленькую Чарли, увидеть какие-нибудь фотки. Как бы то ни было, я приготовлю тебе ванну. У меня есть чудесное масло, оно тебя расслабит.

– Спасибо, Анна.

Она поднимается вверх по лестнице, и напряжение в комнате рассеивается. Я закрываю глаза и глажу Миттенс, убаюканная ее мягким урчанием.

– Что бы я без тебя делала? Тебе ведь все равно, что говорят люди?

Она похлопывает меня мягкой лапкой.

– Ванна готова, – зовет Анна.

Пищит телефон. Это эсэмэска от Дэна. «Она должна уйти».

Мне не терпится смыть с себя этот день.

Анна откопала пакет греющих свечей в металлических стаканчиках, и ванная мерцает и сияет. С полотенцесушителя свисает пушистое белое полотенце, на двери висит мой купальный халат. На подоконнике стоит бокал холодного белого вина, рядом – мои айпод и наушники.

– Вот. – Анна вручает мне «Джейн Эйр». – Что-нибудь еще?

– Мне кажется, ты подумала обо всем. Это сказочно, я чувствую себя

как в романтической комедии.

– Нам всем хочется, чтобы за нами время от времени ухаживали.

– Спасибо тебе.

– Пожалуйста. Хочешь, чтобы я тебе что-нибудь приготовила перед уходом?

– Нет, спасибо. В морозильнике есть пицца, на тот случай, если я проголодаюсь. С кем у тебя свидание?

– Просто с одним парнем, с которым я познакомилась в Интернете, мы идем перекусить в «Бифитер».

– Желаю хорошо провести время. Пока, будь умницей.

– Какой тогда интерес?

Она улыбается, а потом оставляет меня наедине с моей ванной и моими мыслями, рваными и путаными. Вода действует как шлифовальный станок, обтачивая острые края, и вот наконец мне удастся закрыть глаза и расслабиться.

Я лежу в ванне до тех пор, пока вода не остывает, а кожа на пальцах морщится. Эмоционально истощенная, я пропускаю ужин и иду прямоком в кровать, где засыпаю крепким сном. Я не слышу, как Анна и Дэн приходят домой.

Дэн бросает полотенце на пол и сдергивает с вешалки рубашку. Я не могу припомнить, когда в последний раз видела его голым. Обычно я ухожу на работу раньше его, а в выходные, собираясь на раннюю тренировку, он частенько одевается в ванной. Почувствовав, что я смотрю на него, он оборачивается.

– Я говорила вчера с Анной, – шепчу я, хотя маловероятно, что она может услышать. – Она скоро съедет. Мы можем...

– Мы можем. – Дэн подходит к кровати. Его ладони покоятся на моих плечах, тяжелые, давящие, и я опять укладываюсь на подушку. Он целует мне шею, пробираясь рукой под пижамную рубашку.

– А как же Анна?

– А как же мы? Мы давно этим не занимались.

Он спускает мои пижамные брюки, и мои ногти царапают ему спину, а я закусываю щеку, чтобы удержаться от крика. Глотаю кровь, темную и соленую. Все кончено за несколько минут, но я пьяна от облегчения, что он по-прежнему меня хочет. Что я по-прежнему хочу его.

Дэн садится в кровати, отводит волосы с моих глаз.

– Я соскучился.

– Я тоже. Я люблю тебя.

– Я тоже тебя люблю. – Он проводит большим пальцем по моим губам.
– Может, повторим попозже?

– Можно.

– Нам надо взять перерыв. Поехать на длинный уик-энд к твоей матери. У меня есть переработанные часы. Погуляем у моря, поедем рыбы с жареной картошкой.

– А как быть со всей этой кутерьмой в детском саду?

– Сейчас мы все равно ничего не можем сделать. По крайней мере сигнал в тех краях, у твоей мамы, такой слабый, что ты не будешь каждые пять минут проверять «Твиттер».

– Я позвоню ей попозже и договорюсь.

Мы целуемся на прощание – настоящий долгий поцелуй, не те короткие чмокания, к которым мы привыкли за последнее время. Нелепо думать, что при всех неприятностях на работе я могу быть счастлива, но я действительно чувствую некоторое облегчение. Чувствую себя частью команды. Я знаю: что бы ни случилось, мы с Дэном будем справляться с этим вместе.

Передо мной простирается свободный день, и я решаю сделать весеннюю генеральную уборку. Бесси Смит поет хрипловатым голосом «Пессимистичный блюз», и я тоже напеваю под музыку, приподнимая диван, чтобы пропылесосить под ним. Там столько шерсти, что из нее можно сделать новую кошку. Кто-то постукивает меня по плечу, и я подскакиваю от испуга.

Оборачиваюсь. Анна у стены выключает пылесос, а я вытаскиваю из ушей микронаушники. У нее за спиной стоят двое полицейских.

Комната наклоняется и плывет, и мне кажется, что я на машине времени попала в прошлое.

– Что-то с Дэном?

– Грейс Мэтьюз? Я констебль Данн, а это констебль Уайт. – Мне показывают полицейский значок. Я молча киваю, прижав руки к щекам.

– Вы не против рассказать нам, где вы были вчера вечером?

– Вчера вечером? – Мой голос надламывается. Я провожу языком по сухим губам и начинаю снова: – Вчера вечером? Я была здесь.

– С вами кто-нибудь был?

– Нет. А что?

– Я так понимаю, вы работаете в «Маленьких желудях»?

Я киваю.

– Вчера вечером кто-то разгромил помещение.

– Что? Кто?

– Именно это мы и пытаемся выяснить. Признаков взлома не было, тот, кто это сделал, вероятно, имел ключ. У вас есть ключ, мисс Мэтьюз?

– Да. – Вместо голоса у меня лишь слабый писк.

– Вы не могли бы проверить, до сих пор ли он у вас?

Я иду в прихожую, полицейские за мной. Беру связку ключей и выбираю тот, что от «Маленьких желудей».

– Вот.

– Мы бы хотели, чтобы вы проехали с нами в участок и дали показания. Не могли бы вы надеть обувь?

Анна приносит мои кроссовки. Со второй попытки я просовываю в них ноги, но руки так трясутся, что я не могу завязать шнурки.

– Позволь мне. – Анна наклоняется и завязывает их. – Хочешь, чтобы я кому-нибудь позвонила?

Я тупо смотрю на нее:

– Не знаю.

– Мисс Мэтьюз? – Констебль Уайт открывает входную дверь. Я выхожу и иду мимо клумбы с проклевывающимися нарциссами и колокольчиками к полицейской машине.

На пороге своего дома стоит миссис Джонс.

– Все в порядке, Грейс?

Я не отвечаю.

Забираюсь на заднее сиденье, с трудом веря, что я снова в полицейской машине. Воспоминания проносятся мимо, вместе с деревенскими видами, которые я обычно нахожу столь успокаивающими. Сегодня они выглядят холодными и враждебными. Я закрываю глаза, и в голове у меня вспыхивает фраза из «Твиттера»: *«Грейс место в тюрьме»*.

Глава 28

Прошлое

Сыпал легкий снежок, и затянутой в перчатку рукой я стряхнула его с ветрового стекла. Бабушка и дедушка купили мне на Рождество подержанную «Фиесту», и мне она очень нравилась. Она была серой – цвета плесени, как сказал Дэн.

За «дворник» было засунуто письмо. Кожа покрылась мурашками, и я оглянулась, проверяя, не следит ли кто за мной, прежде чем скомкать конверт и засунуть его в карман. Со времен обувной коробки «подарков» больше не было, но письма продолжали приходить, с каждым разом все более угрожающие. Я старалась не брать в голову, но это было трудно. Я не понимала, почему Шиван продолжала это делать, но по крайней мере была избавлена от необходимости каждый день видеть ее в школе.

В окне гостиной дернулась занавеска, и я увидела выглядывающее из-за нее изрезанное морщинами бабушкино лицо. Я выдавила из себя улыбку и помахала ей. Я скрывала от нее эти письма, она и так достаточно волновалась из-за моего вождения, и я не хотела, чтобы и мама о них узнала. Было приятно, что она проводит Рождество с нами, но наши отношения были все еще новыми. Хрупкими. Я не хотела, чтобы что-то создавало дополнительную нагрузку. Боялась снова ее потерять, поэтому лучезарно улыбалась маминим шуткам, не затрагивая в наших разговорах серьезных тем.

С напряженной, как камень, спиной я сидела, вцепившись в руль, пока моя машина, пыхтя, двигалась по деревне. Дэн находил забавным то, как я неизменно придерживаюсь минимальной скорости, но его водительский стаж был на год больше моего. «Черепаша всегда в конце концов доберется до места», – говорила бабушка. Несмотря на то что дороги были пустынные, перед поворотом на улицу, где жила Чарли, я подала световой сигнал.

Не выключая мотор, я посидела некоторое время в машине, проверяя зеркала, чтобы удостовериться, что за мной никто не следит, и только потом вышла и торопливо зашагала по дорожке. Я постоянно нервничала, вздрагивая от самых незначительных вещей: от теней, отбрасываемых в мою спальню деревом в палисаднике, от лая собак. Я пыталась уверить себя, что письма не могут меня задеть, но тревога накрепко поселилась в моем желудке, оставляя мало места для еды. По крайней мере я теряла вес.

Я потопала ногами по деревянному полу, отряхивая с ботинок ледяные кристаллы.

– Это я! – крикнула я, направляясь в кухню. Лекси не могла себе позволить постоянно отапливать «весь чертов дом целиком», но на кухне пощелкивал тепловентилятор, то включаясь, то выключаясь, в попытке регулировать температуру.

– Вот, получила еще одно. – Я бросила конверт на стол и тяжело опустилась в неудобное деревянное кресло.

– Что в нем говорится? – Чарли подхватила его. – Ты его еще не открыла? – Она вскрыла конверт, вытащила из него разлинованный лист формата А4 и развернула его.

«УЕЗЖАЙ, А НЕ ТО ПОЖАЛЕЕШЬ». Буквы были неровные, вырезанные из журнала, точно так же как во всех других письмах.

– Проклятая Шиван. – Чарли швырнула письмо на стол.

– Она говорит, это не ее рук дело.

– А что ей еще говорить? Кто, кроме нее?

– Это тебе. – Лекси поставила на стол выщербленную кружку чая с молоком. Я прижалась к спинке кресла, отвернувшись от ее пропитанного перегаром дыхания. Она подвинула ко мне пачку печенья, рука у нее при этом так сильно дрожала, что было удивительно, как это печенье не раскрошилось.

– Должно быть, это чертовски ужасно. Не знаю, как у тебя получается концентрироваться на экзаменах.

– У меня и не получается, – зевнула я.

Лекси взяла в руки письмо.

– Почему бы тебе...

– Почему бы мне что?

– Не уехать? Я имею в виду не навсегда, но ты могла бы пожить у своей матери в Девоне, пусть эта Шиван поостынет.

– Нет. – Я даже помыслить не могла о том, чтобы уехать далеко от Дэна. – Это все только слова. Они боли не причинят...

– И она не хочет оставлять Дэна. За последние недели я ее почти не видела, – сказала Чарли и была права. – Ты превращаешься в одну из тех девчонок, которые бросают своих подруг, когда у них появляется парень.

– Нет, я просто...

– Ты выглядишь чертовски измученной, Грейс.

– Верно, но это важный год. У меня экзамены. Я в состоянии справиться с этими письмами.

– И еще она обещала помочь мне с одним важным делом. – Голос

Чарли смягчился. – На самом деле, мам, мне нужно...

– Вот зараза! – воскликнула Лекси, когда ее кружка грохнулась на пол. Она схватила серую тряпку, которая когда-то могла быть белой, и, опустившись на колени, стала промокать кофе. Потом встала и выжала тряпку. Грязного цвета жидкость потекла на наставленные в мойке тарелки с засохшим кетчупом.

– Мы, пожалуй, пойдем. – Чарли сгребла волосы назад. – У нас встреча.

– Встреча? – спросила я.

– Встреча. Не хочешь оставить здесь свою машину? В городе будут толпы людей из-за распродаж, а ты хреново паркуешься.

– Спасибо. Ладно. Давай поедem на автобусе.

Я, съездившись, сидела на скамейке на главной улице и притопывала ногами, чтобы согреться. Чарли в последнюю минуту выскочила из автобуса – она забыла кошелек. Я надеялась, что она успела вернуться домой, найти его и прибежать на остановку к тому автобусу, который сейчас катился ко мне. Он подъехал к остановке, и я с облегчением увидела машущую мне из окна Чарли. В городе творилось что-то невообразимое: толпы людей спешили из магазина в магазин, охотясь за неуловимым новогодним нарядом. За платьем, «в котором я не буду выглядеть так, будто съела миллион сладких пирожков». Одежду, продающуюся с пятидесятипроцентной скидкой, тянули с вешалок, тащили на кассу.

Чарли продиралась сквозь толчею. Я держала в поле зрения ее зеленую шапку и старалась не отставать. Несмотря на расспросы, я по-прежнему не имела понятия, куда мы идем.

Она остановилась перед сиренево-синей дверью. Розовая неоновая вывеска мигала словами «Салон тату».

– Ты что, шутишь?

– Я подумала, мы могли бы сделать парные татуировки.

– Ага. А потом мы можем отрастить бороды, – сказала я.

– Ничего мужеподобного. Смотри, что я нарисовала. – Чарли вытащила из кармана клочок бумаги и развернула его. Там была нарисована бабочка. – Мы можем сделать их на каком-нибудь незаметном месте. На плече?

– Ты серьезно? – У меня не было ни малейшего желания носить татуировку.

– Ну да. Новый год, новая жизнь.

– Что подумает твоя мама? Бен?

– Я бросила Бена.

– Что?! Почему? – Это было эгоистично, но меня огорчило, что мы больше не сможем ходить на свидания двумя парами.

– Приглядела себе другого.

– Кого? Бен милый...

– Но скучный. – Чарли сверкнула улыбкой и толкнула дверь. Приемная была по-больничному белой. Из радиоприемника неслись рождественские песни.

– Чарли Фишер? – Я обалдело уставилась на женщину за стойкой администратора. Татуировки, словно виноградные лозы, увивали ее голые руки, змеясь вокруг шеи.

– Это я.

– Привет. Я Нэнси. Запись на две маленькие татуировки, не так ли?

– Пусть будет одна. – Я села на скамейку, скрестив руки на груди.

– Чарли сказала, что, возможно, вы передумаете.

– Передумаю? – переспросила я. – Для этого я должна была сначала согласиться.

– Вредина. – Чарли показала Нэнси свой рисунок.

– Хорошенькая. Вы сами ее нарисовали?

– Да. Я хотела что-нибудь символизирующее свободу.

– Пойдемте, – сказала Нэнси. – Вы можете посмотреть, если хотите, – прибавила она, обращаясь ко мне.

– Вы сами будете делать? – удивилась я. Я-то ожидала увидеть мужчину, в черной майке, с многочисленными пирсингами.

– Да. Ожидали кого-то другого?

Я смущенно покачала головой.

Задняя комната против моего ожидания оказалась вовсе не грязным, обшарпанным помещением. На голых белых стенах в рамах из нержавеющей стали висели постеры с девушками пятидесятых годов. Чарли легла на черную, обитую кожей кушетку, а Нэнси натянула перчатки. Когда игла коснулась кожи, Чарли дернулась, резко втянув в себя воздух.

– Больно? – живо заинтересовалась я.

– Угу. Отвлеки меня. Что ты делала вчера вечером?

– Встречалась с Дэном.

– Не надо быть Эйнштейном, чтобы догадаться.

– Мы ходили в лес с его телескопом. Ночь была очень ясная.

– Небось замерзли?

– Мы разожгли костер, поджаривали маршмеллоу. Согревали друг друга...

– Ну, еще бы! Похоже, вы по-настоящему счастливы?

– Да. Я думала, будет странно перейти от дружбы к другим отношениям, но нет. Я знаю, Чарли, мы пока еще очень молоды, но я думаю, что он тот самый, мой единственный.

– Господи! Через минуту ты попросишь вытатуировать его имя.

Час спустя Нэнси закончила. Она откинулась на стуле и, стянув перчатки, бросила их в мусорную корзину и бегло проинструктировала Чарли, как ухаживать за татуировкой. Чарли пила воду, краска постепенно возвращалась на лицо.

– Ну, а как вы? – посмотрела на меня Нэнси. – Не соблазнились?

– Думаю, это не мое. Хотя красиво.

– Тебе надо расправить крылья и полететь, Грейс, – сказала Чарли.

– Может быть, когда-нибудь, – заметила Нэнси.

– Может быть. – Но на самом деле я сомневалась. Мне нравилось твердо стоять на земле обеими ногами.

Мы выскочили из автобуса, пакеты с покупками хлопали нас по ногам. Я потратила деньги, которые мама подарила мне на Рождество, в магазине «Топшоп» на сиреневое платье с открытыми плечами, которое собиралась надеть следующим вечером на новогоднюю вечеринку в пабе. Мне не терпелось показаться в нем Дэну. Чарли купила красное, как почтовый ящик, платье из лайкры и помаду в тон.

– Хочешь поехать ко мне? – спросила я.

– Да. Только заберу вещи и скажу маме.

– Я подожду в машине.

Я вытащила из сумки ключи, подошла к водительской двери и застыла. На моей машине сбоку большими неровными буквами было нацарапано «СУКА».

Глава 29

Настоящее

– Мне нужен адвокат?

Надеюсь, Анна позвонила Дэну и рассказала ему, где я. Я не уверена, имею ли право на звонок, или это только в фильмах. От ослепительной яркости искусственного освещения у меня болит голова, а запах чистящих средств вызывает тошноту. Воздух в помещении без окон застоявшийся и слишком теплый для зимнего дня. Никогда, даже в самых страшных снах не думала я, что когда-нибудь снова увижу комнату для допросов. Я жду, пока кто-нибудь заговорит. Слышится шелест бумаг, потом полицейские поднимают головы, и наши взгляды встречаются.

– Мисс Мэтьюз, вы не под арестом. На этой стадии вы просто помогаете нам в расследовании.

На этой стадии.

Я протягиваю руку к стоящему передо мной пластиковому стаканчику. Снаружи слышится какой-то грохот, крик, и я бледнею от страха. Вода плещется на стол.

– Извините. – Тепловатая жидкость капает на серый линолеум.

– Давайте начнем сначала. Отвечайте на вопросы честно, и если что-то будет неясно, можете переспросить. Вам понятно?

– Да. – Я хочу сказать правду. Мне нечего скрывать. Я уже сидела в такой же комнате раньше и лгала полиции. Жила в страхе, что меня разоблачат. Не могу сделать это еще раз.

– Как долго вы работаете в «Маленьких желудях»?

– Семь лет.

– Можете вы описать события последних нескольких дней?

Я рассказываю им об Эмили, о том, как не сразу вышла на улицу, когда Лин меня попросила, как Эмили упала. Я не сказала им о том, как до сих пор слышу ее крик, когда закрываю глаза, до сих пор вижу ее скрюченное тельце, лежащее на земле.

– И, как я понимаю, против вас последовала негативная реакция?

– Да.

– А есть у вас соображения, кто был инициатором?

– Несколько недель назад у меня был неприятный инцидент. С отцом Эмили. – Я рассказываю им, что произошло.

- А вам известен кто-нибудь еще, кто испытывает к вам неприязнь?
- Нет. – Мне хочется рассказать о том, что меня преследуют, но, боюсь, они подумают, будто я сочиняю.
- Знаете ли вы еще кого-то, у кого есть причина вламываться в детский сад?
- Нет.
- И вы были дома одна вчера вечером?
- Да.

Мы вновь и вновь пробегаем по моей истории, а затем меня оставляют одну. Я достаю бумажный носовой платок и вытираю пот под мышками, а потом задаюсь вопросом, не следят ли они за мной, нет ли здесь скрытых окон и прозрачных зеркал или все это только выдумки телевидения. Я кладу руки на стол ладонями вниз и закрываю глаза. В коридоре эхом раздаются шаги, и дверь со щелчком открывается.

– Спасибо, мисс Мэтьюз. Пока вы можете идти.

Пока.

Когда я выхожу из полицейской машины возле моего коттеджа, тюлевые занавески миссис Джонс вздрагивают. Я спешу по дорожке, ругая себя за то, что не взяла телефон. Дверь заперта. Я звоню в звонок, вглядываюсь внутрь через щель для писем. Анна не открывает. Я барабаню в дверь кулаками, вымещаю на ней свою досаду, а потом опускаюсь на холодную каменную ступеньку, дрожа в своей тоненькой толстовке с капюшоном. Что же делать? Нельзя показываться на глаза миссис Джонс, которая забросает меня вопросами, если выйдет из дому. Прятаться кажется нелепым, но я прячусь, трусцой бегу за дом и выскальзываю через заднюю калитку в огород. В теплице холодно, как в морозилке, я сажусь на пол, скрестив ноги, и сырость пробирается сквозь тренировочный костюм. Проходит совсем немного времени, и задница у меня немеет.

Первым приходит Дэн. Я слышу тарахтение «Лендровера» и обегаю дом, заходя с фасада.

– Грейс, ты что, вышла пробежаться?

Я бросаюсь ему в объятия.

– Грейс? Ты вся дрожишь. Давай в дом.

Он ведет меня к дивану. Комья компоста крошатся с моих кроссовок на вычищенный пылесосом ковер. Я их не подбираю.

– Грейс, прости меня, пожалуйста. – Анна влетает в гостиную, все еще в пальто и ботинках.

– Я не могла попасть в дом, – едва не плачу я.

– Я ходила искать Миттенс.

– Что? – Я стремительно обвожу взглядом гостиную в поисках безотлучно находившегося здесь серого пушистого шарика.

– Когда ты уехала, пришла миссис Джонс и начала задавать вопросы. Я не хотела впускать ее в дом, поэтому стояла возле открытой двери. Миттенс прошмыгнула мимо меня. Я не смогла ее поймать.

– Миттенс никогда не выходит за дверь.

– Знаю. Должно быть, она увидела кролика или еще что-то.

– Что ты наделала, сука поганая? – Голос у Дэна тих и спокоен. Он делает шаг вперед.

Анна отступает к двери.

– Это был несчастный случай. Так бывает, и никто не виноват. – Ее шаги раздаются в прихожей, потом хлопает входная дверь.

– Дэн?

Дэн прижимается подбородком к моей макушке.

– Прости, прости, прости, – шепчет он мне в волосы.

Я отталкиваю его.

– Что происходит? Где Миттенс?

Он берет меня за руку. Ладонь у него потная.

– Грейс...

Глава 30

Прошлое

Моя красивая новая машина была испорчена. Дорога перед глазами расплывалась, и голос Чарли звучал приглушенно, но каким-то образом я все-таки умудрилась благополучно доехать домой и поставила машину под таким углом, чтобы поврежденная сторона была не видна из дома. Я не хотела, чтобы дедушка и бабушка узнали о происшествии. Мы с Чарли сбросили обувь на коврик и стали на цыпочках пробираться вверх по лестнице, когда, скрипнув, отворилась дверь гостиной.

– Хотите чаю? – спросил дедушка.

Я открыла рот, чтобы ответить, но рыдания перехватили горло, не пуская слова.

– Что случилось?

Я покачала головой. Чарли взяла дедушку за руку и повела на улицу, а я наблюдала из-за занавесок гостиной, как дедушка проводит пальцем по буквам, процарапанным на лакокрасочном покрытии машины. Чарли отчаянно жестикулировала, и я знала, что она объясняет происхождение букв и, вероятно, рассказывает о том, как Шиван застала нас с Дэном целующимися, и мне стало стыдно.

Они повернулись лицом к дому, и я отступила от окна, тяжело опустилась на диван и закрыла лицо руками.

– Идем. – Голос дедушки был резок. Я расставила пальцы, краем глаза глянула на его лицо.

– Прости.

– Мы идем к Шиван, – сказала Чарли.

– Что? – Я уронила руки на колени. – Зачем?

– Пусть платит за ремонт, вот зачем.

– А разве страховка не покроет ремонт? – Я ненавидела себя за то, что хочу избежать столкновения, но я действительно этого хотела.

– И пусть моя страховая премия возрастет?

Я проглотила комок. Дедушка и бабушка продали выигрышные облигации, чтобы позволить себе купить машину, было несправедливо ожидать от них дополнительных расходов.

– Я сама могу заплатить. У меня есть теперь папины деньги.

– Ты не будешь платить. Эти деньги тебе на будущее. Я поведу

машину.

Иногда с дедушкой было невозможно спорить. Я встала и вручила ему ключи от машины.

Во время нашей молчаливой поездки я ерзала на сиденье. Мы направлялись через деревню к дому Шиван, расположенному в новом микрорайоне. Она жила в большом особняке, стоявшем так близко к соседним домам, что ряд зданий смотрелся как террасная застройка. Перед эркером росла ель, увитая световыми гирляндами, огоньки то зажигались, то гасли, словно посылая сигналы SOS. Дедушка нажал кнопку звонка, и Чарли стиснула мою руку. Послышалась мелодия рождественского гимна «Добрый король Вацлав». Чарли подавила смехок.

Дверь открыла мать Шиван. Когда она увидела меня, ее красно-лиловые губы скривились в презрительной усмешке.

– Что вам нужно?

– Мы пришли по поводу писем, которые Шиван посылает Грейс, и повреждения ее машины. – Дедушкин голос был тверд.

– Она не посылала никаких писем.

– Нельзя ли нам ее увидеть?

– Ее здесь нет.

– Как удобно.

– Она рассказала мне о твоих обвинениях. – Мать Шиван ткнула в меня пальцем, и я отпрянула. – Как ты всех восстановила против нее. Она была очень расстроена. Это по твоей вине ее исключили. Она была не в себе, когда взяла тот ноутбук.

– Грейс тут ни при чем, – выступила вперед Чарли, становясь плечом к плечу с дедушкой.

– Мы пришли по поводу машины, – твердо сказал дедушка.

– Мне ничего не известно о вашей машине.

– Ее сегодня намеренно поцарапали.

– Сегодня? – фыркнула мать Шиван.

– Да.

– Шиван в Брайтоне. Проводит там день с Джереми.

– Джереми?

– Со своим бойфрендом. Впрочем, это не ваше дело.

Дверь захлопнулась, и я вздрогнула.

Обратно мы ехали так же молча. Чарли возилась со своим телефоном.

– Ни черта себе! – Чарли показала мне телефон. – Посмотри, кто такой этот Джереми! – Шиван в это утро выложила в «Фейсбуке» селфи, на котором была изображена вместе с главарем парней, которых мы прозвали

«ходячими мертвецами». Они стояли, прижавшись друг к другу на брайтонском пирсе, его бирюзовые волосы развевались на ветру, а ее холодный взгляд был устремлен к горизонту. Ни тот, ни другая не улыбались. – Если Шиван в Брайтоне, то письма тоже посылала не она.

– Не она. – Меня охватила дрожь. *Кто же это сделал?*

Консилер, который мама подарила мне на Рождество, из всех сил пытался замаскировать глубокие тени под глазами, но, сделав макияж для новогодней тусовки в пабе, я все равно выглядела так, будто накануне всю ночь пьянствовала. Я была не самой большой поклонницей Шиван, но если она не посылала тех писем, я чувствовала, что должна перед ней извиниться. Но уговорить Чарли изменить точку зрения будет трудно. Она не выносила лгунов: Лекси годами утаивала от нее правду, и это оставило на Чарли свой отпечаток. Кроме того, вне зависимости от того, посылала Шиван письма или нет, камера засекла ее за воровством.

Раздался звонок, и из прихожей донесся низкий голос Дэна. Я в последний раз провела по волосам выпрямителем, хотя знала, что к концу вечера они все равно превратятся в курчавую рыжую массу, и побрызгала ванильным парфюмом на шею и запястья. Глядя в зеркало, я втянула живот. Слишком поздно сожалеть о последнем съеденном куске рождественского кекса. Я была готова отправляться.

Когда я сбежала вниз, Дэн восхищенно присвистнул, а я зарделась и уставилась в пол, он же принялся заверять дедушку, что поскольку собирается пить, то не сядет за руль на обратном пути. По дороге в паб мы заехали за Чарли, и Дэн тут же опустил окно и втянул носом свежий воздух. Она всегда перебарщивала с дезодорантом для тела под названием «Импульс».

Стоянка для машин была занята, и Дэн припарковался под фонарем. «Увидимся завтра, дорогая», – похлопал он рукой по капоту. Я закатила глаза. Затем мы протиснулись в бар. Народ стоял в три ряда, и мы купили по две порции, чтобы снова не стоять в очереди – но зато и выпили их в два раза быстрее обычного. Вечер бежал быстро. Дэн рассказал о том, как на этой неделе возил пожилую пару смотреть выставленный на продажу дом. Предположительно дом пустовал, но когда они приехали, то застали владельца, занимающегося сексом в главной спальне.

– Все оказалось бы еще не так плохо, если бы в постели с ним была его жена! – смеялся Дэн.

– Хорошо, что мы все вместе, – сказала я. – Ну, почти все. – Эсме всегда проводила Рождество во Франции и вернется не раньше следующей

недели. – Как вы думаете, нам стоит позвонить Шиван? Извиниться?

– Нет. – Чарли стукнула стаканом по столу. Сидр выплеснулся ей на пальцы, но она, похоже, даже не заметила.

– Она не посылала тех писем. – Мы обвинили Шиван в том, чего она не делала. Из-за этого все ее возненавидели. Несмотря на ее отношение ко мне, чувство вины свербело под кожей, и его становилось все труднее и труднее игнорировать.

– Мы этого точно не знаем.

– Как бы она могла, если была в Брайтоне?

– Эбби-то здесь, а не в Брайтоне. Она преклоняется перед Шиван, значит, могла легко доставить письмо и исцарапать твою машину.

Я поразмыслила над этим.

– Возможно, но Шиван говорила, что никто из членов ее семьи с ней не разговаривает, включая Эбби.

– Даже если это не она и не Эбби, Шиван все равно воровка и лгунья. Перестань ее защищать, – резко произнес Дэн. – Ты слишком добрая.

– Ну, а предположим, это не она, – сказала Чарли. – Кто бы тогда это мог быть?

Было очень неприятно думать, что есть еще человек, который меня ненавидит. В каком-то смысле было легче поверить, что это Шиван.

– Ладно, давайте сменим тему. – Я откинулась на спинку стула и выдохнула. Мы ведь пришли сюда отпраздновать наступление Нового года. Жизнь с чистого листа.

– Я иду пописать. – Чарли встала, качнулась, и, глядя ей вслед, я видела, как она продирается сквозь толпу. Половину присутствующих я не узнавала.

– Ты знаешь, почему Чарли и Бен разошлись? – спросила я Дэна.

– Нет. Но он очень расстроен. Не захотел сегодня прийти. Вообще не хочет ее больше видеть.

– Это нелегко в нашей небольшой деревне.

– Он планирует поехать волонтером в Африку, когда сдаст экзамены. Будет помогать строить школу. А оттуда пойдет прямо в университет.

– Как жаль. – Я не любила перемен. Наверное, слишком много их повидала. – Чарли говорит, что положила глаз на кого-то еще, но не говорит на кого.

Чарли вернулась быстро.

– Там была просто ужасная очередь. Я пошла в мужской туалет. – Она плюхнулась на стул, снова подхватив свой стакан.

Прозвенел звонок.

– Время пошло, бар закрывается, – закричал Майк, накрывая полотенцем дозировочные краны. – Возобновим обслуживание в будущем году.

– В следующем году? – крикнул кто-то.

– Ага. Примерно через шестьдесят секунд. – Майк направил пульт управления на плоский экран телевизора над барной стойкой. Трафальгарская площадь была забита народом. *Десять... Девять... Восемь...*

– Мне некого целовать. – Со страждущим видом Чарли взобралась на стул и оглядывалась вокруг в поисках подходящего мужчины. – Нам придется поделить Дэна.

Семь... Шесть... Пять... Дэн взял мои руки в свои.

Три... Два... Один... Наши губы встретились. Меня оглушили свист и восторженные возгласы, потом звуки постепенно стихли, я слышала только биение собственного сердца. Когда я снова открыла глаза, Чарли исчезла.

Меня подняли на ноги жена Майка Лиз и человек, в котором я узнала нашего почтальона, но чье имя не могла вспомнить. Голова у меня кружилась, и я наткнулась на наш стол, острый угол врезался в бедро, и мой стакан опрокинулся. Прежде чем я смогла его выровнять, меня подхватили с двух сторон, и так, держась за руки, все запели традиционную новогоднюю застольную «Доброе старое время».

Я потеряла Дэна из виду, он ненавидел петь, так что, вероятно, где-то прятался. Я выкрикивала слова, хотя знала только первый куплет, но, похоже, это не имело значения. Меня захватило происходящее, я никогда не испытывала ничего подобного. Обычно мы дома просто бодрствовали до полуночи и поднимали тост за Новый год – бабушка с шерри, дедушка с портвейном, а я с горячим шоколадом, – а затем напрямую отправлялись спать. Всегда это странным образом вызывало разочарование. Мы смотрели на часы, ожидая, пока стрелки дотикают до полуночи, и оставалось чувство, что, хотя наступил совершенно новый год, все осталось таким, как прежде. Бабушка мыла перед сном чашки, дедушка наполнял ей грелку, а мне напоминали почистить зубы, точь-в-точь как в любой другой вечер. Первое января тоже было похоже на все другие дни, хотя мы всегда в этот день ели жареного барашка.

Но сейчас? Это было изумительно. Я чувствовала себя невесомой. Непобедимой. И кто знал, что я могу петь? Песня закончилась, и Майк поставил компакт-диск с подборкой разных композиций. Я громко подпевала группе «Дестинис чайлд»: «Я уцелела...» Бродила по пабу, смеялась и обнимала незнакомых людей с сияющими улыбками и

горящими глазами. Но куда подевались Дэн и Чарли?

Кто-то схватил меня за руку выше локтя, и я обернулась, упиваясь чужим вниманием. Все хотели со мной поговорить, вот бы каждый день был Новый год. Передо мной стояла Эбби, ее лицо было обеспокоенным.

– Выше нос! – сказала я. В эту ночь я любила всех. – Ведь это Новый год. – Я пошатнулась и прислонилась к стене, чтобы не упасть. Пол будто двигался.

– Ты не видела Шиван?

– Она, наверное, с Джереми – Павлинъей Головой, – хихикнула я. Я умела петь и умела острить. Мои новообретенные таланты сделают этот год самым лучшим из всех.

– Грейс! – Эбби схватила меня за плечи и встряхнула. Содержимое моего желудка взболтнулось, и я вдруг перестала чувствовать себя так уж хорошо. – Шиван пропала. Если ты ее увидишь, попроси позвонить мне. Я была с ней настоящей стервой, и я беспокоюсь.

Лицо Эбби то расплывалось, то опять возвращалось в фокус, а потом у нее появилось две головы. Желудок крутился каруселью. Я зажала рот обеими руками и бросилась к туалетам.

Чарли и Дэн стояли в коридоре, и он обнимал ее. Когда Дэн держал в объятиях меня, моя голова покоилась у него на груди, но Чарли была такой высокой, что их лбы соприкасались.

– Я скажу Грейс завтра, – произнес Дэн.

Я попятилась назад, к двери. Не хотела слышать, что он говорит. Не хотела верить своим глазам. Дэн и Чарли? Что он собирался рассказать мне завтра?

Кто-то хватал меня за талию, сомнительные голоса требовали новогодних поцелуев, я с боем продиралась к выходу. После тепла паба ледяной воздух ворвался в грудь, и я наклонилась, упершись руками в колени, уверенная, что сейчас меня вырвет. Но через несколько мгновений тошнота прошла, хотя при каждом движении головы острая боль пронзала виски. Я больше никогда, вообще никогда не буду пить. Тело было тяжелым и окостенелым, как у Железного Дровосека в книге «Волшебник из страны Оз». Хотя Дровосеку повезло в том, что у него не было сердца. Он бы никогда не почувствовал той боли, которую в этот момент чувствовала я.

Мой парень и моя лучшая подруга? С одной стороны, я отчаянно хотела высказать им все, что я думаю, с другой – хотела пойти домой, забраться под одеяло и никогда не вылезать. Почему все меня оставили? Папа, мама... Собирался ли Дэн сделать то же самое? Чарли? Я чувствовала себя совершенно больной. Было трудно поверить, что десять

минут назад я переживала лучшее время в своей жизни.

Неверной походкой я двинулась по главной улице. Казалось, каблуки стали выше, чем были весь вечер. Я шла, расставив руки в стороны, чтобы не упасть. Канатоходец. Хотя со своими кудрявыми рыжими волосами я, вероятно, больше походила на клоуна. Идти было недалеко, но было поздно. Темно. А где-то притаился человек, который меня ненавидел, хотел, чтобы я уехала. Но большинство местных таксистов находились в пабе, а просить дедушку отвезти меня после его портвейна с лимоном было бы нехорошо. Дойду сама, рассуждала я. Ведь я тысячу раз сама добиралась домой.

Треск. Тень. Какое-то движение в дверях почты. Я застыла. Почувствовала, что вот-вот взорвусь: мочевого пузыря был слишком полон, сердце билось слишком быстро. Вспыхнули зеленые глаза. От дверей через дорогу метнулась кошка. Я покачала головой, коря себя за глупость, но заметила еще какое-то движение. Стон. Звук, как будто кто-то прокашливается. Я сбросила высокие каблуки и побежала. Стремительно завернула за угол на Грин-стрит, шлепая ногами в одних чулках по холодному тротуару. Я не заметила битого стекла, но почувствовала, как оно врезается в плоть, вскрикнула и неуклюже хлопнулась на колени. Теплая кровь потекла на тротуар, я застонала, стараясь встать на ноги. В ушах звенело, и мне потребовалось некоторое время, чтобы понять, что это мой мобильный. Я надеялась, что это дедушка. Или Дэн. Кто-нибудь, кто отведет меня домой. Мне хотелось, чтобы меня уложили в постель, подоткнули одеяло, хотелось тепла и безопасности.

Но это оказалась Шиван. Боль в ступне подхлестывала мой гнев. Ей-то что от меня нужно? Дэн и Чарли считали меня безнадежной, потому что я хочу ее простить. Неудивительно, что они ушли вместе. Это она во всем виновата.

— Оставь меня в покое! — завопила я в телефон.

— Грейс! — Шиван плакала. — Пожалуйста, не отключайся. Помоги мне. Мне плохо.

— Отлично. — Я дала отбой и поковыляла домой, стараясь ступать на пятку, избегая переносить вес на подушечку стопы. Телефон все звонил и звонил, но я не отвечала.

Глава 31

Настоящее

Дэн пообещал помочь мне разыскать Миттенс. Мы несколько часов провели на улице в поисках. Небо меняет оттенки: синие переходят в розовые, а те – в серые, пока оно не становится совершенно черным, а звезды скрыты за невидимыми облаками.

– Пошли домой, Грейс. Слишком темно, ничего не видно, да и подмораживает.

Весеннее тепло исчезло вместе с солнцем, и дыхание Дэна вылетает у него изо рта белыми облачками.

– Я хочу найти Миттенс.

– Знаю, что хочешь, но ты совсем вымоталась. Ты весь день не ела. Мы чего-нибудь поедим и пораньше ляжем спать. А завтра начнем поиски прямо с утра.

– Мы?

– Работа может денек обойтись без меня, тебе я больше нужен.

Я просовываю ладонь в его руку, стискиваю пальцы.

Большое облегчение обнаружить, что в коттедже темно. Я толкаю дверь в комнату Анны: в комнате у нее убрано, кровать заправлена. Я выдвигаю ящики. Одежда аккуратно сложена, носки подобраны в пары. Я не знаю, что ищу, но не могу до конца поверить, что Миттенс сама выбежала из дому. Но с какой стати Анне нарочно ее выпускать? В этом нет никакого смысла.

Я стою под обжигающе горячей водой. Кажется, запах полицейского участка впитался в каждую пору, и я тру кожу, пока она не становится розовой, как у поросенка. Дрожа, выхожу из-под душа, насухо вытираюсь и спешу вниз. Дэн подогревает томатный суп, нарезает хлеб. Я слишком взвинчена, чтобы проглотить что-то твердое, но за суп я благодарна, и мы молча сидим за столом, черпая ложками суп и отправляя его в рот. Слышно лишь звяканье ложек о тарелки. Я отодвигаю свою. Качаю головой, когда Дэн предлагает налить добавки.

– Как ты думаешь, где Анна?

Дэн погружает хлеб в суп, белый мякиш становится оранжевым.

– Надеюсь, далеко.

– Ты веришь, что Миттенс выбежала в дверь?

– Не знаю, странно это.

– Я хочу ей позвонить.

Я кладу ладони на край стола и уже собираюсь отодвинуть свой стул, когда Дэн накрывает обе мои руки своими руками.

– Оставь это в покое на сегодня, Грейс. Давай немного поспим, а как только рассветет, пойдем искать. Мы подробно поговорим об Анне, когда найдем Миттенс.

– Ладно. – Вероятно, это к лучшему. Я не знаю, что ей сказать. И уже не знаю, что думать.

Когда я просыпаюсь, в комнате темно и холодно. Дождь хлещет по окнам, и я представляю себе Миттенс, мокрую и дрожащую, забившуюся под куст, не понимающую, где дом.

Я вытягиваю ноги, ледяными ступнями пытаюсь нащупать тепло тела Дэна, но его нет рядом. Я спускаюсь вниз и нахожу его за столом, он склонился над ноутбуком, и светящийся экран озаряет его лицо.

– Что ты делаешь?

– Смотри. – Он поворачивает ко мне экран. Там фотография Миттенс, а над ней слово: «ПРОПАЛА». Внизу призывы к людям проверить надворные постройки, а еще наш телефонный номер. – Мы можем расклеить их по деревне, а еще я отпечатаю листовки поменьше для почтовых ящиков.

Я делаю чай и пью маленькими глоточками, пока он не остывает. На поверхности образуется налет, а я сижу на диване, слушая жужжание и щелканье принтера, изрыгающего изображение за изображением обожаемой морды Миттенс. Брезжит рассвет, я принимаю душ и одеваюсь, заставляю себя сжевать и проглотить тост, сегодня мне понадобится вся моя энергия.

Из-под машин, проезжающих по главной улице с включенными фарами, летят брызги. Водители нетерпеливо стучат по рулевому колесу, когда путь им преграждает мусоровоз. Дедушка и бабушка ждут нас у двери почты, растирая руки в перчатках и притопывая ногами. Бабушка выглядит крохотной, укутанная во множество слоев одежды. Мы коротко обнимаемся и делим стопку листовок на две части. Дэн вынимает из кармана и разворачивает квадрат бумаги. Это карта деревни.

– Я подумал, что вы, Тони, могли бы взять на себя улицы, которые я обозначил желтым.

Дедушка проводит пальцем вдоль подсвеченных маркером дорог,

кивает в знак согласия. Бабушка снимает с руки пакет, сует его мне.

– Фруктовое печенье. Чтобы поддержать сахар в крови.

Постеры приклеиваются клейкой лентой к витринам магазинов и фонарным столбам, пришиваются к доскам объявлений в культурно-спортивном центре и библиотеке.

Когда наступает обеденное время, мы с Дэном покупаем в пекарне сэндвичи с ветчиной и салатом, затем идем в сквер.

Я стряхиваю с сиденья качелей капли воды, потом расстилаю на нем пластиковый пакет, чтобы защитить джинсы. Сажу, держа свой обед на коленях.

– Мы много лет здесь не бывали, – говорю я. – Помнишь глупости, которые ты творил, чтобы впечатлить Чарли?

– Что можно сказать? Я был идиотом. Да и остался. – Дэн зарывается пятерней в волосы.

– Я не виню тебя за то, что ты ее любил. Ее было легко любить. Мне ее не хватает.

– Я ее не любил, это было глупое детское увлечение. Ты для меня единственная девушка. Ты ведь это знаешь, правда? – Он отламывает кусочки корки и бросает голубю, который с важным видом ходит вокруг его ног.

– Я ожидала, что Анна будет, как Чарли. Я хотела, чтобы она была, как Чарли, но она другая, не так ли?

– Да, – резко говорит Дэн. – Пошли. – Он встает, сминает в кулаке пакет из-под сэндвича. – Пора опять приниматься за дело. Мы можем попробовать обойти некоторые дома.

К шести часам мы так ее и не нашли. У нас закончились постеры, мы стучались в двери, пока у нас не заболели костяшки. Дедушка прислал эсэмэску о том, что они пошли домой и позвонят мне позже. Снова хлещет дождь, капли отскакивают от тротуаров, в переполненные водостоки бегут ручейки.

– Давай закончим на сегодня, купим себе еды на вынос. Завтра опять примемся.

В китайской закусочной тепло и душно. От шипящих котелков поднимаются дразнящие запахи. Я разматываю шарф, расстегиваю молнию на куртке, сажусь и листаю газеты, пока Дэн заказывает еду у прилавка. Звенит колокольчик, дверь открывается. Я поднимаю взгляд к двери, откуда пахнуло холодным воздухом. Это Гарри и Хлоя. Хлоя улыбается, выдвигает себе стул напротив меня. Гарри приваливается к прилавку рядом с Дэном, их головы вскидываются к висящему над кассой гигантскому телевизору,

где включен спортивный канал.

– Как поживаешь? – спрашивает Хлоя.

Я рассказываю, что мы весь день искали нашу кошку.

– Это ужасно. Вы разместили фотографию в «Фейсбуке»?

– Еще нет.

– Пришлите мне фото. Я собираюсь выложить фотографии с торжественного обеда риелторов. Жаль, что тебя там не было.

– Я плохо себя чувствовала.

– Знаю. Анна мне сказала. Я удивилась, когда увидела ее там с Дэном.

– Ты ее знаешь?

– Только по клубу.

– По клубу?

– По футбольному клубу. Она работала за барной стойкой. Я думала, ты оттуда ее знаешь.

– Когда это было?

– Она начала там работать прошлой осенью, когда ты не приходила после... Ну, ты понимаешь. После смерти Чарли. Хотя сейчас она уже там не работает. Я не знала, что Дэн поддерживает с ней отношения.

– Так Дэн знаком с ней несколько месяцев?

– Да.

Они знали друг друга, когда я их представляла, и тем не менее оба притворились, что никогда раньше не встречались.

Мне трудно дышать. Я вскакиваю со стула, бегу к двери, едва не споткнувшись о свой шарф, который упал с колен.

Шлепаю по лужам, возбужденно размахивая руками. Ледяной воздух жжет легкие, но я не замедляю хода, пока не достигаю нашего переулочка. Мне необходимо оказаться дома. Собраться с мыслями прежде, чем встречу лицом к лицу с Дэном. С грохотом открываю калитку и роюсь в карманах в поисках ключей.

– Грейс, дорогая. – На пороге своего дома стоит миссис Джонс. Свет, падающий из прихожей, освещает дорожку. Она, прихрамывая, идет вперед и протягивает мне через штaketник маленькую картонную коробку.

– Мне так жаль, дорогая. Почтальон нашел ее на обочине дороги.

– Нет! – Я молитвенно складываю руки.

– Я подумала, что Дэн мог бы ее похоронить.

Я хочу похоронить Дэна. Хочу похоронить Анну. Хочу заползти в какую-нибудь нору и никогда-никогда оттуда не вылезать. Я молча беру коробку и в последний раз несу в дом кошку, которая меня любила, которая никогда никому не причинила зла.

Глава 32

Прошлое

Вот вам и Новый год, новая жизнь. Я села в кровати, открыла глаза, и свет от лампы на прикроватном столике врезался в мозг, словно проволока для резки сыра. Кажется, я заснула с этим светом. Я щелкнула выключателем, пока бабушка не заметила и не указала мне на то, что в Африке есть селения вовсе без электричества. Мобильный телефон лежал под подушкой, и я его вытащила. Девять пропущенных звонков. Я пролистала все поздравления с Новым годом, ища эсэмэску от Дэна.

«Извини, прошу тебя, позвони мне». Он прислал этот текст шесть раз, и я их все удалила. Были эсэмэски и от Чарли, где она спрашивала, куда я подевалась, но ничего от Шиван. Я чувствовала себя ужасно, оттого что проигнорировала ее и не сдержала слово, данное Эбби. Мне следовало дать ей знать, что ее старшая сестра вышла со мной на связь. Я поклялась позвонить им обеим позже. Ответив на мамино эсэмэс, поздравив ее и Оливера с Новым годом, я положила телефон на тумбочку. Язык прилип к нёбу. Я пошарила рукой в поисках стакана с водой и, промахнувшись, опрокинула его на пол. Встала, чтобы взять тряпку. В ступне запульсировала боль, из глаз посыпались искры. Я надеялась, что в ноге не застряли осколки стекла. Завернувшись в халат, я на нетвердых ногах побрела в кухню.

Дедушка сидел за столом, а бабушка возилась со сковородкой. От запаха бекона рот наполнился слюной. Я успела дойти до мойки, прежде чем меня стошнило, в желудке не осталось ничего, только горький вкус желчи драл горло.

– Грейси? – Бабушка намочила в прохладной воде посудное полотенце и приложила к моему лбу.

– Что-то неважно себя чувствую, – констатировала я очевидный факт. – Думаю, у меня пищевое отравление.

– Скорее алкогольное, – покачала головой бабушка. – Мы слышали, как ты пытаешься попасть ключом в замок. Ложись обратно в постель.

Я велела моим мышцам перенести меня обратно наверх, где, не снимая халата, упала на мягкий матрас. Крепко зажмурила глаза и взмолилась о тишине.

Звук открывающейся двери вырвал меня из прерывистых снов.

– Ты не спишь? – спросила бабушка. – Я принесла тебе поесть. – Я посмотрела на часы и с удивлением увидела, что уже половина второго.

На подносе, который держала бабушка, дымился томатный суп «Хайнц». Это был запах уюта. Я сморгнула слезы – кто-то по-прежнему меня любит – и села, подпихнув под спину подушки. Пропотевшая пижама липла к телу, и я расслабила узел на халате, чтобы спустить его с плеч.

– Я налью тебе ванну, пока ты ешь, здесь пахнет, как в пивоварне. – Бабушка приоткрыла окно.

Я проверила свой телефон. Опять был шквал эсэмэсок от Дэна. Я не стала ему отвечать. От Чарли не было ничего нового.

Суп был обжигающий, он ошпарил мне язык, и я обрадовалась внезапному приливу боли, который отвлекал мое внимание от жалости к себе.

– Ванна готова, – позвала бабушка, и я поставила полупустую тарелку на тумбочку.

Вода была горячей. Пар воскресил мою дурноту, и я старалась мыться как можно быстрее, отдирая засохшую кровь от ступней. Порез оказался не так ужасен, как я боялась. Когда я вылезла из ванны, меня охватило головокружение, и я схватилась за полотенцесушитель, пережидая, пока меня перестанет качать.

Почистила зубы, стараясь сдержать рвотные позывы, когда щетка добралась до дальних зубов, и тут в дверь постучал дедушка. Я вздрогнула: этот звук пронзил мои и без того пульсирующие болью виски.

– Там внизу Дэн, – сказал дедушка.

Я, шатаясь, спустилась по лестнице и поманила Дэна через кухню в подсобку. Это было единственное место, где мы могли уединиться – бабушка не пускала парней в спальню.

– Ты выглядишь так же, как я себя чувствую, – сказал он, зарываясь обеими руками в спутанные космы. – Послушай, Грейс, насчет вчерашнего вечера...

– Значит, ты и есть тот парень? – холодно спросила я, отступая в сторону, чтобы быть вне пределов его досягаемости.

– Тот парень?

– Ради которого Чарли бросила Бена?

– Что? Нет!

– Я видела вас в коридоре. Как ты ее обнимал.

– Господи, Грейс. Как ты могла такое подумать? Я люблю тебя. Чарли твоя лучшая подруга. Она чувствовала себя подавленной. Лекси чудит. Это

было дружеское объятие. Ничего больше, клянусь.

Он протянул ко мне руку, я ее оттолкнула.

– Тогда зачем писать мне извинения?

– Потому что я не знал, почему ты ушла, но я же мужчина. Я подумал, что, наверное, сделал что-то не так. Каким-то образом тебя расстроил. Я сильно беспокоился, поэтому пришел сюда. Я видел, что у тебя горит свет. Пытался звонить, но ты не отвечала, я даже бросил камешек в твоё окно.

– Всего один?

– Боялся разбудить твою бабушку.

Я привалилась к сушильному барабану. В подсобке было очень душно. Кожа взмокла, и я бы не удивилась, если бы из пор вместо пота выступил сидр. В барабане крутилось белье, а у меня крутило живот, и в голове было слишком мутно, чтобы извлечь смысл из того, что я тогда увидела. Я помнила то, что слышала. Неужели я все неправильно поняла?

– Ты сказал Чарли: «Я скажу Грейс завтра». О чем?

Дэн отер лоб рукавом, а затем стянул через голову свитер. Футболка задралась, и мне очень хотелось коснуться его кожи. Вместо этого я повернулась и приоткрыла окно.

– Я не хотел рассказывать тебе в такой обстановке. Я планировал приготовить сегодня хороший ланч, создать романтическую атмосферу. В деревне появился один коттедж. Там требуется некоторая доработка, но цена хорошая. Владельцы переезжают в дом престарелых и хотят продать жилье быстро.

– Ну и? Какое отношение это имеет ко мне?

– Я спрашивал Чарли, как она думает, захочешь ли ты переехать туда со мной?

– Что?

– Она знает тебя лучше, чем кто-либо другой. И, судя по всему, она подумала, что это отличная идея. Даже захотела арендовать там вторую спальню. Ты, я и Чарли жили бы вместе. Что ты думаешь?

Меня опалила вспышка стыда. Как могла я подумать, что девчонка, которая вступилась за меня в мой первый школьный день, моя лучшая подруга, меня предаст? В глубине сердца я знала, что она не станет этого делать.

– Но мы не можем *купить* коттедж, – сказала я.

– Можем. Я много об этом думал. Недвижимость нечасто здесь выставляется на продажу, ты это знаешь, – особенно традиционные дома вроде этого. Я произвел оценку и сделал снимки. Если кое-что доделать, жилье будет на славу.

– Но я еще учусь.

– Я знаю, но ты заканчиваешь в мае, если не считать экзаменов, а потом получишь работу в детском саду.

– До этого еще столько времени. Пока я работаю только в кофейне, с неполной нагрузкой.

– Мой базовый оклад, может, и небольшой, но комиссионные солидные, и я хорошо делаю свою работу. Чарли куда-нибудь устроится.

– Нам придется взять ипотечный кредит?

– Он нам не потребуется. Теперь, когда тебе исполнилось восемнадцать, ты можешь воспользоваться деньгами, что оставил тебе отец, и мои родители одолжат нам немного денег для этой цели.

– Ты хочешь, чтобы я потратила те деньги? – Я инстинктивно ошестинилась. Я понимала, что Дэн думает о нашем будущем, но эти деньги имели для меня особую ценность, и мне не нравилось, что Дэн уже решил, как их потратить.

– Ну, если не хочешь, то не трать. Я уверен в том, чего хочу, Грейс, и я о тебе беспокоюсь. Все эти письма, исцарапанная машина. Что следующее на очереди? Если бы мы жили вместе, я мог бы как следует о тебе заботиться. Обеспечить твою безопасность. Твоим бабушке и дедушке, вероятно, будет приятно пожить отдельно, моим родителям точно будет.

Так ли это? Я никогда не смотрела на дело таким образом, и меня приводила в замешательство подобная возможность.

– Я должна поговорить с мамой. Это справедливо, раз деньги от папы.

– Означает ли это, что ты обдумаешь мое предложение?

– Пойдем посмотрим, вреда от этого не будет. – Это не означало, что я согласилась.

– Правда? – Дэн подхватил меня и закружил. Я вцепилась ему в плечи и уткнулась лицом в его шею, надеясь, что меня не затошнит.

– Ты пахнешь одеколоном, – сказала я.

– Я вылил на себя полбутылки мятного геля для душа и три раза почистил зубы. От меня воняло. Господи, как же я с утра хреново себя чувствовал.

– Я тоже. И до сих пор чувствую.

Он опустил меня и шлепнул по попе.

– Иди надень какие-нибудь туфли, женщина. Идем посмотреть коттедж.

– Сейчас?

– Свежий воздух поможет тебе снять похмелье. Не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня. Сыновья стариков настаивают на быстрой продаже. Пойдем пешком. Я думаю, у меня алкоголя в крови до

сих пор больше нормы. Долгая прогулка отрезвит нас немного, и мы можем завернуть в офис за ключами. Хочешь позвонить Чарли? Попросить ее встретить нас там?

Мы потащились через деревню. Бабушка перевязала мне ногу и дала парацетамол. Нога больше не болела. Наши резиновые сапоги оставляли следы на девственном снегу, когда мы шли мимо голых деревьев и радостно визжащих детей, волокущих за собой санки. Казалось невероятным, что мы идем смотреть какой-то коттедж, который может стать нашим общим домом.

Чарли на звонки не отвечала. Где она может быть? Вероятно, все еще в постели с похмельем, но Дэн сказал, что если Чарли захочет, то сможет осмотреть коттедж завтра. Свежий, бодрящий воздух прогнал стучащую боль в моей голове, и вот мы наконец дошли и остановились перед двумя крохотными коттеджами, притаившимися на окраине деревни. С карнизов свисали сосульки.

Дэн толкнул калитку, она со скрипом открылась. Палисадник был весь в снегу, даже толком не видно, растет ли там что-нибудь, но возле дома росло дерево, которое я сочла яблоней, и по обеим сторонам выцветшей красной двери стояли шпалеры для вьющихся растений.

– Это розы?

– Вероятно. Дом называется «Розовый коттедж».

Я захлопала в ладоши, забыв про похмелье.

– В любом случае это твои владения. Женщина занимается садоводством, мужчина ремонтом. – Дэн, как Тарзан, постучал себя по груди, прежде чем повернуть ключ в скрипучем замке. Я отряхнула снег с сапог и шагнула через порог на выложенный плиткой пол. Прихожая была узкой и пахла плесенью, со стен свисали клочья выцветших желтых обоев. В некоторых местах, там, где, видимо, висели рамки, на стенах виднелись более яркие прямоугольники. Я представила себе висящие здесь ряды фотографий пухлолицых младенцев. Карапузов, которые выросли в настоящих мужчин, сжимающих в руках дипломы и подбрасывающих вверх академические шапочки.

Передо мной был лестничный марш, но я направилась в узкий проход и шагнула в комнату слева от меня. Гостиная оказалась больше, чем я ожидала, и была светлой, несмотря на низкий балочный потолок. Зимнее солнце вливалось сквозь стеклянные двери, освещая пыльную решетку настоящего камина. Значит, здесь светло летом и уютно зимой. Подскакивая на цыпочках, я оглядывалась вокруг. Здесь хватит места для компактного стола и стульев, а также для книжного шкафа и дивана. Если

мы купим диван-кровать, мама сможет приезжать и ночевать здесь. Я рисовала в воображении старинный сервант, на котором будет стоять мой проигрыватель для пластинок. Здесь было идеально. Сад простирался, узкий и длинный, с теплицей в конце.

– Дедушке и бабушке здесь очень понравится.

– Там есть и огород, где-то под снегом.

Кухня была напротив гостиной, меньшего размера, потому что находилась под лестницей. Тут была мойка у окна, выходящего на мощеную террасу с кормушкой для птиц.

– Ты сможешь смотреть на птиц, когда будешь мыть посуду, – улыбнулся Дэн и поднял руки вверх, прежде чем я успела его стукнуть. – Просто шучу. Куплю бархатцы.

Наверху была большая главная спальня, вторая спальня поменьше, в которой будет спать Чарли, и ванная комната с отдельно стоящей закругленной ванной и маленькой душевой кабинкой в углу.

– Не могу себе представить, что все это мое. Это так по-взрослому.

– Ты совершенно взрослая. – Дэн встал у меня за спиной и положил руки мне на плечи. – Тебе здесь нравится?

– Не то слово. – Это было место, в котором я могла жить. В котором могла любить.

– Я так и знал, что тебе понравится. Мы могли бы подать заявку, если хочешь.

Я оглядела пустую комнату, представила себе, как до конца жизни по воскресеньям мы лежим здесь в кровати с Дэном, читаем газеты и едим сэндвичи с беконом. Я была уверена, что он и есть тот самый, мой единственный. Мне вспомнились мамины слова.

– Дэн. Ты надел бы ради меня розовую пачку?

– Что? Зачем?

Я взяла его руки в свои.

– Это важно. Надел бы, если бы я попросила?

– Я надел бы для тебя все, что угодно... Но только не на людях.

Я хихикнула.

– Когда мы можем переехать в этот дом?

– Не раньше чем через несколько недель, но мы можем прямо сейчас его опробовать.

И мы занялись этим на голом полу.

На главной улице я поцеловала Дэна на прощание, он хотел пойти в офис и сделать заявку на коттедж. Скорее всего, ее примут. Я была так

взволнована. Скользя сапогами, я побежала к парку, откуда была кратчайшая дорога домой. Кожа на пятках будет стерта до мяса, но мне было наплевать. Я хотела попасть домой как можно быстрее, но, когда на полном ходу завернула за угол, мне пришлось резко затормозить. При входе в парк, сцепив руки за спиной, стоял полицейский. Между стойками ворот была натянута желтая лента с надписью «Прохода нет».

Пришлось идти по улицам, где снег быстро превращался в кашу. Сапоги шлепали по тротуару, разбрызгивая талую слякоть. К тому времени как я свернула на нашу улицу, джинсы промокли насквозь. Возле нашего дома стояла полицейская машина. Несмотря на холод, меня бросило в жар. Охваченная паникой, я побежала к входной двери. Когда я ворвалась в гостиную, бабушка и дедушка сидели на диване. У камина стояли двое полицейских. Мне хотелось, чтобы бабушка отчитала меня за то, что я наследила на ковре мокрыми сапогами, но она сидела, опустив взгляд на лежавшие на коленях руки, а заговорил со мной дедушка:

– Сядь, Грейс. Мы должны тебе кое-что сказать.

Глава 33

Настоящее

Картонная коробка стоит на кофейном столике, маленькая и неподвижная. Когда Миттенс впервые прибыла домой в коробке, та подрагивала, потому что кошка копошилась внутри, горя желанием высвободиться и обследовать новую обстановку. Теперь ей уже никогда ничего не придется обследовать. Слезы жгут глаза, но я их сдерживаю. Я не ломаюсь. Во всяком случае, не сейчас.

Я несусь вверх по лестнице и врываюсь в комнату Анны. Что-то в ней изменилось, и когда я рывком распахиваю дверцы шкафа, там звякают друг о друга пустые вешалки. Ящички пусты, если не считать бумаги с розовым ароматом для их выстилания, которую я специально для нее купила. Звонит мой мобильный – это Дэн. Я отклоняю звонок, набираю номер Анны. Ее телефон выключен.

Хлопает калитка, и я несусь вниз. К тому времени как Дэн отпирает входную дверь, я, внешне спокойная, сижу на диване. Внутренне же я готова его убить.

– Грейс? Что с тобой? Хлоя сказала, что тебя вроде затошнило.

Я пристально смотрю на Дэна:

– Да, меня тошнит. Тошнит от твоей лжи.

Дэн ставит китайскую еду на стол, рядом с коробкой Миттенс. Жир сочится сквозь бумажную коробку, и от запаха чоумейн мне делается дурно.

– Что происходит?

– Это ты мне скажи, Дэн. – Я говорю с ледяным спокойствием.

Он крутит на пальце ключи, смотрит в пол и ничего не говорит.

Я прихожу ему на выручку:

– Хлоя сказала, что Анна работала барменшей в футбольном клубе.

Дэн тяжело опускается в кресло и наклоняется вперед, закрыв голову руками.

– Дэн, ты знал ее до того, как она пришла к нам?

– Да. – Голос у Дэна так тих, что я его почти не слышу.

– Что? Повтори. Мне не слышно.

– Да, Грейс. Я...

– Она действительно сестра Чарли или это очередная ложь?

Дэн что-то мямлит, но я не могу разобрать ответ.

– Кто она, Дэн? – ору я.

Плечи у Дэна трясутся, он прижимает ладони к лицу, и я отдираю их, царапая ногтями тонкую кожу на запястьях.

– Кто такая Анна, черт побери?

– Прости, мне так неловко, Грейс. – Капают слезы, но это слезы не мои. Я стою, откинувшись назад. Не верю, не понимаю. Дэн утирает нос рукавом. – Я сделаю нам выпить.

Я слишком ошеломлена, чтобы возражать, и он идет на кухню, и, когда возвращается с двумя бокалами и бутылкой мерло, все это могло бы выглядеть как очередной уютный вечер дома – если бы только не мертвая кошка на столе.

Мы сидим на противоположных концах дивана. Дэн наливает в бокал вина, я мгновенно его осушаю и подставляю бокал для новой порции. Воцарившаяся между нами тишина душит, и я стаскиваю с себя свитер.

– Говори.

Дрожащими руками Дэн сжимает бутылку вина, наполняя свой бокал. Я думаю об этой руке, которая касалась меня. Касался ли он Анны? Мне хочется кричать.

– Ты же знаешь, мне нелегко было, когда ты расклеилась после смерти Чарли.

– Бедняжка. – Мой голос сочится сарказмом.

– Грейс, пожалуйста, послушай. Мне полагалось быть сильным ради тебя, но мне было трудно справляться после ее смерти. Я знал ее так же долго, как и ты. Даже дольше.

– Так это была моя вина, что я горевала о смерти лучшей подруги? Или ее вина, что она умерла?

– Ни то, ни другое. – Он вздыхает. – Ты помнишь, как все было сразу после ее смерти?

– Конечно.

– Действительно помнишь? Потому что почти все время ты была так накачана лекарствами, что я, ей-богу, думаю, ты ничего не помнишь. Ты неделями лежала в постели. Кричала, если я к тебе подходил, просила оставить тебя в покое. Я не знал, что делать. Ты перестала готовить, убирать, даже забыла, как обращаться со стиральной машиной.

У меня впечатление, что он говорит о ком-то еще. Неужели так было? Шок в сочетании с лекарственными препаратами так затуманили мою память, что это все равно как пытаться разобрать какие-то очертания в тумане. Знаешь, там что-то есть, но до конца не уверен, что именно.

– Я не виню тебя, Грейс. Не виню. Но и мне не хватало Чарли, она была и моим другом. Мне не хватало тебя, и не с кем было поговорить.

– И тогда ты повстречал Анну?

Дэн кивает.

– Она начала работать в клубном баре. Она была по-настоящему дружелюбна, с ней действительно было легко разговаривать. Я начал там задерживаться, и она меня слушала. Действительно, слушала.

Мои зубы сжимаются при воспоминании о тех ночах, когда я лежала без сна в кровати, ожидая возвращения Дэна.

– Значит, ты завел интрижку. – Я ерзаю по дивану, руки дергаются от гнева, мне хочется вцепиться ногтями в его лицо.

– Нет. Это было не так. – Дэн зарывается руками в волосы. – Мы были просто друзьями, но потом она начала флиртовать. Комментировать.

– И ты не смог устоять? Меня от тебя тошнит.

– Нет, не так. Ты помнишь, как мы выиграли матч и я пытался уговорить тебя прийти в клуб?

– Да. – Это было в тот день, когда я выкопала коробку с воспоминаниями. Как бы я могла об этом забыть?

– Мне тогда было так грустно. Хлоя и все другие девчонки были там. Должно быть, я выпил лишнего. Не помню. Правда не помню. Мне вспоминаются только отдельные фрагменты того вечера. Я почувствовал себя ужасно, когда понял, что натворил.

– Так ужасно, что заманил ее жить к нам в дом. Позволил мне поверить, что она чертова сестра Чарли! – Меня пронзают белые молнии ярости.

– Я не хотел. Я ее ненавижу. Она меня шантажировала. Сказала, что ей надо переночевать где-то пару ночей, пока ее новая квартира будет готова для переезда. Неделью самое большее.

– Я тебе не верю.

– Это правда. Помнишь, я потерял телефон в ту ночь? Это она его взяла, засняла, как мы занимаемся сексом, и угрожала разослать этот сюжет всем абонентам из моей телефонной книги. Я не мог допустить, чтобы это увидела ты. Мои родители. Твои дедушка и бабушка. Твоя мама. Мой босс. Как бы мы это пережили? Я не мог тебя потерять, Грейс. Потерять все. Мне бы тогда пришлось уехать из деревни. Найти новую работу.

Я сцепляю пальцы на животе и подаюсь вперед. У меня ощущение, будто он сильно ударил меня под дых.

– Но почему... Чарли?

– Я знал, что ты позволишь ей у нас пожить, если будешь думать, что

она связана с Чарли, и она действительно немного на нее похожа. Я не знал, как иначе ее представить. Мне так стыдно, Грейс. Я думал, она исчезнет через несколько дней и мы спишем ее со счетов, как чокнутую, возобновим поиски настоящих родственников Чарли. Я не предполагал, что ты к ней привяжешься. Когда я думал, что она мне друг, то рассказал ей о твоём отце. Я и помыслить не мог, что она сочинит похожую историю, чтобы с тобой сблизиться.

– Не могу поверить, что ты был так жесток. Ты делился личной информацией с совершенно незнакомым человеком. И знал, как много это для меня значит – найти отца Чарли.

Дэн смотрит на меня умоляюще.

– Я знаю. Ты все еще можешь это сделать. Мы с тобой можем.

– Нет больше никакого «мы».

– Грейс, прошу тебя. Мне не следовало лгать, но я запаниковал. Я сделал это для тебя, для нас.

– А когда ты ее трахал, тоже думал о нас?

Щеки Дэна мокры от слез.

– Пожалуйста. Это было всего один раз.

– И я должна в это поверить? Ты, вероятно, делал это всякий раз, как меня не было. В нашем доме. *В НАШЕЙ ПОСТЕЛИ!*

– Нет! Я клянусь. Это было только один раз. Глупая ошибка. Я даже этого не помню. Если бы она не показала мне видео, я бы никогда не поверил, что это случилось. Мы сможем это преодолеть, ведь правда?

– Нет. – Мой голос спокоен. – Может быть, мы могли бы это преодолеть, если бы ты тогда рассказал мне правду, но ты дурил меня и мной манипулировал. Держу пари, вы хорошо посмеялись за моей спиной, не так ли?

– Нет. Мне претило, что она здесь живет. Когда я увидел, что ты к ней привязываешься, я попытался заставить ее уйти, но она не желала. Ситуация настолько вышла из-под контроля, что я не знал, как это прекратить.

Мало того что Анна спала с Дэном, шантажировала его, что очень больно, она еще наговорила кучу лжи. Дала мне понять, что я познакомилась с таким человеком, который понимает, каково это в девять лет потерять родителей. Ощущение абсолютного опустошения и потери. Неоправданное чувство вины и страх остаться покинутой. Прежде я никогда ни с кем не делилась этими чувствами. Никогда не думала, что кто-то сможет понять, пока не познакомилась с Анной. Я думала, у нас так много общего, но все это была ложь.

Голова вдруг становится очень тяжелой, и я опускаю ее на руки.

– Почему? Почему она хотела жить здесь? У нее, наверное, есть родственники? Друзья?

– Она сказала, что нет. Может, она ревновала к тому, как сильно я тебя люблю. Не знаю. Анна чокнутая. Она старалась доставить тебе неприятности...

– Какие неприятности? – Но тут же я вспоминаю о том, сколько раз моя жизнь шла наперекосяк с тех пор, как Анна к нам переехала. Пропажа кулона, взлом электронной почты, кампания, развязанная против меня в «Твиттере». Могла ли она взять мои ключи и вломиться в детский сад? Мне страшно даже думать об этом.

– Когда она добавила ореховый сироп в твой горячий шоколад, я по-настоящему испугался.

– Она могла меня убить, и все равно ты позволил ей остаться. Боже, она, вероятно, отравила мой чертов суп, Дэн. Ты трус.

– Знаю. Я не знал, как ее выдворить. Не знал, на что она способна.

– Зато я знаю.

Дэн поднимает голову. Его глаза – мокрые и красные – впервые встречаются с моими глазами.

– Посмотри в коробку, Дэн.

– А что там?

– Загляни. – Мой голос тверд, как сталь.

Он опускается на колени перед кофейным столиком, приподнимает клапаны коробки. Горло его схватывает спазм.

– Грейс...

– Убирайся, Дэн.

– Но мы...

– Убирайся к дьяволу! – Я изо всех сил швыряю в него бокал. Он пролетает совсем близко от головы. Мерло, словно струйки крови, бежит по молочно-белой стене. Осколки стекла разлетаются по ковру. Я беспокоюсь о том, что Миттенс может поранить лапы, а потом вспоминаю, что ей уже ничто не может навредить. – Убирайся! – кричу я Дэну в лицо, брызжа в него слюной и ядом.

Дэн забирает свои ключи и идет к двери, повесив голову. Я стою у окна и смотрю в его удаляющуюся спину: мне хочется ударить в нее ножом.

У Миттенс столько игрушек: мыши, набивные рыбы и бренчащие мячики, – и я кладу их вместе с ее мисками к ней в коробку. Затем я нежно накрываю кошку, которой никогда уже не будет холодно, ее пушистым

одеялом с нарисованными отпечатками лап. Когда я выношу коробку из дому, у меня ощущение, словно я смотрю на себя саму откуда-то с высоты. Пытаюсь вилами выкопать ямку. Земля, как камень, несмотря на дождь. Я вновь и вновь колочу зубцами в грунт, и волны от этих ударов отдаются в руках и позвоночнике. Кажется, прошло совсем немного времени с тех пор, как мои руки были в волдырях после того, как я заново высаживала кустарники, которые, как я теперь знаю, Анна намеренно выдрала, или с тех пор, как ныли мои плечи, когда я выкапывала коробку воспоминаний. Теперь я хороню другую коробку с воспоминаниями. Я смаргиваю вместе со слезами картины того, как Миттенс мягко хлопает меня по щеке лапкой, как, мурлыча, трется мордочкой о мое лицо.

Я снова и снова вонзаю в землю лопату, жалея, что не могу вонзить ее в Анну. Причинить ей ту же боль, что она причинила мне. Я задаюсь вопросом, где она сейчас, увидится ли Дэн с ней снова; задаюсь вопросом, почему меня это интересует. Они друг друга стоят. Я встаю на колени и обеими руками выгребаю землю из ямы. Она теперь достаточно глубока. Я целую коробку и помещаю ее под грушевое дерево.

– Прощай, Миттенс. – Бросаю на картон горсть земли и засыпаю яму. Потом перетаскиваю на могилу керамический горшок с распускающейся миниатюрной розой. Он тяжелее, чем кажется на вид, я медленно двигаю его, и роза раскачивается взад и вперед. Листья падают на землю, словно слезы. От напряжения у меня кружится голова, и я сажусь, скрестив ноги, на сырую землю. На этот раз я позволяю себе заплакать.

А затем слышу резкий стук в парадную дверь.

Глава 34

Прошное

Шиван умерла. Ее нашли в парке со следами инъекций на руке. Полицейские хотели поговорить со мной, поскольку я была последней, кому она звонила.

Дедушка отвез меня в участок, и я разослала эсэмэски Дэну, Чарли, Эсме со словами, в которые мне самой было трудно поверить. Дэн предложил прийти меня встретить, но я сказала, что позвоню ему, как только вернусь домой. Эсме была психологически опустошена и беспомощна – она застряла во Франции. Чарли же еще не ответила к тому времени, как мы прибыли в участок.

Меня провели в комнату для допросов, а дедушка остался сидеть на жесткой деревянной скамье в приемной. У меня было ужасное чувство, что я никогда его больше не увижу. Я сидела в комнате без окон, с трудом сдерживая слезы, и страстно желала повернуть время вспять. *Могла ли я ее спасти?* Мысль о том, что я, возможно, могла это сделать, засела во мне, превратившись в такую же часть меня, как кости, почки, легкие. Моя кожа будет терять отмершие клетки, с головы будут опадать волосы, печень будет самообновляться. Тело будет обновляться в грядущие годы, но как быть с чувством вины? Я знала, что оно останется. Навсегда останется частью меня.

Полицейские были любезны. Мне принесли воду, пододвинули бумажные носовые платки. Я испытывала чувство потери, и относилось оно к той девочке, какой Шиван была когда-то, а не к той, какой она стала. К той девочке, которая побеждала меня в классики, вместе с Эсме крутила скакалку, а мы с Чарли прыгали через нее. Но те слезы, что я роняла? Я оплакивала не только Шиван. Я оплакивала нас всех. Наше взросление. Наше отдаление друг от друга. Наша маленькая четверка раскололась и рассеялась, и уже никогда не будет, не сможет быть такой, как раньше. Ушли в прошлое те дни, когда мы с такой силой трясли друг другу руки, что болели плечи. «Мирись, мирись и больше не дерись». Вдобавок теперь нас осталось только трое.

Полицейские считали, что это была случайная передозировка. Джереми и остальных «ходячих мертвецов» привели для допроса. Джереми признал, что уговорил Шиван украсть ноутбук, с тем чтобы он мог его

продать и купить на эти деньги наркотики. Один из членов шайки сказал, что Шиван не хотела пробовать героин, но Джереми сказал ей, что если она откажется, то больше не сможет с ними тусоваться. Хороши друзья. Джереми сильно стянул ей руку ремнем, чтобы обнажилась вена, но, когда вколол ей наркотик, она впала в истерику, и они все убежали, а ее оставили. Пошли на вечеринку, словно ее вовсе не существовало. А теперь ее и впрямь больше нет.

Я сказала полиции, что, когда Шиван мне звонила, было слишком шумно, чтобы что-то услышать, и я понятия не имела, что она в беде. Я подумала, что за эту ложь попаду в ад. Вероятно, я этого заслуживала.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем меня отвели обратно в приемную. К дедушке. Он прижал меня к себе; я всхлипывала у него на груди, и пуговицы его клетчатой рубашки впивались мне в щеку. Он гладил меня по волосам, утешал, чего я не заслуживала. Он позвонил маме, чтобы рассказать ей о случившемся, и она предложила приехать, но я покачала головой. Мама все равно ничем бы не помогла.

Мы приехали к дому, устало прошли по дорожке и толкнули входную дверь. На коричневом джутовом коврике под дверью лежал белый конверт. Пожалуйста, только не это, только не сейчас. Я подняла его, перевернула. Размер конверта был не такой, как раньше. Письмо было прислано каким-то другим человеком. На передней стороне конверта было написано мое имя, на сей раз хорошо знакомым мне почерком. Я вынула из конверта листок бумаги. Петлистым почерком Чарли было написано семь слов: *«Мне так жаль, Грейс. Прости меня, пожалуйста»*.

Телефон Чарли был выключен. Я бросилась к машине, рывком отворила дверь. Мотор закашлялся и завибрировал, потом ожил, и я задним ходом выехала с подъездной дорожки, чуть ли не быстрее, чем обычно ездила передом. Я неслась через деревню, шины взвизгивали, ища сцепления с дорогой на поворотах. *«Мне так жаль, Грейс. Прости меня, пожалуйста»*. Простить за что?

Я вывернула себе мозги, пытаюсь придумать, что такое могла совершить Чарли. Я не верила, что у нее могло быть что-то с Дэном. Никто из них не поступил бы так по отношению ко мне. К Шиван она относилась ничуть не хуже, чем мы, остальные. Чарли первая бы сказала, что произошедшее было просто ужасным несчастным случаем. Тогда что?

На перекрестке горел красный свет, и я ударила ладонями по рулю. «Ну же!» Дороги были пустынные, похоже, вся деревня сидит дома, отходя от новогоднего похмелья, и я, с силой придавив ногой педаль, ринулась на красный. Взгляд метался между дорогой и телефоном, и я ткнула в кнопку

повторного набора, а потом швырнула мобильник на пассажирское сиденье, когда сработало переключение на голосовую почту.

Я бросила машину возле дома Лекси, оскальзываясь, побежала по леденистой дорожке и плечом попыталась открыть входную дверь, но она была заперта.

Я замолотила в дверь костяшками пальцев, потом сжала и вновь разжала кулак, чтобы облегчить боль.

– Чарли! – Теперь я принялась хлопать по двери ладонью. – Чарли! – Я приплясывала в ожидании.

Лекси вообще редко выходила. Я принялась вглядываться в щель для писем. Увидела в кухне свет.

– Лекси! – забарабанила я в дверь кулаками. – Откройте. – Свет в доме погас. – Пожалуйста. Я знаю, что вы там. Я вас видела.

Лекси, как зомби, зашаркала к двери.

– С вами все в порядке? – спросила я, когда дверь открылась.

У Лекси был остекленевший взгляд, какой можно увидеть у людей в новостях с места стихийного бедствия. Лицо было ненакрашено, и она казалась моложе без красной помады, обычно покрывавшей ее губы.

– Что тебе нужно? – пробормотала она, мне пришлось податься вперед, чтобы расслышать.

– Где Чарли?

– Уехала.

– Куда уехала? Ко мне?

– Путешествовать.

– То есть как? – гаркнула я, раздраженная ее односложными ответами.

Лекси закурила.

– Упаковала рюкзак и уехала.

– Она не могла уехать. Шиван умерла.

– И что?

– Что значит «и что»? Чарли вообще об этом знала? Я ей написала, но не получила ответа.

– А это имеет значение?

– Конечно, имеет. Она не могла так просто уехать. Она никогда не упоминала, что собирается путешествовать.

– Ты не все знаешь.

– Я знаю, что она бы не уехала, не сказав мне...

– Почему? Потому что ты такая чертовски важная персона? Извини, я забыла, что мир вращается вокруг тебя, Грейс.

Дверь раскрылась шире, и я поставила вперед ногу.

– Чарли оставила мне записку, – сказала я. – В ней она просит у меня прощения. Прощения за что? Я не понимаю. Скажите мне, что происходит.

– Это не она поступила неправильно, – злобно бросила Лекси. – А теперь убирайся.

Она открыла дверь шире и со всего размаху хлопнула ею. Я выдернула ногу и опустилась на порог. Чарли покинула меня, прямо как моя мать, как мой отец. Шиван умерла. Я сидела неподвижно, а со свинцово-серого неба на меня падал снег, пока я не застыла снаружи так же, как изнутри.

– Пожалуйста! – Я перекатилась на колени и закричала в щель для писем: – Пожалуйста, Лекси! Мне надо знать правду. Что натворила Чарли?

Глава 35

Настоящее

Тук-тук-тук. *Пошел вон, Дэн.* Ярость кипит и бурлит во мне, я несусь к двери и резким движением ее распахиваю.

Это не он. Фигура в черном пальто удирает по дорожке к красной «Корсе», припаркованной в переулке.

– Стойте! – Движимая тоннами ярости, которую не могу излить на Дэна или Анну, я выскакиваю на порог. Фигура торопливо удаляется. Влага на дорожке пропитывает носки, и когда этот преследовавший меня человек начинает возиться с калиткой, я впервые испытываю благодарность к дефективной щеколде. Я выбрасываю вперед руку и хватаю незнакомца за пальто, впиваясь пальцами ему в плечо. Раздается крик боли, и капюшон соскакивает. Оттуда вываливается копна светлых волос. Я отдергиваю руку, словно схватилась за что-то горячее. Не может быть.

Она оборачивается. Конечно же это не Шиван, откуда ей взяться? Но сходство столь разительное, что мне кажется, будто я перенеслась в прошлое. Мы свирепо смотрим друг на друга, Эбби и я.

– Ты за мной следила? – Ответ мне не требуется.

– Да. – Она отводит взгляд, и я вспоминаю робкую девочку, которая неслышно проходила мимо меня по школьным коридорам, с опущенной головой, со свисающим с плеча рюкзаком. Когда-то она бы и мухи не обидела в отсутствие старшей сестры, но, полагаю, ей пришлось научиться обходиться одной. В школе она была тремя классами младше нас, значит, сейчас ей должно быть двадцать два года. Чего она хочет? Мести? Ну, давай, начинай. Мне уже не может быть хуже, чем сейчас.

– Ты хотела меня напугать? Убить? Что? – Я приближаю лицо к ее лицу. – Делай что хочешь, я тебя не боюсь.

Она отшатывается.

– Я хотела с тобой поговорить.

– И решила, что лучше всего это сделать, преследуя меня? Следя за мной? Пытаясь свести меня с ума? – Я уже кричу, не заботясь о том, слышит ли миссис Джонс, потом упираюсь ладонями в грудь Эбби и сильно ее толкаю. Я по горло сыта людскими играми. Она натывается спиной на калитку. – Убирайся вон, Эбби.

– Грейс! – пронзительно кричит она. – Пожалуйста. Помоги мне. –

Произносятся те же самые слова, которые семь лет назад произнесла ее сестра, она делает шаг вперед, и как бы сильно мне ни хотелось ее прогнать, я не могу. Мы стоим в саду. Порыв ветра ударяет в калитку, которая наконец отворяется и бьет Эбби по спине, отчего та летит на землю. Она поднимает на меня взгляд, дождь струится по лицу, волосы облепили голову.

– Тебе лучше войти внутрь. – Я поворачиваюсь и иду к коттеджу.

Оказавшись внутри, Эбби сворачивается клубком в кресле Дэна – в моем кресле – и плачет так, словно у нее разбито сердце. Я вожусь на кухне, чтобы дать себе время подумать. Я вне себя от ярости, но не знаю точно, какую часть этого гнева вызвала Эбби, а какую – Дэн с Анной. Все они в этом замешаны, но именно Эбби рыдает у меня в гостиной. Именно она потеряла сестру, и кажется несправедливым направлять всю мою ярость на нее. Я думаю, самое малое, что могу сделать для Эбби, это выслушать ее. Я кипячу чайник, вытаскиваю из шкафчика чашки, стараясь заглушить ее рыдания.

Принеся поднос в гостиную, ставлю его на стол и прокашливаюсь. Эбби шмыгает носом, уткнувшись в рукав джемпера.

– Извини, Грейс. – Я не знаю, извиняется ли она за то, что пугала меня до полусмерти, или за плач, поэтому не отвечаю. Вместо этого наливаю ей чай, который еще не заварился, добавляю в него молока и придвигаю к ней чашку вместе с сахарницей и ложкой.

– Что ты здесь делаешь? – спрашиваю я.

– Мы вернулись в деревню. У дедушки болезнь Альцгеймера, и мама хотела быть поближе к нему.

– Я имею в виду не деревню. Я имею в виду свой дом. – Я обвожу жестом комнату. – Чего тебе от меня нужно?

– Возвращения в прошлое. Так много воспоминаний. Я хотела поговорить о Шиван.

– Поговорить?

– Да. – Она берет чашку, но рука так трясется, что чай выплескивается ей на колени. Я ставлю на стол перед ней коробку с косметическими салфетками.

– Так почему ты не поговорила вместо того, чтобы вести себя как шпион?

– Не знала, что сказать. Я ужасно относилась к тебе в школе и знаю, потом тебе пришлось нелегко. Я слышала о Чарли. Очень тебе сочувствую.

Я сдержанно киваю.

– Я много раз мысленно репетировала свою речь. Всякий раз, когда я

звонила и слышала твой голос, у меня не хватало духу. Я думала, будет легче, если приду сюда, но нет. Я не могла заставить себя постучать в твою дверь. Наверно, боялась, что ты захлопнешь ее перед моим носом.

– Ты чуть на меня не наехала, Эбби. Ты могла меня убить!

– Когда я проехала мимо и поняла, что это твоя машина, то была твердо уверена, что спрошу тебя. Что на сей раз не сдрейфю. Я себя действительно настроила. Это было глупо, и я так рада, что не произошло аварии. Я не собиралась причинять тебе вред, Грейс. – Ее лицо покрыто пятнами, залито слезами, и я вздыхаю.

– Ну, хорошо, вот ты здесь. О чем ты хочешь меня спросить?

– Грейс, Шиван упоминала обо мне, когда звонила тебе в ту ночь?

Это один из тех моментов, когда у тебя есть доля секунды, чтобы сделать выбор, и ты знаешь, что какое бы решение ни принял, назад пути не будет.

Широко раскрытые глаза Эбби полны надежды. Что я могу сказать? Что я отказалась помочь? Дала отбой? Что жалела об этом с тех самых пор? Шиван могла бы остаться в живых, если бы я ее выслушала. Я могла бы сказать Эбби, что, по сути дела, чувствую себя ответственной за смерть ее сестры. Но что хорошего принесут мои признания? Они не вернут Шиван.

Я делаю выбор и отвечаю:

– Да.

Остается ли ложь ложью, если приносит утешение? Полагаю, что да, но я все равно продолжаю лгать, сама точно не зная, предназначена ли фабрикуемая мной история утешить Эбби или облегчить мою собственную вину.

– Я сказала ей, что ты ее ищешь и хочешь попросить у нее прощения.

Эбби наклоняется вперед и перекручивает в руках салфетку.

– Что она сказала?

– Она сказала, что это не важно. Она все равно тебя любит. Шиван собиралась прийти и найти тебя.

Ложь на лжи. Я могла бы выстроить из нее стену. Тело Эбби обмякает в кресле, она плачет, и я поддерживаю ее. Потом приношу еще салфеток, еще чаю, и мы обмениваемся историями о старшей сестре, которую она обожала. Я никогда не знала, что Шиван, когда была маленькой, брала уроки чечетки. Эбби не знала, что Шиван была первой девочкой в нашем классе, которая целовалась с мальчиком. Мы все многогранны, думаю я. Есть вещи, которыми мы делимся. Есть вещи, которые скрываем. Хорошее, плохое. Правда, ложь.

Уже поздно, и я дико устала. Предлагаю Эбби свободную кровать, но

она хочет вернуться к родителям. Они беспокоятся, когда она надолго пропадает из виду, и не могу сказать, что я их осуждаю. Это опасный мир, но по крайней мере я знаю, что больше не будет темных фигур возле моего коттеджа, не будет припаркованных в переулке красных машин. Я их не придумала. Большое облегчение узнать, что независимо от того, что говорит «Гугл» о побочных эффектах моих препаратов, у меня более сильная связь с реальностью, чем я думала.

– Если захочешь поговорить еще, позвони мне, – говорю я Эбби, пока она натягивает свое черное пальто. – Только больше не бросай трубку!

– Не буду. Спасибо, Грейс. Не могу тебе передать, какое это утешение, знать, что Шиван меня простил.

Стою, привалившись к дверному косяку, пока маленькая красная машина Эбби не скрывается из виду, и чувствую, что, возможно, в конце концов поступила не так уж плохо. Правда ранит, не так ли? И хотя я далека от того, чтобы простить Дэна, могу понять, почему он лгал. Меня передергивает при мысли об Анне. Запираю входную дверь и набрасываю цепочку.

В животе бурчит от голода, и я беру пакет с китайской едой, который до сих пор стоит на столе в гостиной. «Что добру пропадать», – сказала бы бабушка. Я откладываю немного китайского рагу и ставлю в микроволновку. Пока тарелка вращается и еда нагревается, я зажигаю несколько свечей и ставлю пластинку. Она крутится, потрескивая, Нэт Кинг Коул поет «Может, это потому, что я слишком тебя люблю», и текст пронзает меня до глубины души. Боль от поступка Дэна, от того, что они сделали вместе с Анной, все еще так свежа.

Микроволновка пищит, мой ужин источает пар. Я подцепляю вилкой лапшу и кладу в рот, но понимаю, что мне больше не хочется есть. Снимаю иглу с пластинки и выключаю стереопроигрыватель, задуваю свечи и загадываю желание. Дергаю дверные ручки парадного и черного входа, двери не поддаются, но я все равно снова и снова проверяю запоры, а потом устало тащусь вверх по лестнице и по дороге к себе сую голову в комнату Анны, чтобы еще раз удостовериться, что она ушла. Борюсь со сном, зеваю, но все равно снимаю белье с нашей – теперь уже моей – постели: не желаю спать с запахом Дэна. Подтыкаю простыню, заправляю одеяло в свежий пододеяльник, а потом юркаю в холодную постель. Сворачиваюсь в клубочек. Ноги мерзнут, и, несмотря ни на что, я жалею, что не могу прижаться к Дэну.

ТРЕСК.

Резко открываю глаза и стреляю ими из стороны в сторону, выискивая в темноте какие-нибудь очертания. Занавески не совсем задвинуты, и полосы лунного света проникают в комнату, создавая тени в каждом углу. Я вздрагиваю, заметив выступающий из темноты призрак, но это всего лишь зеркало моего туалетного столика. Я никогда прежде не жила одна, и когда откидываю одеяло и спускаю ноги с кровати, сердце гулко колотится внутри. До окна всего лишь несколько коротких шагов, но этого хватает, чтобы мое сознание нарисовало живую цепь из банды грабителей, обчищающих мой коттедж.

Я осторожно выглядываю из окна. В переулке темно и тихо, единственное транспортное средство, которое я вижу, это моя машина. Какое-то движение привлекает мой взгляд, и я подпрыгиваю, а ветер распахивает калитку и потом снова с силой ее захлопывает. Я браню себя за то, что меня так легко напугать, и бегу обратно в постель. Пульс до сих пор лихорадочно бьется, страх прогнал сон, и я включаю лампу, жмурюсь от рыжего света. Раскрываю книгу, обещаю себе не больше двух глав и нахожу нужную страницу, позволяя словам перенести меня в другое время.

Стук сердца замедляется, и глаза начинают слипаться, когда раздается грохот. Это не калитка, это входная дверь. Я застываю и так сильно сжимаю книгу, что сминаются страницы. Лампа гаснет, и комната погружается во мрак. Я пишу и прикрываю рот обеими руками, стараясь загнать писк обратно. Морщу лицо, прислушиваясь в ожидании красноречивого скрипа ступенек, но в коттедже тихо. Я сижу в кровати, застыв от страха, не осмеливаясь двинуться, не желая, чтобы скрип пружин матраса выдал мое присутствие. Поясницу сводит, и я осторожно перемещаю вес тела, вздрагивая, когда слышу скрип половицы под кроватью. Затаив дыхание спрашиваю себя, кто же там и слышали ли они меня. Кажется, по лестнице никто не поднимается; единственное, что я слышу, это шумящую в ушах кровь. Я уже начинаю думать, не вообразила ли я себе все это, как вдруг начинаю кашлять.

Дым.

Время замедляется, логика покидает меня, и мне кажется, что я сижу, застыв, бесконечно долго, прежде чем начинаю шарить в темноте в поисках телефона, который я не могу нащупать. Опрокидываю стакан, и холодная вода пропитывает рукав пижамы. Выскакиваю из кровати и по мокрому ковру бегу к двери. Спотыкаюсь о ножку кровати и, вскрикнув от боли, лечу вперед, тяжело шлепаясь на руки и колени. Кое-как поднимаюсь на ноги, щелкаю выключателем верхнего света, молясь о том, чтобы моя лампа на тумбочке просто перегорела, – но комната остается погруженной

в крошечную тьму.

Когда я добираюсь до двери, в ушах у меня звучит тяжелое биение сердца, а ладони мокры от пота. Я медлю в нерешительности перед тем, как дотронуться до металлической ручки двери, но она прохладна на ощупь. На долю секунды мне кажется, что все в порядке, но, когда я открываю дверь, едкий дым забирается в горло, в нос, в грудь. Дым ест глаза, и я захлопываю дверь и приваливаюсь к ней спиной, как будто это может сдержать огонь. От яростного, раздражающего легкого кашля я сгибаюсь, но заставляю себя двигаться вперед, стаскиваю с кровати одеяло и, упав на колени, затыкаю им щель под дверью. Пижама промокла, потому что по груди и спине течет пот. У пола дым не такой едкий, и я ползу на животе к окну, цепляюсь за радиатор и ватными ногами выталкиваю себя в вертикальное положение. Подъемное окно заело, его не открывали с лета. Я завываю от отчаяния и вновь и вновь толкаю раму вверх, пока она не поддается. Накреняюсь вперед и застываю, свесившись из окна, ловя ртом воздух, как собака, запертая летом в машине.

В переулке темно и тихо. Уединение, которое обычно мне так нравится, сейчас кажется зловещим. Я зову миссис Джонс, зная, что это бесполезно, что она, вероятнее всего, спит, а если нет, то не услышит меня за шумом своего телевизора. *Я погибну*. Шелестят кусты, и мне кажется, что я вижу крадущуюся из тени фигуру. Я тру изъеденные дымом глаза, но, когда мне снова удастся сфокусироваться, фигуры уже нет. Каждая фибра моего существа побуждает меня оставаться у окна, вдыхать воздух, но мне нужно найти телефон. Я ползу к кровати, чувствуя под собой мокрый ковер там, где я пролила воду, и я молюсь о том, чтобы мой телефон не был мокрым, чтобы работал. Шарю вокруг, горло раздражает от кашля, и как раз в тот момент, когда я чувствую, что не могу больше продолжать, моя рука натывается на что-то холодное и твердое – мой мобильный. Жму пальцем на кнопку, экран загорается, и я чуть не плачу от облегчения. Ползу обратно к окну – мои движения теперь медленнее – и втягиваю кислород в легкие, которые горят от усилий поддерживать во мне жизнь.

Набираю 999.

– Служба спасения, какая именно служба вам требуется?

Я открываю рот, чтобы ответить, но облегчение оттого, что слышу человеческий голос, лишает меня дара речи, и я не могу вымолвить ни слова.

– Какая служба вам нужна? Говорите. Пожарная охрана, полиция или «Скорая»?

– Пожарная охрана. Пожалуйста. Быстрее, – хриплю я.

У меня выясняют имя и адрес. Оператор вникает в мои скомканные предложения, уточняет детали. Она говорит, что ее зовут Миа, заверяет, что помощь идет. Я описываю план моего дома, объясняю, в какой комнате я нахожусь. Голос Миа мягкий и успокаивающий, ее вопросы ласковы, но я так сильно задыхаюсь, что не могу на все ответить. Я перекидываю правую ногу через подоконник, сажусь, будто верхом на лошади, и вглядываюсь в раскинувшуюся внизу тьму. Я говорю Миа, что собираюсь прыгнуть. Она заверяет меня, что пожарные машины уже близко, всего в нескольких минутах от меня, но каждая клеточка моего тела борется за выживание. Я зажимаю телефон между плечом и ухом, ухватываюсь за подоконник и стараюсь подтянуть левую ногу. Мои движения медленны, несмотря на вопящий во мне ужас. Ощущение такое, будто меня затягивают зыбучие пески.

Звук сирен вначале едва различим. Из-за неровного дыхания трудно что-нибудь услышать, но я вижу голубые огни, мигающие в конце переулка, зову на помощь, начинаю махать руками, и в этот момент чувствую, что теряю сознание, вскрикиваю и проваливаюсь в темноту.

Глава 36

Настоящее

Мне жарко, так жарко. Кожа лопается, плоть плавится, отставая от костей. Я широко открываю рот, но что-то подавляет мои крики, и я задыхаюсь, вцепляясь ногтями в шею, мечусь из стороны в сторону, стараясь снять давящий груз с груди.

– Грейс. – Чьи-то теплые руки берут мои ладони в свои, нежно их стискивают. – Грейс, ты меня слышишь?

Бабушка? Мне требуется усилие, чтобы открыть глаза, они слезятся и мигают под люминесцентными лампами дневного света. Кругом бело и голо. Я лежу в кровати со слишком туго подоткнутым одеялом; простыни жесткие и негнущиеся.

– Был пожар, ты выжила, но мы думали... – Голос бабушки запинается. Я пытаюсь высвободить руки, сесть, вытащить трубки из горла.

– Лежи смирно, детка. – Дедушка легонько надавливает мне на плечи, укладывая обратно. – Я позову врача. Твоя мама уже едет.

Врач выглядит слишком молодым, чтобы быть квалифицированным. Маленький мальчик в непомерно большом белом халате и круглых очках в черепаховой оправе. Он сверяется с табличкой медицинских показателей в ногах моей кровати, покашливает, прочищая горло, словно опасается, что его голос может сломаться на полуслове.

– Грейс, вам очень повезло.

Я не могу отвечать, но, если бы могла, не уверена, что согласилась бы с ним.

– Не беспокойтесь насчет трубок, ваши дыхательные пути слегка распухли из-за попадания дыма, и мы просто хотим поддерживать их открытыми. В легких у вас нет избыточной жидкости, нет инфекции. Вы сможете покинуть больницу через сорок восемь часов.

Бабушка ритмично поглаживает мою ладонь большим пальцем, и я безрезультатно борюсь с наваливающимся сном.

Я то проваливаюсь в сон, то выхожу из него, меня преследуют тревожные видения о вихрящихся языках пламени и змеящемся дыме. Бабушка подсовывает мне под подушку мешочек с лавандой, но как бы глубоко я ни вдыхала, чувствую лишь запах сажи. При мне постоянно кто-

нибудь находится. Рядом с моей больничной кроватью стоит кресло, и всякий раз, как я просыпаюсь, в поту и панике, со мной всегда кто-то сидит: дедушка и бабушка, мама, Лин. Мысленно я вновь и вновь навещаю свой коттедж. Я помню, как зажигала свечи, но не помню, как их гасила. Мои мысли кружат, как торнадо, норовящий умчать меня в Канзас. Ах, если бы я могла три раза щелкнуть каблуками и оказаться дома. *Я ли виновата в том, что произошло? Неужели я всегда виновата?*

Трубки вынимаются, и я извергаю в картонный тазик желчь с примесью крови. Мой желудок болезненно чувствителен. Большое облегчение стянуть с себя кусачую больничную рубашку и принять душ, стоя на плиточном полу, некогда белом, но с уже посеревшей затиркой. Я осторожно дотрагиваюсь до фиолетовых синяков на животе и груди, и слезы льются потоком, когда я задаюсь вопросом, что бы случилось, если бы пожарная команда не приехала тогда, когда приехала, если бы пожарные не перенесли меня в безопасное место, когда я без сознания свалилась на пол спальни. Я встряхиваю принесенную бабушкой чистую ночную рубашку и подношу ее к носу, проверяю свое обоняние. Чувствую запах кондиционера для белья «Комфорт». Бабушка меньше меня, ночная рубашка, которая ей доходит до пят, едва прикрывает мне колени, давит на ребра. Я не знаю, все ли мои вещи сгорели, и мне слишком страшно спрашивать.

Позаимствованные розовые шлепанцы соскальзывают с ног, пока я шаркаю обратно в палату, и, оказавшись там, чувствую себя так, будто пробежала марафон. Я так и ожидаю, что кто-то подбежит ко мне и завернет в спасательное одеяло. Легкие хрипят, дыхание скребет горло, и грудную клетку пронзает боль.

Бабушка поправляет постель, взбивает подушку и помогает мне залезть обратно в кровать. Мама подтыкает одеяло, как делала это в моем детстве.

— Я знаю, ты еще не можешь как следует глотать, но не успеешь оглянуться, как будешь в полном порядке. — Бабушка снимает крышку с пластикового контейнера и показывает мне толстые ломти лимонного кекса.

От запаха цитруса я начинаю кашлять, и бабушка промокает мне глаза и дает бумажный носовой платок, чтобы высморкаться. Платок становится черным, и я сминаю его в шарик и кидаю на тумбочку.

— Ты сможешь побыть одна несколько часов? Денизе нездоровится, и она не может доставлять обеды старикам. Я предложила свою помощь. Твоя мама собирается мне помочь. Дедушка ушел за машиной.

Бабушке самой семьдесят два года, но она всегда старается помочь старикам.

Я киваю.

– Я могу остаться, если хочешь? – спрашивает меня мама, но я качаю головой. У меня слишком болит горло, когда я говорю. Я смотрю, как они торопливо выходят из палаты через распашные двери, а потом сворачиваюсь клубочком и закрываю глаза. Мои сны яркие и полны жизни. Аэрозольный дезодорант «Импульс» щекочет ноздри, и мне снится, что мы с Чарли бежим по лесу. Листья шелестят, и ветки склоняются, чтобы поведать мне свои секреты. Я напрягаюсь, чтобы разобрать их приглушенную речь.

Когда я просыпаюсь, во рту у меня пересохло, и я сажусь, подложив под спину подушку, и тянусь к кувшину с водой. На моей тумбочке лежит подарок, завернутый в блестящую золотую бумагу. На этикетке вручную написано мое имя, и почерк кажется мне смутно знакомым, но все-таки я его не узнаю. Когда я встряхиваю коробку, там что-то гремит. Я обвожу взглядом палату, чтобы понять, следит ли кто за мной, а потом отклеиваю ленту с одного конца и приоткрываю бумагу. Подарок выпадает наружу.

Я роняю коробку на кровать и подаюсь назад, словно от змеи, которая может ужалить. Вжимаюсь спиной в подушку и в ужасе взираю на коробку бразильских орехов в шоколаде. Есть только один человек, который мог бы купить мне орехи, который прежде мне их уже покупал. *Анна.*

Бабушка подтыкает вокруг моих ног лилово-розовое, связанное крючком одеяло, хотя в гостиной по меньшей мере двадцать пять градусов. Этим одеялом меня укрывали, когда я болела краснухой и тонзиллитом. Я натягиваю его до подбородка. Беру телевизионный пульт, и темный экран вспыхивает. Ищу нужную кнопку, чтобы приглушить звук: должно быть, последним телевизор смотрел дедушка.

Бабушка выдвигает маленький столик красного дерева и ставит его возле дивана, затем помещает на него стакан витаминизированного напитка и тарелку печенья-колечек. Чувствую себя примерно шестилетней, но благодарна за то, что я здесь, что прошлой ночью спала в своей старой спальне, что не слышу больше дребезжания больничных тележек и драматического шепота медсестер. Мама уехала обратно в Девон, заверенная, что серьезного ущерба для моего здоровья нет. Во всяком случае, физического здоровья.

Я увлечена ток-шоу Джереми Кайла. Сосу печенье, в равной степени шокированная и зачарованная разворачивающейся драмой, и сладкая

розовая глазурь тает на языке. Бабушка делает вид, что не смотрит, что просто вяжет, но то и дело спицы перестают позвякивать, и я слышу, как она досадливо цокает языком.

Раздается стук в дверь, и бабушка тяжело поднимается с кресла. Она кажется постаревшей за эти несколько дней. Бабушка закрывает за собой дверь гостиной, но я слышу доносящийся из прихожей мужской голос и приглаживаю волосы, стряхиваю крошки с ночной рубашки, думая, что это, должно быть, Дэн. Выдыхаю в сложенные лодочкой руки, стараясь припомнить, чистила ли я сегодня зубы, жалею, что не приняла душ и не оделась.

Дверь начинает открываться, и я стараюсь покрасивее расположиться на диване, хотя мне кажется нелепым, что я по-прежнему хочу, чтобы Дэн находил меня привлекательной.

– Грейс... – Бабушка делает жест в сторону стоящих за ней мужчин. Я их не знаю. – Я позову дедушку.

– Грейс, я сержант полиции Гарри Миллс, и я занимаюсь расследованием происхождения и причины пожара в «Розовом коттедже», – говорит тот мужчина, который повыше. – Мой коллега – пожарный инспектор Мик Уокер из оксфордширской пожарно-спасательной службы, у которого тоже есть к вам несколько вопросов.

Я ежусь, как ребенок перед директором школы, и выше подтягиваю одеяло.

В комнату торопливо входит дедушка, вытирая руки о темно-коричневые вельветовые брюки.

– Прошу вас, садитесь, джентльмены.

Мужчины усаживаются в кресла, но не откидываются на спинки. Они сидят, вытянув перед собой длинные ноги, и от этого комната кажется маленькой и тесной.

Слышится звон фарфора – это бабушка раздает чашки и блюдца, разливает чай из фирменного чайника «Роял Далтон», который приберегает для особых случаев. Колечки, которые я грызла, убираются, заменяясь темно-шоколадным печеньем, которое никто не ест. Я жду начала опроса, нервно засовывая пальцы в дырки вязаного одеяла.

– Во сколько вы пошли спать в ночь пожара, Грейс?

Я не могу точно припомнить и чувствую, как к лицу приливает тепло, словно мне есть что скрывать.

– Около одиннадцати, думаю, – хрипло произношу я, и дедушка придвигается ближе ко мне и передает стакан воды.

– Был еще кто-то в доме, кроме вас?

– Нет.

– А когда вы ушли из гостиной, все было выключено? Все выглядело нормально?

– В ней воспитали бережное отношение к электричеству, – говорит бабушка.

Я беру дедушку за руку.

– Мне показалось, что я все выключила, задула свечи... – Я внимательно изучаю ковер. Дедушка стискивает мои пальцы.

– Где были свечи?

– На каминной полке.

– Пожар зародился в корзине для бумаг рядом со столом. Были поблизости какие-нибудь свечи или источники возгорания?

– Нет.

– В корзине для бумаг обнаружена спичка – вы курите, Грейс?

– Нет. – Я мотаю головой, стараясь отогнать растерянность. – Я не держу в доме спичек, никогда ими не пользуюсь.

– Вы знаете, что в расположенной в прихожей пожарной сигнализации, которая реагирует на появление дыма, не было батареек?

– Нет...

– Она там была, – вмешивается дедушка. – Я регулярно это проверяю, только две недели назад ее менял. Там была батарейка «Дюрасел». Ради спокойствия лучше взять подороже.

– Дом был заперт, когда вы ложились спать?

– Да. Я проверяла двери несколько раз.

– Пожарным пришлось вламываться.

– Не понимаю.

Мик снимает очки в серебряной оправе. Его глаза встречаются с моими.

– Мы считаем, что пожар был устроен намеренно. Тот факт, что дом был заперт, когда вы пошли спать, и продолжал быть запертым, когда приехали мы, показывает, что поджог осуществил либо тот, кто уже был в доме, либо тот, у кого были вторые ключи. На парадной двери была накинута цепочка, поэтому поджигатель вошел другим путем. У кого есть ключи от задней двери, Грейс?

Я холодею, и волосы встают дыбом у меня на затылке и на руках.

– Анна, – шепчу я. – У Анны.

Глава 37

Настоящее

Дедушка выхватывает из кармана носовой платок и промокает бабушке глаза. Она отбирает у него платок и говорит:

– Спасибо, у меня и так хватает морщин, чтобы ты еще растягивал мне кожу.

Дедушка корчит рожу у нее за спиной. Несмотря на ощущение, что все изменилось, утешительно думать, каким бы наивным это ни казалось, что есть вещи, которые никогда не изменятся.

По радио невнятно объявляют, что мой поезд вот-вот отправится. Чемодан у меня маленький, но тяжелый, и я напрягаюсь, чтобы его поднять. Похлопываю себя по карману, чтобы еще раз убедиться, что билет на месте.

– Тебе необязательно ехать, – говорит бабушка. – Эта Анна меня не пугает.

– А должна бы.

– Ты могла бы остаться, – говорит дедушка.

– Лучше не надо. Пусть полиция сначала ее поймает. – Я обнимаю их одной рукой. – Пришлю вам эсэмэску, когда доеду.

Я закидываю багаж в вагон, одновременно крутя головой, чтобы удостовериться, что за мной не следят, а потом стою в дверях вагона, оценивая взглядом других пассажиров – не мелькнул ли где блестящие белокурые волосы. Удовлетворенная тем, что Анны в вагоне нет, я отодвигаю брошенную кем-то газету с сиденья, припорошенного сигаретным пеплом (несмотря на болтающиеся на окнах таблички «не курить»), и сажусь. Пол серый от грязи. Я ставлю сумочку на колени, а чемодан – на соседнее сиденье. Двери задвигаются, запирая в вагоне застоявшийся воздух, пропитанный дымом, духами и запахом пота. Я выглядываю из испещренного мутными потеками окна и машу рукой.

Поезд грохочет, трогаясь с места, а потом стучит, набирая скорость. Я прислоняюсь головой к грязному стеклу и смотрю, как мимо проносятся поля. Книга, которую я приготовила для путешествия, остается неоткрытой, а я сижу, погруженная в свои мысли, пока мы не прибываем на вокзал Кингс-Кросс. Поезд подъезжает к перрону, я встаю и собираю вещи, качаясь из стороны в сторону и напрягая ягодичы, чтобы придать себе

устойчивость. Высаживаюсь, крепко сжимая в руках ручки багажа, пока меня со всех сторон толкают плечами – каждый дюйм пространства кажется заполненным людьми. Я вздрагиваю при каждом толчке, страшась, что это Анна. Кто-то кладет руку мне на плечо. Я резко оборачиваюсь и вскрикиваю.

– Это я. – Эсме обхватывает меня изящными руками, крепко прижимает к себе. Она сильнее, чем кажется на вид. *Теперь нас осталось только двое.* Я не видела ее со времени похорон Чарли, но не обнимаю в ответ, полная решимости не проявлять эмоций на людной платформе. Боюсь, что если моя скорбь вырвется на свободу, то сможет затопить весь город, поглощая все на своем пути, – такой непомерной она ощущается.

– Теперь ты в безопасности, – шепчет она, и я стараюсь думать о чем-нибудь радостном, чтобы не дать себе заплакать.

– Давай отвезем тебя домой. – Эсме забирает у меня чемодан, и я рада, что кто-то берет командование на себя. Путешествие меня утомило. Вероятно, я еще не совсем оправилась после пожара.

Эсме ориентируется в подземке с уверенностью, которая не соответствует образу робкой девочки, какой она была когда-то. Обессилев, я тяжело опускаюсь на сиденье и глазею на карту на стене. Красные, синие, зеленые макароныны выются через город. Это еще одна вещь, смысл которой я не могу уловить, – таких вещей набирается целый список. Покачивание поезда умиротворяет, и я зеваю.

– Следующая остановка наша. – Эсме похлопывает меня по коленке.

Я встаю и, пошатываясь, хватаю Эсме за руку, чтобы не упасть. Оглядываюсь, но никто на меня не смотрит, и эта анонимность успокаивает. Мы шагаем по замусоренным улицам. Я тесно прижимаюсь к Эсме, вздрагивая от какофонии сигналящих машин. Вдыхаю запах выхлопных газов и фаст-фуда и тоскую по чистому деревенскому воздуху.

Эсме замедляет шаг и останавливается перед рядом магазинчиков.

– Дом, милый дом. Пусть тебя не смущает его внешний вид. – Слева от прачечной самообслуживания находится облупившаяся, покрытая граффити канареечно-желтая дверь. Эсме вставляет ключ в замок, поворачивает, а затем пинает нижнюю часть двери. – Она всегда заедает.

Мой чемодан стучается о стены узкой лестницы. Несмотря на свисающую с потолка голую лампочку, на лестнице так мрачно, что я напрягаю зрение, чтобы что-то видеть. Эсме отпирает массивную серую дверь на верхней площадке, и мы на месте.

Квартирка маленькая, как спичечный коробок, со вкусом

декорированная в кремовых тонах. Эсме унаследовала от матери-парижанки умение создавать непринужденную элегантность. Гостиная, столовая и кухня – это всего лишь крохотные сектора одной и той же комнаты. Эсме в четыре шага пересекает комнату, подходит к окну и поднимает оконную раму. Теплый воздух смешивается с еще более теплым.

– Тебе повезло, что ты приехала весной. Сушилки в прачечной выделяют тепло, и в квартире всегда жарко. Это приятно зимой, но совершенно невыносимо летом. Впрочем, я редко бываю здесь днем. Осмотрись, пока я буду готовить чай. – Эсме проходит в кухонную зону. – Можешь забирать себе спальню, дорогая, я лягу на диване. – Эсме одной рукой отмахивается от моих протестов, а другой достает из буфета черные глянцевые кружки.

Я открываю первую из двух дверей, ведущих из гостиной. В ванной стены выложены белой плиткой, а пол похож на шахматную доску. Дверь можно закрыть, только если встанешь между раковиной и унитазом. Мне кажется, что, если я вытяну руки в стороны, то смогу коснуться противоположных стен. Поблескивает душевая кабинка. Там полным-полно всяких средств косметической компании «Молтон Браун», и я внезапно чувствую себя грязной после путешествия. Двигаюсь дальше.

В спальне стены бледно-желтого цвета, зеркальная мебель и шелковые постельные принадлежности бирюзового цвета. Это будет мой кокон. Я могу вылупиться бабочкой.

– Мне повезло, что у меня есть отдельная спальня. У многих нет.

Эсме появляется у меня за спиной, и я вздрагиваю. Беру у нее кружку с чаем.

– Конечно, дома за ту же цену я могла бы получить многоквартирный блокированный дом с тремя спальнями, но кому охота застревать в населенном пункте, который слишком велик для деревни и слишком мал для городка, где самым волнующим событием за все время был прорыв труб в школе, когда мы все получили недельные каникулы? – Она пожимает плечами. – Это Лондон, детка. Каждый раз, выходя за дверь, я встречаю новые лица, и если мне случится чихнуть, то у меня на пороге не объявятся в течение часа аж три человека с кастрюльками, которые будут разносить слухи, что я подхватила чуму.

– Замечательно, Эсме. Я это очень ценю. – Говорю совершенно искренне. – Но неужели ты совсем не скучаешь по дому? – Лично мне нравится знать всех, живущих поблизости. Сплетни, коллективное возмущение, когда почта сократила выемку писем до одного раза в день. Обо всех происшествиях могут толковать неделями. Скучно, возможно,

скажет кто-то, но по мне в этом было чувство безопасности. Да, безопасности. До появления Анны.

– Иногда скучаю, но мне безумно нравится жить здесь. Вечная суета. Все время что-то происходит. После смерти Шиван деревня потеряла для меня привлекательность. А теперь еще Чарли... Не могу представить, что я когда-нибудь вернусь обратно. Я чувствую, что мое место здесь.

– А вот я больше не знаю, где мое место. – Прихлебываю чай, стараюсь унять дрожь в голосе. – Можно мне принять душ?

– Тебе незачем спрашивать.

Струя воды, падающая из лейки душа, такая мощная, что я начинаю ловить ртом воздух и кручу ручку, чтобы уменьшить давление. Шампунь Эсме пахнет имбирем, но сколько бы раз я ни намыливала голову, все равно ощущаю в волосах слабый запах дыма.

Полотенце мягкое, как вата, я насухо вытираюсь в спальне, изучая содержимое своего чемодана, разбросанное по кровати Эсме. Сначала раздумываю, не одеться ли мне, но потом натягиваю пижаму. По мягкому ковру босиком шлепаю в гостиную.

Позже, держа на коленях тарелки лазаньи со шпинатом, мы, посмеиваясь, смотрим сериал «Друзья» и дивимся, как постарела малышка Дженнифер Энистон. Я благодарна за это нормальное состояние, за впечатление, что это обычный светский визит. Несмотря на возражения Эсме, я кручусь вокруг нее в кухне, насухо вытираю безупречно вымытые ею тарелки, аккуратно ставлю их на узкую поверхность рабочего стола.

– Ну, так как ты? – Эсме вытирает руки, наливает мне бокал пино и увлекает меня на диван.

– Отлично.

Эсме приподнимает бровь.

– Ну, ладно, – говорю я. – Раньше было лучше. У меня была замечательная работа, кошка, сказочный дом, был парень, которого я любила. Я действительно его любила.

Эсме стискивает мою руку.

– Он пришел к дому бабушки и дедушки, хотел повидаться со мной, – говорю я. – Бабушка чуть не избивала его скалкой. Дедушка еле ее удержал.

– Дэн идиот.

– Я знаю, но это был мой идиот. Он продолжает мне звонить.

– И что говорит?

– Я не беру трубку.

– Молодец.

– Он и пишет. Хочет встретиться. Объяснить.

Эсме делает большие глаза.

– Нет объяснений тому, что он сделал. Дэн оказался не тем человеком, которого я знала.

– У меня такое же чувство. – Я кладу руку Эсме на плечо. – Не могу поверить, что он это сделал, и не понимаю, почему Анна так меня ненавидит. – Я оглядываюсь, словно она может выскочить откуда-то из-за мебели.

– Не знаю. Может, она ревновала, детка? Была влюблена в Дэна?

– Он твердо стоит на том, что у них это было один раз и ничего не значило. Но даже если это правда, мне кажется, у нее все равно могли возникнуть к нему чувства.

– Может быть, она не могла перенести, что ее отвергли?

– Может быть. Я так рада, что не познакомила ее с Лекси. Представляешь, каково бы ей было сначала думать, что есть человек, в котором есть частичка Чарли, а потом узнать, что все это ложь?

– Анна ненормальная. Тебе незачем больше из-за нее переживать.

Мы обе знаем, что это неправда.

– Ее закроют очень надолго, Грейс, вот увидишь. Никто не позволит ей разгуливать на свободе, пытаясь убивать людей.

Меня передергивает.

– Это был поджог с намерением создать угрозу жизни.

– Одно и то же. Чокнутая сука.

– Хоть бы полиция ее нашла.

Эсме доликает последние капли вина в мой бокал, затем приносит из кухни другую бутылку, насыпает в миску чипсов.

– А коттедж? Ты все потеряла?

– Нет, слава богу. Пожар был локализован, ковер обгорел, и кое-что из мебели выгорело, но в основном вещи пострадали от дыма. Бабушка трижды стирала одежду из моего шкафа, но... – Мой голос надламывается.

– Там было столько дыма.

– Тебе очень повезло.

– Так мне все говорят.

– А что теперь?

– Коттедж опечатан. Ценные вещи у бабушки в гараже. Полиция получила то, что им требуется, и теперь все в руках страховой компании. Дело уладится примерно через месяц.

– Ты можешь оставаться у меня, сколько пожелаешь.

– Спасибо тебе. Мне не хотелось ехать к маме. Там практически постоянно живет дочь Оливера со своими детьми, так что места и так не

хватает. Как только Анну схватят, я смогу вернуться домой, пожить у дедушки и бабушки. Полицейские говорят, что если я позвоню им, то они придут незамедлительно, но я просто не могла рисковать. Не хочу никого подвергать опасности. – Я сую в рот хрустящую картошку, соль и уксус жалят воспаленное горло. – Анна не станет искать меня здесь.

– Конечно, не станет, – говорит Эсме, и мы молча пьем вино. Я стараюсь не вздрагивать, когда снаружи звучит сигнальное устройство какого-нибудь автомобиля, уверяя себя, что я в безопасности, что Анна меня не найдет. Но меня постоянно терзает вопрос, где же она.

Глава 38

Настоящее

Кофейник бурлит и пускает пар, я наливаю горячий кофе в кружку-термос Эсме, вручаю ей банан. Она выдергивает из розетки мобильник, бросает его в объемистую сумку.

– Каковы твои планы на сегодня? Здесь будет по-настоящему некомфортно. Предсказывают потепление. Как обычно. В апреле жара, а когда пойду в отпуск в августе, вероятнее всего, пойдет дождь.

– Может, пойду прогуляюсь, – лгу я. Это наш ежедневный сценарий. Я жду, пока Эсме пожелает мне хорошего дня, а я лучезарно ей улыбнусь и скажу, что постараюсь. Но вместо этого она кладет на рабочий стол список покупок.

– Не могла бы ты тогда прикупить кое-что, дорогая?

– Я не уверена, что...

– Грейс, в Лондоне живет примерно десять миллионов человек. Даже если бы Анна знала, что ты здесь, чего она не знает...

– Тебе это неизвестно.

– Ты здесь уже почти неделю. Если бы ей было суждено тебя найти, она бы уже это сделала.

– Ты ее не знаешь.

– Так же как и ты не можешь до конца ее знать. Что ты собираешься делать, если ее так и не поймают? Вечно сидеть взаперти?

Я грызу ноготь. Эсме вздыхает, ее рука тянется к списку и комкает его.

– Извини, Грейс. Не хочу на тебя давить. Мне просто нестерпимо видеть тебя в таком состоянии.

Я накрываю ее руку своей.

– Оставь список. Я попытаюсь.

– Ты не обязана...

– Знаю. А теперь беги, а то опоздаешь на поезд.

Наклонив голову, я разглаживаю смятый листок, а она тем временем забирает свои ключи и кофе.

– Желаю тебе приятного дня, Грейс. Не стесняйся порыться в моем шкафу, подбери себе что-нибудь летнее.

Я смаргиваю слезы и бодро улыбаюсь.

– Хорошо.

Каблучки Эсме цокают по деревянной лестнице, а я закрываю дверь в квартиру, накидываю цепочку. Засовываю в тостер цельнозерновой хлеб, рассеивая зернышки по поверхности рабочего стола. Собираю их в руку, выбрасываю в мойку и, поджидая, пока хлеб поджарится, просматриваю видеодиски Эсме. «Сияние», «Полтергейст», «Хэллоуин». Фильмы, которые я и в лучшие времена боялась смотреть. Тосты трещат, возвещая о своей готовности, и я подпрыгиваю от неожиданности. Вытаскиваю их двумя пальцами, намазываю толстыми слоями масла и пасты «Мармайт». Ем стоя, подставив под подбородок ладонь, чтобы ловить крошки. Передо мной простирается долгий одинокий день. Я проглатываю последний кусок, ополаскиваю пальцы. Мой телефон вибрирует, подскакивая на кухонной стойке. Это Дэн. Количество его звонков сократилось, но он все равно звонит по крайней мере трижды в день. Я не отвечаю, никогда не отвечаю. Телефон успокаивается, батарейка почти разрядилась, хотя я не использовала его с момента приезда сюда. Я забыла зарядное устройство, а зарядное устройство Эсме не подходит к моему теле фону.

Оконные стекла дребезжат в такт работающему снаружи отбойному молотку, и я тру виски, стараясь отогнать головную боль, которая сжимает голову. Изучаю карту подземки, которую оставила мне Эсме, вожу по линиям большим пальцем. Соображаю, какая линия мне понадобится, если я решусь высунуться.

Если.

Я калачиком сворачиваюсь на диване и набираю номер на домашнем телефоне Эсме.

– Грейс, как ты?

– Все в порядке. Есть какие-нибудь новости? – Дедушка ежедневно звонит в полицию.

– Пока нет, но ее поймают. Не беспокойся. – Он кашляет, и я отодвигаю трубку от уха.

– Как вы себя чувствуете?

– Отлично. Немного простудились оба, но это пустяки. Бабушки нет дома, она сортирует пожертвования в благотворительном магазине. Миссис Джонс упала.

– Бедняжка. Как она?

– Нужен новый бедренный сустав. К счастью, маляры слышали, как она дубасит в стену своей клюкой. Она в больнице Святой Анны. Не хочу ее навещать, чтобы не занести ей моих микробов.

– Я схожу ее навестить, когда приеду домой. Возможно, сегодня я выйду на улицу. – Я ожидаю протестов. Мол, это небезопасно.

– Свежий воздух пойдет тебе на пользу. – Видно, что дедушка никогда не был в Лондоне.

– Воздух здесь... – Но в ухе слышится только жужжание, а потом и оно пропадает.

– Дедушка? – Ничего не слышу и потому набираю номер снова, но меня встречает тишина.

Вздрагиваю, потому что слышу глухие удары в нижнюю дверь. Трубка падает на диван, а сама я – на колени, зажимая рот обеими руками. Стук раздается сильнее, и я подползаю к окну. Приподнимаюсь и выглядываю через подоконник. Внизу человек в бейсбольной кепке. Из-под логотипа «Нью-Йорк янкиз» виднеются светлые волосы. Меня обдает жаром. Стук раздается снова, человек в кепке отступает от двери и смотрит вверх. Камнем падаю вниз, но недостаточно быстро, человек меня заметил, а я увидела его лицо.

Громыхаю вниз по лестнице, чуть-чуть приоткрываю дверь. Киваю, когда рабочий говорит мне, что заменяют кабели и могут возникнуть временные проблемы с телефонной линией.

Щелкаю дверным замком, задаваясь вопросом, когда я стала такой боязливой. Связано ли это только с Анной или же страх лежит глубже. Думаю, что не чувствовала себя в полной безопасности со времени гибели папы. Всегда носила в себе ощущение тревоги. Я думаю о бабушке, продолжающей свою работу, несмотря ни на что – ни на Анну, ни на плохое самочувствие, – и хочу, чтобы она гордилась мной так же, как я ею. Храбрость медленно овладевает мною. Может быть, эта новая жизнь, в которую я была вброшена, и не та, которую я бы сама для себя выбрала, но, возможно – только возможно, – это именно то, в чем я нуждаюсь.

У Эсме есть ниспадающее свободными складками макси-платье с цветочным узором, которое мне впору, а на ноги я нацепляю ее сандалии. Пытаюсь сложить карту, но у меня это не получается правильно, поэтому я как могу складываю ее гармошкой и засовываю в свою сумку через плечо. Забираю ключи, собираюсь с духом и в первый раз решаюсь самостоятельно окунуться в Лондон.

Кирпичная стена жестко упирается мне в спину, когда я стою, распластавшись по ней, борясь с побуждением вернуться домой. Я никогда прежде не видела, чтобы так много людей боролись за пространство. Никто ни с кем не встречается глазами, все в бешеной спешке, а я ведь еще не добралась до центра. Медленно иду к подземке. Мои произнесенные шепотом извинения остаются незамеченными, и чтобы дойти до станции, мне требуется целая вечность.

Два поезда с грохотом проезжают мимо, прежде чем я нахожу в себе смелость запрыгнуть в третий, успевая метнуться прочь от закрывающейся входной двери. Становлюсь в центре вагона, ноги на ширине плеч, и обеими руками сжимаю вертикальный поручень. Пошатываюсь, когда поезд трогается, и записываю на свой счет первую за этот день победу. Крошечные шажки, Грейс. Придушенный голос объявляет, что мы на Чаринг-Кросс, и я следую за толпой – острые локти и стучащие по ногам кейсы – к турникету, а потом поднимаюсь по ступенькам на свет божий. Снаружи очень светло, я моргаю, вцепившись в сумку, пока толпа толкает меня вперед. «Лондон кишит карманниками», – предостерегала меня бабушка.

Заимствованные сандалии шлепают по тротуару. Идти некуда, делать нечего. Это одновременно и раскрепощает, и выбивает из колеи. Вдоль улиц пестрая череда магазинов. Аромат благовоний смешивается с запахом гамбургеров и мыла фирмы «Лаш». На противоположной стороне улицы я замечаю салон связи, жму кнопку на светофоре и жду появления зеленого человечка.

– Я бы хотела новый айфон.

– Конечно, мадам. Желаете сохранить ваш нынешний номер?

– Ни в коем случае.

Размеры толпы подавляют, я бреду, не разбирая дороги, и не могу унять чувство, будто за мной кто-то следит. Мне кажется, что боковым зрением я вижу фигуру. Разом холодеет затылок. Я останавливаюсь как вкопанная и оборачиваюсь, но не вижу ничего, кроме моря раздраженных лиц, обтекающих меня, и велю себе перестать впадать в паранойю.

Сижу на ступеньках Трафальгарской площади, у моих ног вышагивают голуби. Я швыряю им несколько чипсов. Заряда батарейки моего старого телефона как раз хватает на то, чтобы пролистать список контактов, перенося в новый телефон те, которые я хочу сохранить. Отошлю им эсэмэску, чтобы сообщить мой новый номер. Дойдя до имени Дэна, я испытываю укол боли, но напоминаю себе, зачем купила новый телефон, и подавляю побуждение написать ему. Новая жизнь так новая жизнь. Пластиковая крышка от старого мобильного легко стаскивается. Я удаляю сим-карту, сминаю ее внутри пустой обертки от чипсов и выкидываю в ближайшую урну. Я никогда не запоминаю телефонных номеров, и хотя не так трудно выяснить номер Дэна, если бы мне действительно захотелось, сделанное ощущается как шаг вперед.

Смешно думать, что сейчас еще только апрель. Жара угнетает, становясь все сильнее. Ноги распухают, и ремешки сандалий врезаются в

кожу. Я прохожу мимо человека на ступеньках с мешками пожитков. Перед ним лежит кепка, в которой виднеются мелочь и обертка от жевательной резинки.

– Вам это нужно? – протягиваю ему свой старый телефон. – «Самсунг», последняя модель. Сможете его заложить? У меня нет зарядки, но...

Человек поспешно хватается телефон. Засовывает его в рюкзак.

Передо мной возникает кафе. Сидя за круглым столиком под синеглазым белым полосатым зонтиком, я потягиваю ягодный коктейль и поигрываю новым телефоном. Кончено. Дэн и Анна не смогут со мной связаться, не найдут меня.

– Душно, не правда ли? – Официантка вытирает лоб фартуком. – Больше ничего не желаете?

– Нет, – отвечаю я. – Не желаю.

Хотя мне очень хочется увидеть Биг-Бен, лондонский Тауэр, все достопримечательности, о которых я читала, я утомилась, ноги взмокли и распухли, и надо еще купить то, что написала Эсме. Я тяжело шагаю к подземке и замечаю мигающую неоновую розовую вывеску тату-салона. Толкаю дверь. Пора расправить крылья.

– Можете принять меня без записи? – Я скрещиваю пальцы за спиной, хотя не вполне уверена, какого ответа жду.

– Что вы хотите?

– Маленькое изображение бабочки вот здесь. – Я указываю на заднюю поверхность плеча.

– Да, без проблем. Просмотрите эти альбомы, нет ли там того, что вам понравится, а я пока допью кофе.

– Спасибо. – Листаю страницы с замысловатыми картинками, кельтскими орнаментами, переплетенными буквами и останавливаюсь, когда вижу татуировку, похожую на ту, что сделала Чарли. – Вот эта, – стучу я пальцем по изображению.

– Мило и просто. Меня зовут Рик. Пойдемте со мной.

Комната маленькая и уютная. Я сдвигаю с плеча платье Эсме и ложусь на живот. В углу жужжит вентилятор, и каждые несколько секунд меня обдает волной теплого воздуха.

– Готовы? – спрашивает Рик.

– Да, – говорю я. – Готова.

Игла касается кожи, и я напрягаюсь. Больно, но терпимо. Я разжимаю кулаки и глубоко дышу через нос.

Посмотри на меня, Чарли. Я лечу.

Плечо жжет, и я снова и снова похлопываю по повязке, словно убеждая себя, что я действительно такая храбрая. Когда я потеряла невинность, мне казалось, что каждый, только взглянув на меня, должен был понять, что во мне что-то изменилось. Что я изменилась. Именно так чувствую я себя, стоя на платформе и ожидая поезда подземки. Неуверенная, но гордая – сомнительное достижение. Я оглядываюсь вокруг, почти ожидая, что кто-то станет расспрашивать меня о моей повязке, но здесь не так, как дома, – люди в городе не завязывают разговоров так запросто. Весело смотрю на пару, стоящую рядом со мной. У них обоих татуировки. «Посмотрите, – хочется сказать им. – Я одна из вас».

Именно тогда я замечаю ее. Рядом с арочным проходом. Мелькают блестящие светлые волосы, розовый кожаный жакет, а потом она исчезает. *Анна.*

Я выгибаю шею. Становлюсь на цыпочки. Но от страха кружится голова, и я оступаюсь. Пальцы барабанят по бедру: *думай, Грейс, думай.* Судорожно мотаю головой, сканируя толпу, стараюсь медленно вдохнуть и выдохнуть. Говорю себе, что не должна бояться, только не здесь. Я окружена людьми. В толпе легче спрятаться. Бояться надо, когда я одна. Когда каждая тень кричит об опасности.

Я ее не вижу. Высматриваю в толпе блондинок. Нет ни одной в розовом жакете. Среди них нет Анны. Бешеное биение сердца постепенно замедляется, когда я начинаю думать, что ошиблась. Что это была не она. Не может она тут оказаться. Но затем снова вижу то же самое. Развевающиеся светлые волосы. Мелькание розового. Волна гнева захлестывает меня, топит страх. Она убила мою кошку. Разрушила мой дом. Уничтожила мои отношения с Дэном. Что ей еще надо? Я крепче прижимаю сумку и проталкиваюсь сквозь толпу пассажиров, не обращая внимания на боль, когда задевают мою татуировку. Дичь превратилась в охотника. Руки вытянуты вдоль тела, как у египетской мумии, я прокладываю дорогу сквозь толчею, думая о том, что сделаю, когда ее поймаю. Но потом отбрасываю эту мысль. Я потеряла ее из виду. Слишком много людей, которые чертыхаются и гневно смотрят, сталкиваясь со мной, и мой адреналин убывает. Я останавливаюсь, внезапно осознав, что бормочу себе под нос. Должно быть, я выгляжу сумасшедшей и спрашиваю себя, не так ли это на самом деле. Видимо, мне пора возвращаться.

Раздается грохот, и платформа вибрирует. Свист рассекаемого воздуха.

Я поворачиваюсь к громыхающему ко мне поезду. Делаю шаг к краю платформы. Не могу дождаться, когда снова окажусь дома. Огни поезда несутся из темноты прямо на меня. Кто-то хлопает меня по плечам, пихая вперед. Тело инстинктивно упирается, стараясь выровняться, но слишком поздно. Меня выталкивают вперед. Взмахнув в воздухе руками, я падаю. Рельсы летят мне навстречу, и я крепко зажмуриваюсь.

Глава 39

Настоящее

Эсме мерит шагами ковер на полу, а я, расположившись на диване, держу обеими руками кружку с чаем и стараюсь успокоиться.

– Тебя намеренно толкнули?

– Да.

– Может, кто-то просто в тебя врезался? Я знаю, какая толпа бывает на платформах.

– Мне кажется, я видела...

– Грейс, я верю, что тебе кажется, будто ты ее видела, но взгляни трезво: в Лондоне тысячи блондинок, может, миллионы. – Эсме резко оборачивается в мою сторону. – Ты уверена?

Я закрываю глаза. Мысленным взором вижу мелькание светлых волос. Розовый кожаный жакет. Но сколько ни стараюсь, не могу увидеть ее лицо.

– У меня было очень сильное ощущение.

– Грейс. – Эсме наклоняется надо мной, как делала я на работе с маленькими детьми. – Если ты считаешь, что это была она, нам надо позвонить в полицию.

– И что я им скажу? Мне кажется, что кто-то пытался меня убить, но я его не разглядела, свидетелей нет, и я не пострадала.

– Что насчет парня, который тебя спас?

Кто бы мог подумать, что подросток с пирсингом, из тех, при встрече с которыми я обычно перехожу на другую сторону улицы, спасет мне жизнь? Он ухватился за мою сумку и дернул, выровняв меня, как марионетку. Я до сих пор чувствую, как ремень сумки впился в тело, когда меня рывком спасли от смерти.

– Он впрыгнул в поезд, прежде чем я успела его поблагодарить.

– Давай позвоним твоему дедушке. Узнаем, что он думает.

– Нет. Он неважно себя чувствует, да и бабушка тоже. Он только разволнуется. Оба они разволнуются.

Эсме прижимает подушечки ладоней к глазам.

– Им бы надо знать. Как насчет твоей мамы?

– Она слишком занята семьей Оливера. Послушай, я в порядке. Вероятно, меня просто толкнули в толпе, как ты и говоришь. Но все равно я чувствую себя не в своей тарелке. – Ставлю на пол кружку, чай в которой

остыл и стал невкусным. Заставляю себя улыбнуться. – Это был несчастный случай. Анна не знает, что я здесь, не может знать.

Взбиваю диванную подушку и откидываюсь на нее, но все равно ощущаю на спине прикосновение рук. Толчок. Падение. Страх.

Подняв таз и опустив голову, я тянусь, выполняя упражнение «собака мордой вниз». Как же давно я не занималась йогой. Я и забыла, насколько это здорово. Выдыхаю, перехожу в позу эмбриона. Напряжение покидает тело, дыхание становится медленным и ровным. Музыка, звучащая из док-станции для айпода, окатывает меня, словно набегающие волны, а из раскрытого окна дует теплый ветерок. Я делаю глубокий вдох, готовясь перейти в позу кошки.

Раздается громкий стук во внешнюю дверь, и я с трудом сдерживаю раздражение. Снова фокусируюсь на дыхании, стараюсь восстановить внутреннее спокойствие. Закрываю глаза. Слушаю волны музыки. Кто бы там ни был, он уйдет. Следуют несколько секунд тишины, а потом стук возобновляется. Я на коленях подползаю к окну, поднимаю руки, чтобы опустить раму. Опять стучат. Я бросаю взгляд вниз. Цепенею, узнав руку, которая молотит в дверь. Мои руки так и застывают в воздухе.

– Дэн! – Я выпаливаю его имя, прежде чем успеваю себя остановить. Он поднимает лицо, бледное и небритое. – Как ты узнал, что я здесь?

– Я позвонил Эсме.

– Она тебе сказала?

– Она сказала, что не видела тебя, но говорила со мной очень грубо. Я ей не поверил.

– Чего ты хочешь?

– Можно мне войти?

– Нет. Мне нечего тебе сказать.

– Тогда просто послушай. Прошу тебя, Грейс.

– Нет.

– Я люблю тебя.

Я ловлю эти слова и комкаю их, а потом бросаю обратно в новой форме:

– Я тебя ненавижу.

– Неправда, и я не уйду, пока не скажу то, что пришел сказать.

– Дело твое. – Я пытаюсь опустить оконную раму, но ее заклинивает, и приходится раскачивать ее влево-вправо, чтобы медленно задвинуть. Стоящий внизу Дэн умоляет его впустить, и я чувствую, что лицо у меня пылает. При закрытом окне его голос слышится слабее, и я задерживаю

занавески, сажусь на пол, скрестив ноги и прислонясь спиной к радиатору. Конечно, мне интересно услышать, что же он хочет сказать, но я не шевелюсь и не впускаю его.

В комнате темнеет, хотя сейчас только два часа, вспышка молнии освещает полумрак, а за ней грохочет гром. Дождь хлещет по окнам, и я раздвигаю занавески, выглядываю вниз, на мрачную улицу. Засунув руки в карманы, Дэн переминается с ноги на ногу, мокрые волосы облепили голову. Мимо проносится белый фургон, и Дэна обдает волной воды. Он отплеывается, вытирает глаза.

– Пожалуйста, – шевелит он губами, заметив меня в окне.

Я колеблюсь, киваю, натягиваю толстовку с капюшоном, провожу щеткой по волосам и открываю дверь.

Дэн сдергивает с себя футболку и крепко растирает тело полотенцем. Я занимаю себя тем, что несу чайник под кран, хотя знаю, что там и так довольно воды для чая. Не хочу смотреть на грудь Дэна. Видеть родинки, которые целовала, плечи, на которых плакала. Ставлю кружки на кофейный столик и усаживаюсь на противоположном от него конце дивана. Между нами нарастает молчание, наполняя комнату, высасывая воздух. Я покусываю щеку. Не хочу заговаривать первой. Спокойно выслушаю, что хочет сказать Дэн, а затем гордо, с достоинством его провожу.

Дэн осушает кружку. Откидывается на спинку дивана. Закладывает руки за голову, выставив в стороны локти. Возможно, он выглядит расслабленным, но его правое колено подергивается вверх-вниз, и я понимаю, что творится у него внутри. Он прокашливается.

– Мое поведение было непростительным.

– Что именно? То, что ты позволил мне поверить, что я нашла сестру Чарли, или то, что притащил в наш дом свою любовницу?

– Она никогда не была моей любовницей, Грейс. Это был единичный случай. Ошибка.

– Ошибка, за которую я заплатила. Ты убил мою кошку, разрушил наш дом. Я чуть не погибла. Ты этого хотел? Избавиться от меня?

Дэн выглядит ошеломленным.

– Нет. Не хотел. Я хочу...

– Мне наплевать, чего ты хочешь. – Мне надоели его извинения.

– Я тебя не виню...

– Очень великодушно с твоей стороны.

– Грейс, пожалуйста...

– Пожалуйста что? Пожалуйста, прости меня, хотя я лживый, неверный ублюдок? Зачем... ты... пришел? – Пульс у меня учащается. Я

подаюсь вперед. – Какого хрена тебе надо? – По моим жилам течет расплавленная лава.

– Поговорить, – произносит он тихим и спокойным голосом.

– Не хочу слушать! – Я боюсь того, что он может сказать, но одновременно мне отчаянно хочется услышать. Я не знаю, что делать.

– Тогда зачем ты меня впустила? Послушай, я знаю, что был... – Его голос надламывается. Он делает вдох, начинает снова: – Я знаю, что был идиотом.

Я киваю. Это по крайней мере правда.

– Когда умерла Чарли, ты стала такой обособленной. Такой отдельной. Я не знал, как до тебя достучаться.

– Прости, пожалуйста, что моя лучшая подруга умерла, она... – Мой голос сочится сарказмом.

– Ведь она была не только твоей подругой, не так ли, Грейс? Но мои чувства не имели значения. Главное, что чувствовала ты.

Я молча откидываюсь назад.

– Я не говорю, что это было плохо. Знаю, смерть Чарли всколыхнула в тебе воспоминания об отце. Тебе со многим надо было справиться, но и мне тоже.

Я верчу в руках бумажную салфетку.

– Вспомни, Грейс. Вспомни, как это было. Ты полностью отгородилась от всего. Я старался поддерживать тебя эмоционально, вести хозяйство, готовить – а ты знаешь, как дерьмово это у меня получается. Я боялся брать отгулы, потому что у нас шли сокращения. Я не знал, вернешься ли ты когда-нибудь к работе, и боялся, что у нас останется только одна моя зарплата. Я был в таком напряжении.

– Ты никогда ничего не говорил, – бормочу я.

– Ты никогда не спрашивала, каково мне. Ни разу.

Я поднимаю голову, и его глаза, воспаленные, окруженные темными кругами, встречаются с моими. Те самые глаза, что наблюдали, как я расту, видели, как я горюю, любовались моим обнаженным телом.

– Прости, – говорю я искренне. – Но... Анна...

– Анна для меня ничего не значила. Она подавала пиво и слушала, и мне было приятно, что кто-то меня слушает. Что есть возможность поговорить о Чарли, а она вроде заинтересовалась...

– Заинтересовалась тобой.

– Все было не так. Не надо было мне...

– Ее трахать.

– Да.

– Дэн, почему Чарли так неожиданно уехала, когда нам было восемнадцать лет? Что она хотела сказать той запиской? За что она просила прощения? Я знаю, что спрашивала тебя раньше, но если ты что-то утаиваешь, то должен мне сказать.

Дэн в замешательстве морщит лицо.

– Я не знаю. Но...

– Почему ты поселил Анну у нас в доме? – Я выстреливаю в него вопросами, не давая ему времени подумать. Обычно, когда Дэн лжет, он молитвенно складывает руки, но сейчас его ладони спокойно лежат на коленях.

– Я не хотел. Но очень боялся, что она разошлет всем то видео. У тебя все наладилось: ты вернулась на работу, мы опять сблизились. Я не хотел это разрушить.

– Но ведь у нее должны быть родственники, друзья. Она что, никогда не слышала об отелях?

– Она сказала, что у нее никого нет. Я подумывал о том, чтобы оплатить ей гостиницу типа «постель и завтрак», но ты бы увидела это в выписках по кредитной карте. Я не смог бы этого объяснить.

– Но притвориться сестрой Чарли? Это было обдуманно и жестоко.

– Я запаниковал. Она позвонила в тот вечер, когда мы завели блог, и все такое. Я не знал, как мне еще ее тебе представить. Сказал ей, что она может перевезти свои вещи и спать в свободной комнате, но не заводить дружбу с тобой.

– Заводить дружбу? Да она меня чуть не убила.

– То, что она сделала, непростительно, но...

– То, что вы оба сделали, непростительно.

– Знаю. Я совершенно не хотел причинить тебе боль. Думал, она проживет несколько дней, пока не уладит свои дела, и уйдет. Ты бы никогда о нас не узнала. Я пришел сказать: мне очень жаль, что так получилось. Я виноват. – Дэн закрывает лицо руками, и я знаю, что он плачет, но не могу его утешить, просто не могу. Собираю кружки. Щелкаю чайником.

Когда он по-прежнему остается неподвижен и безмолвен, я подхожу к дивану.

– Дэн, тебе надо уйти.

– Поедем со мной домой.

– Не могу. Там опасно. Хотя и здесь тоже.

– Что ты имеешь в виду?

Я рассказываю ему о том, что случилось на станции метро, и он озабоченно хмурится.

– Боже мой. Возвращайся, Грейс. Позволь мне позаботиться о тебе. Пожалуйста.

Он подцепляет завиток моих волос и заправляет мне за ухо, проводит кончиками пальцев по моей скуле.

– Дэн... – Я отшатываюсь назад, но он берет мое лицо в ладони, прижимается лбом к моему лбу, и я не двигаюсь, не могу двигаться. Дыхание делается прерывистым, я перестаю замечать все остальное, кроме Дэна, есть один только Дэн, и наши губы мягко соприкасаются. Он отпускает мое лицо, но я не шевелюсь, только постанываю, потому что он тербит большими пальцами мои соски. Внутренняя поверхность бедер намокает, и я изгибаюсь на сиденье. Одежда сброшена и кучей лежит на полу, я сажусь на него верхом, а его руки сжимают мою талию. Все происходит быстро. Он хрипло произносит мое имя и крепко прижимает меня к себе. Потом я не могу поверить в то, что только что случилось. Подбираю свою одежду и держу перед собой, как щит.

– Я и забыл, какая ты красивая, – говорит Дэн. – Не одевайся. Где спальня? Давай ляжем.

Слово «ляжем» эхом отдается в комнате, отражаясь от всех поверхностей, пока разом не приводит меня в чувство. Не важно, что и почему сейчас произошло, он намеренно старался замаскировать происшествие с Анной, и я не в силах простить его за это.

– Не могу. – Я натягиваю трусики, хватаюсь за бюстгальтер. – Это была ошибка.

– Это не было похоже на ошибку. Нам хорошо вместе.

– Должно быть нечто большее, чем хороший секс...

– Великолепный секс...

Я задерживаю молнию на толстовке.

– Между нами давно уже не все в порядке, Дэн. Дело не только в Анне.

– Я знаю. Чарли... – Дэн натягивает футболку.

– Дело и не в Чарли. Мы отдалились друг от друга. Я люблю сидеть дома, ты обожаешь куда-то ходить. Я люблю порядок, ты считаешь, что у меня синдром навязчивых состояний. Я всегда была слишком привязчивой, боялась оставаться одна, боялась потерять тебя, как потеряла отца.

– Ты меня не потеряла...

– Нет, потеряла, и знаешь что? Мир не обрушился. Я жива и думаю, что, несмотря на все, я в порядке. Думаю, мне это нужно. Справляться самостоятельно. Самой соображать, что мне действительно требуется. Будь честен: был ли ты счастлив до того, как все случилось, до Чарли?

Слова слетают с языка и застывают перед Дэном гигантским

вопросительным знаком, требуя ответа.

Дэн долго молчит.

– Нет, не был.

В наступившей тишине ничего не слышно, кроме нашего дыхания. Кроме биения сердец, которые прежде бились вместе, а теперь переходят каждое в собственный ритм, отдельно друг от друга. Незнакомцы становятся друзьями, становятся любовниками, становятся всем – а затем становятся ничем. Полный цикл.

– Тебе надо идти. – У меня такое чувство, что я могла бы проспать неделю.

Он встает.

– Прости, Грейс. За все. Мне очень жаль.

– Знаю, – киваю я.

– Но в одном ты ошибаешься.

– В чем?

– Ты шла по жизни, думая, что нуждаешься во мне. Что не справилась бы, приведишь мне тебя покинуть, как сделал твой отец, как сделала Чарли. Но, как бы ты ни тревожилась, какой бы испуганной себя ни ощущала, ты не сдаешься. Ты никогда не сдаешься. Это не ты во мне нуждалась, Грейс, а я в тебе. Это ты сильная. Ты можешь сделать все. Перестань себя винить. Во всем, что случилось, нет твоей вины.

Его слова обрушиваются на меня, и я чувствую головокружение, когда он распахивает мне объятия, в которых я когда-то хотела остаться навсегда. Я прижимаюсь к нему и втягиваю в себя его такой знакомый запах. Все кончено, и мы оба это знаем. Воспоминания о нас вдвоем будут истощаться и блекнуть, пока Дэн не станет просто мальчиком, которого я когда-то знала.

– Друзья? – шепчет он.

– Может быть.

Слезы туманят глаза, когда я смотрю, как Дэн, ссутулившись, бредет по улице, пока не скрывается из виду. Мой мобильник вибрирует, и я почти надеюсь, что это он, собирается спросить, нельзя ли ему вернуться, но потом вспоминаю, что Дэн не знает номер нового телефона. Это эсэмэска от Лекси, и я вывожу ее на экран.

«Срочно – я в больнице – можешь прийти?»

Глава 40

Настоящее

Где мы точно находимся, непонятно. Поезд, грохоча, мчится по ночной сельской местности. Я всматриваюсь в окно вагона, но вижу лишь отражение в стекле собственного бледного и встревоженного лица. Я кладу руки на колени, переплетаю пальцы, стараюсь расслабиться.

Когда я позвонила Лекси, та была возбуждена, сказала, что упала с лестницы, но сейчас чувствует себя хорошо, только очень хочет выписаться. Соседи слышали ее крик (жильца в это время дома не было) и вызвали «Скорую». Лекси сказала, что уже сыта по горло «суею чертовых медсестер», и «чертовой кусачей больничной рубашкой», и тем, что ей «чертовски нечего делать». Она сказала, что у нее есть для меня какое-то важное сообщение, но будет говорить только с глазу на глаз. Это насчет Чарли, добавила она. К тому времени как я приеду, часы посещений давно закончатся, но, несмотря на все мои умасливания, она ни в какую не пожелала ничего говорить по телефону, сказала, что увидится со мной завтра в десять.

Я звоню дедушке из поезда, чтобы сообщить ему, что еду домой, но он не отвечает. Через несколько минут от него приходит эсэмэс.

«Мы не можем говорить, у нас пропали голоса. Лежим в постели».

Я спрашиваю: «Вам что-нибудь нужно?»

«Нет, пьем горячий тодди, собираемся спать».
«Спокойной ночи».

Я решаю не сообщать им, что возвращаюсь. Как бы скверно себя бабушка ни чувствовала, она непременно встанет и сменит постельное белье, скорее всего испечет кекс. Дам им отдохнуть и забегу завтра. Будет приятный сюрприз. В любом случае, мой коттедж кажется пригодным для жителя. Нижний этаж закончен. Дедушка наблюдает за ремонтом, поторапливая уборщиков и маляров. Называет себя начальником строительства. Бабушка каждое утро собирает ему пластиковый контейнер булочек и овсяных лепешек, чтобы задабривать рабочих.

Я откидываю голову назад, закрываю глаза, ощущаю, как тело вибрирует вместе с поездом. Мне понятно, почему детей убаюкивает движущийся транспорт. Кажется, проходит всего несколько секунд, и моя голова дергается вверх, словно я получила небольшой удар током. Поезд стоит. Я вытираю рот, надеясь, что не пускала слюни, потягиваюсь и узнаю за окном вывеску с названием станции.

– Черт! – Хватаю чемодан, спускаюсь вниз по ступенькам. Я дома. Застегиваю молнию на куртке, присаживаюсь на скамейке и вызываю такси.

Возле квартиры Эсме в Лондоне всегда шумно: стрекот сушилок из расположенной внизу прачечной, проносящиеся под окном машины – даже в самый глухой ночной час слышится звук сирен, какие-то парни, возвращаясь домой, громко окликают друг друга, пинают по дороге пустые жестянки. В деревне же, напротив, тишина и покой, словно произошел зомби-апокалипсис, и все жители сбежали. Большинство домов погружены во тьму.

Поздно, но я не устала и прошу водителя такси высадить меня у дома Лекси. Если ключ по-прежнему спрятан в том же месте, я смогу разыскать ее ночную рубашку и туалетные принадлежности, какие-нибудь бульварные журналы, которые ее занимают, и взять их с собой, когда пойду к ней. Фонарик в телефоне освещает гнома-рыболова Брайана, унылого и облупившегося, с неизменной гримасой. Вокруг его основания выросли сорняки, и мне приходится сильно дернуть, чтобы высвободить фигурку. Серебристый ключ все так же находится под ней, и я верчу в руке холодный металл, прежде чем отпереть дверь.

Щелкаю выключателем – под слабой электрической лампочкой танцуют пылинки – и направляюсь напрямик на второй этаж. Дверь в комнату Чарли приотворена, и я борюсь с искушением просунуть туда голову, понимая, что теперь это комната какого-то чужого человека. Комната Лекси почти не изменилась: все так же повсюду разбросана одежда, прямо как в те времена, когда мы наряжались здесь в ее тряпки. Я помню, как Чарли напяливала на себя мини-юбку из лайкры и топ в виде лифчика, набивая чашечки туалетной бумагой. *Посмотри на меня, дорогая, я феерична.* Я ожидаю от себя жгучих слез, комка в горле – но вместо этого улыбаюсь при этом воспоминании.

Под подушку у Лекси засунута крохотная черная шелковая комбинация, отделанная кружевом, и я выдвигаю ящики, стараясь найти что-то более подходящее для больницы; что-нибудь, что хотя бы прикроет ей зад. Одежда в ящиках аккуратно сложена, почти не ношена, и я нахожу

большую белую футболку, на которой спереди жирными черными буквами написано «РАССЛАБЬСЯ». На полу сумка из дерюги, и я кладу туда футболку, добавляю чистое белье и туалетные принадлежности, последний номер «Космополитена», а еще, поскольку это Лекси, – губную помаду и щетку для волос. Я уже собираюсь уходить и начинаю закрывать за собой дверь, когда вспоминаю о тапочках. Под кроватью у Лекси не было ничего такого, и я пытаюсь вспомнить, видела ли я ее когда-нибудь в шлепанцах. Мне кажется, что нет, но я помню, что бабушка покупала ей какие-то мокасины на Рождество. Готова поспорить, что ими никогда не пользовались.

Вернувшись наверх, я отодвигаю дверцы шкафа и отступаю назад, потому что с верхней полки на меня вываливается груда одежды. Я складываю ее назад аккуратной стопкой, а потом встаю на коленки и ищу коробку с тапочками. В глубине шкафа несколько обувных коробок, и я осторожно их вытаскиваю, снимаю крышки. Некоторые туфли выглядят совсем новенькими: красные, блестящие, на шпильках с перепонками, плоские золотые сандалии с высокой шнуровкой. Я снимаю крышку с последней коробки. Оттуда вываливаются и сыплются на пол бумаги. Я собираю их в пачки и засовываю обратно, когда замечаю свидетельство о рождении и разворачиваю его. ШАРЛОТТА ЭЛИЗАБЕТ ФИШЕР, РОДИЛАСЬ 1 СЕНТЯБРЯ 1990 г. МАТЬ – АЛЕКСАНДРА КЛЕР ФИШЕР. ОТЕЦ – ПОЛ МАЙКЛ ЛОУСОН. Я заботливо складываю документ так, как он был сложен, но затем замечаю идентичную кремовую бумагу. Я думаю, что это, должно быть, свидетельство о рождении Лекси, но, прочитав имя, не могу поверить своим глазам.

АННАБЕЛЬ ЛОРА ФИШЕР, РОДИЛАСЬ 1 СЕНТЯБРЯ 1990 г. МАТЬ – АЛЕКСАНДРА КЛЕР ФИШЕР. ОТЕЦ – ПОЛ МАЙКЛ ЛОУСОН.

Та же дата рождения, что и у Чарли. Аннабель. Белль. Она реальна. Воображаемая подруга Чарли. Белль.

Аннабель. Белль. Сестра Чарли.

Анна.

Я переворачиваю обувную коробку, и на вытертый ковер высыпаются письма. Я хватаю то, что ближе ко мне, вытаскиваю листок из конверта.

Мама!

Почему ты не отвечаешь на мои письма? Что я сделала не так? Почему ты от меня отказалась?

Белль.

Читаю следующее.

Дорогая сука!

Я знаю, что ты была там, когда я пришла тебя навестить – почему ты не открыла дверь? Ты имеешь хоть какое-то представление, сколько стоит проезд на поезде?

Ненавижу тебя.

Белль.

Я чувствую себя так, словно кручусь на карусели. Голова кружится, и я не могу толком сосредоточиться. Опускаюсь на пятки. Анна. Аннабель. Белль. Я звоню Лекси на мобильный. Это не может ждать до утра, но меня переадресовывают на голосовую почту. Звоню прямо в больницу. Говорю им, что это срочно, что мне надо увидеть Лекси или хотя бы поговорить с ней, но, когда они спрашивают, кто я такая, я запинаюсь, заикаюсь, а потом удрученно даю отбой. Следовало подготовить легенду. Я никогда не умела врать. Не то что Лекси. *Не то что Анна.*

В кухне пахнет протухшей едой, но мне наплевать. Стол захламлен, и я смахиваю на пол груды неоплаченных счетов, флаконы с лаком для ногтей и пустые сигаретные пачки. Ударившись об пол, разлетается на мелкие кусочки пепельница, осколки стекла усыпают пол, как конфетти, но я их не убираю.

В холодильнике пусто, в морозилке я нахожу водку. Ополаскиваю стакан и захожусь в кашле, когда ледяной алкоголь обжигает грудь. Только прикончив наполовину второй стакан, я сажусь, изучаю почтовые штемпели на конвертах и раскладываю письма в хронологическом порядке. Читаю самое раннее.

Дорогая мама!

Надеюсь, ты сможешь прочесть мою писанину – у меня рука дрожит от волнения!!!

Наконец-то мне восемнадцать!!!! Уверена, что ты ждала этого дня так же, как и я. Я знаю, тебе не позволено первой вступать в контакт, и держу пари, время для тебя шло так медленно. Ублюдки, ведающие усыновлением, ни за что не хотели давать мне информацию о тебе, поэтому я сберегла деньги, полученные за работу нянькой, и обратилась в частное детективное агентство, прямо как в кино! Они сразу нашли

твой адрес. Это стоило целое состояние, но все окупится, когда мы будем вместе, ведь правда?

Я мало что о тебе помню, но могу припомнить, как ты держала меня на коленях и пела, а твои розовые волосы щекотали мне шею.

Не знаю, была ли моя сестра удочерена или передана на воспитание, как я, но, возможно, то агентство, что я наняла, сможет найти и ее тоже, если ты не знаешь, где она, и мы сможем быть все вместе.

Не могу дождаться, когда мы все станем одной семьей. Я всегда только этого и хотела. Я БЕСПЕРЫВНО об этом мечтаю!!!!

Напиши мне и дай знать, когда можно приехать. Я уже упаковалась!!!

С бесконечной любовью, твоя дочь Бель.

Все письма разные. Одни полны любви, другие – мольбы, третьи – ненависти. Ясно, что Лекси ни на одно не ответила.

От последнего письма у меня по спине бежит озноб.

Ты думаешь, что можешь меня игнорировать? Не советую.

Глава 41

Прошлое

Я в халате прошаркала вниз по лестнице и собрала почту с коврика перед дверью. Там была открытка с изображением фонтана Треви. Я перевернула ее обратной стороной: *«Я опять в Риме, не могу усидеть на месте! С любовью, Чарли»*.

В кухне я повесила доску из пробки специально для открыток, которые регулярно приходили на протяжении шести лет, с тех пор как Чарли уехала. Всякий раз, как такая открытка приходила, я испытывала одновременно облегчение оттого, что она все еще жива, и ярость оттого, что она так и не вернулась. Открытки были прищиплены целыми стопками, и булавки с трудом их удерживали. Часто я находила их рассыпанными по всей кухне.

Я не видела ее с тех пор, как нам было по восемнадцать лет. Я так и не узнала, ни почему она уехала, ни что она совершила, за что просила у меня прощения, но я следила за ее перемещениями, пока она перелетала из страны в страну, вечно находясь в движении и будучи для меня уже не вполне реальной. Было приятно иметь возможность с нетерпением ждать почты. С отъездом Чарли письма с угрозами прекратились. Я старалась особенно об этом не задумываться. Старалась не делать поспешных выводов. «Смотри на факты», – говорила мне когда-то моя психотерапевт Пола. Родители Шиван переехали в другое место сразу после ее похорон. Забрали Эбби куда-то далеко. Куда-то, где, как они считали, смогут ее уберечь. Было ли на свете такое место?

Я насыпала в кастрюльку овсяных хлопьев, добавила молока. Подходящий к случаю завтрак, он поможет принять вызов, который бросит мне сегодняшний день. Пока каша булькала, я раздвинула занавески в гостиной. Собрала брошенные Дэном банки из-под пива «Фостер» и коробку из-под пиццы. Каша сварилась, и я подмешала туда чернику, налила в стакан апельсинового сока и отнесла завтрак в садовую беседку. Август был унылым, но сентябрь принес бабье лето. Небо было аквамариново-синим, а облака – белыми и пушистыми. Дул легкий ветерок, позднее он меня порадует.

– Я пошел.

Дэн высунул голову из-за стеклянной двери.

- Я думала, ты сегодня не пойдешь.
- Я всегда играю по субботам.
- Я надеялась, ты пойдешь поддержать меня.
- А ты теперь часто приходишь на матчи?
- Может быть, если бы я не была так занята, убирая за тобой...
- Не начинай все снова, – вздохнул Дэн.
- Я с грохотом бросила ложку в тарелку и пронеслась мимо него.
- Ну, тогда пока.

Он поспешно выскочил из дому, прежде чем у меня успели брызнуть слезы.

С налитыми свинцом ногами я тяжело поднялась наверх. Постоянные перебранки, в которые втягивались мы с Дэном, были изнурительны. Сложилось бы все иначе, если бы Чарли не уехала или же ее отпугивали бы наши ссоры? Я полагала, что даже если бы она осталась дома, то вряд ли бы до сих пор жила с нами. Она вполне могла бы кого-то повстречать и выйти замуж. Было трудно думать о замужней Чарли. Я могла думать о ней только как о восемнадцатилетней девчонке, которая любит стоять в пабе на табурете, размахивая бутылкой сидра «Балмерс» и распевая вместе со всеми под Мадонну, и которой Майк кричит, чтобы она перестала пачкать грязными ногами обивку. Я испытывала острую боль, когда думала о том, что у Чарли своя жизнь, частью которой я никогда не стану. Вероятнее всего, с новой лучшей подругой.

В спальне я лишь с третьей попытки сдвинула вверх створку окна. Когда это удалось, я высунула голову наружу, и теплый ветерок взъерошил волосы. Это был самый жаркий сентябрь за несколько лет, как тогда, когда я еще училась в школе и мы вместе с Чарли, Эсме, Шиван прогуливали занятия, сидя в лесу, болтая ногами в ручье и в складчину поедая принесенные завтраки. Прогуливать школу казалось такой отвагой, и хотя бабушка об этом узнала и две недели меня пилила, я считала, что при поддержке подруг смогу сделать все, что угодно.

Теперь, когда Шиван умерла, Чарли была невесть где, а Эсме жила в Лондоне, я осталась одна и обнаружила, что на самом деле не такая уж храбрая. Часто я думала, что могла бы упаковать рюкзак и поехать в те места с открыток Чарли. Попытаться отыскать ее. Но я знала, что не стану этого делать. Мне было слишком страшно, что я не смогу ее отыскать. Слишком страшно, что смогу. Кроме того, у меня был Дэн, и, несмотря на ссоры по поводу незавинченной крышечки зубной пасты и поднятого сиденья унитаза, я его действительно любила и надеялась, что он чувствует то же самое.

Душ был прохладным, я намылила лавандовым гелем сухую кожу, потом побрила ноги. Теперь я уже не так сильно заморачивалась с их бритьем, но сегодня они будут на виду. Футболка, которую я натягивала через влажные волосы, пахла кондиционером для белья. Я натянула на запястье резинку для волос, чтобы надеть ее позже, и направилась к деревенскому зеленому пустырю.

Бабушка, дедушка и мама уже сидели за шатким столом на козлах, вручая номера стоящим в очереди бегунам. Я была рада, что мама приехала. Она была так счастлива с Оливером, что порой казалось, совсем забыла папу, но, когда я рассказала ей о моем плане, она пришла в восторг и сказала, что ни за что этого не пропустит.

– Доброе утро. Народу много собралось. – Заслонив глаза ладонью от солнца, я обводила взглядом пустырь.

– Уже пятьдесят человек зарегистрировались. Кто бы мог подумать, что первые деревенские игры соберут такую толпу? Это была превосходная идея, Грейс.

– Спасибо. Думаю, шатер с пивом может помочь. Я рада, что Лекси потом будет петь. – Враждебность Лекси с годами смягчилась, и у нас завязалась зыбкая дружба. Я не хотела больше никого терять.

– Все будет отлично. Где Дэн?

– Футбол. Он придет позже. – Я скрестила пальцы за спиной.

Я уперлась ступней и руками в шершавую кору дуба, растягивая мышцы на ноге. Когда распрямилась, кто-то похлопал меня по плечу.

– Грейс? – Голос был негромким. Я впились взглядом в ствол дерева, а по телу стремительно разлился адреналин. *Не может быть.* Я не смела обернуться.

– Грейс?

Я медленно повернулась.

Рот Чарли растянулся в улыбке, но глаза не зажглись и кожа в уголках глаз не собралась морщинками. На ее бедрах сидели крохотные шорты, из-под короткого топика с открытыми плечами выпирали ключицы.

Грязный розовый рюкзак глухо стукнулся о землю.

– Та-дам! – Она взмахнула руками с растопыренными пальцами. Улыбка сползла с лица. – Скажи что-нибудь.

Я открыла рот и снова его закрыла.

– Обнимемся по крайней мере? – Она сделала шаг вперед, раскрыла мне объятия. Я чувствовала биение ее сердца, давление ее ребер. Ее тело дрожало, рукав моей футболки промок. Я оттолкнула ее, жестче, чем было

нужно.

– Почему ты уехала? – Я вонзила ногти в ладони. Постаралась понизить голос. – Ни одного чертова телефонного звонка...

– Все сложно.

– Слушаю, – сказала я, скрестив на груди руки.

– Я все объясню. Обещаю. Я по тебе скучала.

– Ты исчезла, ничего мне не сказав. Удрала сразу же после смерти Шиван. – Руки у меня подергивались, и я сама не знала, хочу ли ее шлепнуть или обнять.

– Не знала, что сказать.

– И не могла ничего придумать за все шесть лет?

– Чем больше я это откладывала, тем труднее становилось.

– Первый забег, двести метров, начнется через пять минут, – раздался голос дедушки из громкоговорителя.

– Мне надо идти. Послушай, – сказала я, смягчаясь, – не хочешь остаться и посмотреть? Мы как следует поговорим после этого. Потом твоя мама будет петь. Она знает?

– Нет. – Лицо Чарли омрачилось. – Но посмотри. – Она обвела жестом толпу. – Грандиозное событие, верно?

– Это мы с бабушкой его организовали. Не ожидала, что оно окажется таким популярным.

– А в честь чего?

– Оно благотворительное. В помощь больным с черепно-мозговыми травмами.

– Твой отец?

Я кивнула.

– Скоро будет пятнадцатая годовщина. Ты знаешь...

– Я побегу с тобой.

– Уверена? У тебя такой усталый вид.

– Я хочу. Если ты только не боишься конкуренции, – усмехнулась Чарли, и я против воли тоже заулыбалась. Все это было так для нее типично. Чувствовалось, что она вернулась. Мы все уладим после.

– Ну, давай, – сказала я. – Внесу тебя в список.

На линии старта мы с Чарли протолкнулись в первый ряд. Я опустилась на колени, чтобы завязать шнурки двойным узлом.

– Тебе надо сделать то же самое, – кивнула я на ее ноги. Она помотала головой и побежала на месте.

– Ты вернулась насовсем? – спросила я.

– Надеюсь. Я не хотела уезжать, но чувствовала, что должна. – Она

закусила губу. – Я совершила нечто ужасное, Грейс. Надеюсь, ты сможешь меня простить.

Стартовый пистолет выстрелил, и я как можно быстрее заработала руками и ногами, словно гналась за ее словами. Конский хвост хлестал меня по шее. Небо было безоблачным, воздух – теплым и душным. Мне слышно было скандирование толпы. Я на нее не смотрела. Не могла оторвать глаз от Чарли, боялась, что она исчезнет, так ничего и не объяснив. Что она совершила? Она бежала передо мной. Игнорируя колющую боль в боку, я гнала себя вперед.

– Давай, Грейс! – Бабушкин голос выпевал мое имя, подзадоривая меня. Финишная черта маячила впереди. В последнем броске я удлинила свой шаг. Теперь я была практически наравне с Чарли. Еще один рывок – и я ее обгоню. Мы обе вытянули руки. Краем глаза я увидела, как она упала. Надо было как следует завязывать шнурки. Моя рука ударилась о желтую ленту. Я пересекла линию и, стараясь посмотреть назад, растянулась на земле. Левую лодыжку пронзила раздирающая боль. Я сидела, чуть не плача, на траве, массируя распухающую лодыжку, и дедушка трусцой побежал в мою сторону, а потом пробежал мимо меня. Я обернулась. Чарли лежала неподвижно.

– Вызовите «Скорую»! – закричал кто-то, а я кое-как поднялась и захромала к ней. Возможно, это я кричала.

Она была неподвижна.

Слишком неподвижна.

Мимо меня протолкнулась Лекси и опустилась на колени возле дочери.

– Чарли? Что за хрень?

Вставай. Вставай. Вставай.

Я почувствовала, как кто-то обнял меня за плечи. Дэн все-таки пришел боletь. Я стряхнула его руку, опустилась возле моей лучшей подруги. Курс первой помощи, который я прошла в детском саду, на мгновение выскочил из головы, но, когда я проверила ее пульс, все вернулось и захлестнуло меня. Я вдвухала воздух ей в рот и давила ей на грудь. *Раз, два, три, четыре, пять.*

– «Скорая»? Где эта проклятая «Скорая»? – слышала я крики Лекси, но все продолжала считать, вдвухая воздух в сухие губы Чарли. *Раз, два, три, четыре, пять.*

Чарли не реагировала. Ее кожа была похожа на воск, и, несмотря на жар от солнца, все больше холодела. Я считала, а Лекси плакала навзрыд. Я считала, а Чарли не двигалась. Приехали медики и перехватили у меня инициативу, а когда они наконец прекратили ее оживлять и покачали

головами, я все еще продолжала считать.

Глава 42

Настоящее

После двух часов ночи я запираю за собой входную дверь дома Лекси и засовываю ключ под гнома. Несусь через деревню. Из пространства между двумя припаркованными машинами на меня выскакивает кошка, и я испуганно вскрикиваю. Мне повсюду мерещится Анна: за ветвями деревьев, которые качаются и шепчут на ветру, скрючившаяся в тени кустарников, таящаяся в темных дверных проемах. Я прохожу через центр деревни, уличные фонари там сейчас горят не все, а когда достигаю окраины, они и вовсе исчезают. Я останавливаюсь при входе в свой переулок. Он темнеет передо мной, как зияющий черный рот. Небо затянуто облаками, и я не вижу коттеджа. Коленки резко дергаются, когда над переулком, словно звук выстрела, разносится грохот. Я уже готова бежать прочь, но слышу его снова и понимаю, что это моя калитка. *Чертов Дэн*. Кулаки сжимаются и разжимаются, и я перехожу на бег, спотыкаясь на рытвинах, с хозяйственной сумкой, полной писем, которая путается у меня в ногах. Я бросаюсь к двери, тычу ключом мимо замочной скважины – один раз, другой, третий, – и вот наконец я внутри. Захлопываю за собой дверь и прижимаюсь к ней спиной, пережидая, пока уймется жжение в груди.

От едкого запаха свежей краски перехватывает горло, и я устремляюсь вверх, приоткрываю окно в своей спальне, тут не пахнет домом. Бабушка сняла занавески, чтобы постирать. Обои от Лоры Эшли покрыты пятнами сажи и лупятся – лимонные и кремовые цветы с трудом узнаваемы, – но я едва замечая окружающую обстановку. Сажу, скрестив ноги, на голом матрасе, закутав плечи одеялом без пододеяльника. Сортирую письма, стараясь разобраться в хронологии. Анна начала писать Лекси через несколько недель после того, как ей исполнилось восемнадцать. Память подсказывает, что именно тогда Лекси переменилась. Прежде она была просто изредка выпивающим человеком, а потом стала настоящей пьяницей, раздражительной и слезливой. И в это же самое время я начала получать письма с угрозами. Неужели их тоже писала Анна?

Анна писала Лекси в течение полугода, пыталась приехать в гости, но потом письма прекратились. Письма ко мне прекратились тоже. Почему? Встретилась ли Анна с Лекси, с Чарли? Не поэтому ли Чарли исчезла? «Я

совершила нечто ужасное, Грейс. Пожалуйста, прости меня». Слова расплываются перед воспаленными глазами. Я подавляю второй зевок на протяжении минуты, натягиваю пижаму, которая пахнет бабушкиным стиральным порошком, валяюсь в постель и вырубая лампы.

Когда я в детстве не могла заснуть, отец усаживался на край моей узкой кровати и гладил меня по голове, а ночник озарял его лицо оранжевым светом. «Вспомни десять приятных вещей, которые случились сегодня», – говорил он, и я перечисляла их, одну за другой, ни единого раза не выдав, что самой приятной вещью из всех было ощущение, что мы единственные во всем мире бодрствуем, укрытые в уютном и безопасном коконе моей желтой, как подсолнух, спальни.

Сегодня ночью я чувствую все, что угодно, кроме безопасности. Несмотря на усталость, которая проникла даже в кости, и на количество выпитого алкоголя, сон бежит от меня. Я свешиваюсь с кровати и шарю в поисках сумки, из которой вытаскиваю снотворные таблетки и вытрясаю из пузырька одну – затем думаю о прошедшем дне и вытряхиваю вторую. Медлю в нерешительности, прочитав предупреждение на пузырьке, оцениваю количество выпитой мною водки – больше, чем мне когда-либо доводилось пить, – но затем забрасываю таблетки на язык и запиваю теплыми остатками воды из купленной на вокзале бутылки «Эвиан». Уютно сворачиваюсь, плотно закутав плечи стеганым одеялом, и медленно дышу до тех пор, пока сон не уносит меня.

Когда нам с Чарли было по четырнадцать лет, дедушка с бабушкой возили нас на остров Уайт. Я стояла, покачиваясь, на палубе парома, раскинув руки и слизывая капли соленой воды с губ, а ветер сек мои щеки и задувал волосы в рот. Я помню, какую дезориентацию испытывала: под ногами у меня была твердая поверхность, и казалось, что мы едва движемся, но я чувствовала потерю равновесия. Слюна наполняла рот, и Чарли держала мне волосы, пока содержимое моего желудка выстреливало во вспененное сланцево-серое море.

На какой-то момент мне кажется, что я снова на том пароме. То же самое ощущение движения и неподвижности и то же ощущение тошноты. Мягкие пальцы гладят мои волосы, и горячее дыхание согревает мне ухо. Мои ноздри вдыхают запах аэрозольного дезодоранта «Импульс».

– Грейс, – успокаивающе произносит чей-то голос. *Чарли?* Я понимаю, что вижу сон, и чернота снова кружит меня и тащит в глубину.

Свет бьет из окон, и я массирую веки кончиками пальцев, стараясь прогнать ощущение опьянения. Запах водэмульсионной краски и лака удушающ, я почти ощущаю его на вкус. Заднюю стенку глотки жжет, а в

висках пульсирует боль, но есть и другой запах, струящийся в комнату, и я говорю себе, что ошиблась. Глубоко вдыхаю, но он никуда не девается. Запах бекона.

Я рывком поднимаю голову с подушки, выталкиваю себя в сидячее положение, хочу спустить ноги с кровати, но на моей правой лодыжке сидит что-то прохладное и плотное, замедляющее мои движения. Я откидываю одеяло, и рот пересыхает при виде железной манжеты, от которой в конец кровати тянется цепь. Я думаю, что, должно быть, все еще сплю, и впиваюсь ногтями в мягкую плоть живота, но не просыпаюсь. Встаю на колени и поднимаю цепь обеими руками. Она тяжелее, чем кажется на вид, и звякает, когда я ее тяну, но не поддается. Она пропущена через резной орнамент в основании рамы кровати. Есть и другая цепь, а на ней идентичная манжета, только пустая. Для моей левой ноги? Что происходит? Я тянусь к телефону, но его нет, нет и лампы. Я свешиваю голову с кровати, и она начинает кружиться. Моя сумка тоже исчезла.

На лестнице слышатся глухие шаги, и дверь спальни распаивается.

– Доброе утро, Грейс. – В комнату гордой и надменной походкой входит Анна, неся поднос с завтраком, только выглядит она уже не совсем как Анна. Волосы ее выкрашены в платиновый цвет и недавно подстрижены. На ней принадлежавшие Чарли оранжевая вареная футболка и крошечные шорты из белой джинсы. Она выглядит совсем как Чарли на фотографии в гостиной.

Я пачусь назад, прижимаясь спиной к изголовью кровати.

– Апельсиновый сок свежавыжат, как раз как ты любишь. На сандвиче коричневый соус.

Горло перехватывает ужас, и я пытаюсь закричать, но вместо этого только скулю, как щенок, которого мучают.

– Как ты себя чувствуешь? Ты вчера поздно легла. Тебе, право же, не стоило пить вот это. – Она гремит моим пузырьком с таблетками. – Неестественный сон.

Анна ставит поднос на пол, и, когда наклоняется вперед, я замечаю у нее на шее свою пропавшую цепочку с двумя половинками сердца, они поблескивают на свету.

– Ах ты, сука поганая. – Ярость оттесняет страх, и я делаю выпад в ее сторону, но мои реакции заторможенны, движения неуклюжи, и я опаздываю. Анна отступает к двери. Цепь звенит, натягивается, я с воем падаю на пол, рядом со своим завтраком, а металлическая манжета впивается в кожу, ковер обдирает колени. Запах бекона вызывает у меня рвотный рефлекс, и меня тошнит прямо на поднос.

– Чертовски неблагодарно! – рывкает Анна, выскакивает из комнаты, оставляя дверь открытой, и с шумом несется вниз по лестнице.

Я остаюсь стоять на коленях, наклоняясь вперед и опираясь на локти, пока комната не перестает вращаться, и тогда откидываюсь назад и вытираю рот рукавом. Обхватываю цепь двумя руками и дергаю изо всех сил, пока не начинают болеть плечевые суставы, но прочный сосновый остов кровати, который бабушка с дедушкой подарили нам на новоселье, не поддается. Дэн хотел кровать, обитую кожзаменителем, из изножья которой, повинаясь нажатию кнопки, всплывает телевизор – он видел такое в телешоу «По домам» на канале MTV, – но я сочла, что это безвкусно и неуместно в нашем коттедже. Сейчас я жалею, что его не послушала. Жалею, что его здесь нет. Потом осматриваю свой ножной браслет, нахожу крепеж и силюсь его сломать, но вместо этого до мяса ломаю ноготь.

Тошнота поднимается снова, и я роняю голову на колени. Мое дыхание слишком быстрое, слишком поверхностное. Я спрашиваю себя, вернется ли Анна. Мне страшно при мысли, что она придет. Страшно при мысли, что не придет. Я заставляю себя успокоиться. Снова по лестнице стучат шаги, и комок страха внутри разрастается.

– Вот. – Анна катит ко мне бежевое ведро. На ковер сыплется песок. Дэн смеялся надо мной, что я держу возле задней двери пожарное ведро, но столбы дыма от сожженных им хот-догов и бургеров заставляли меня нервничать. – Не говори, что у тебя нет емкости, куда писать, – хихикает Анна, и волосы у меня на затылке шевелятся. – Можешь убрать за собой и свою блевотину. – Рулон черных мешков летит ко мне, разворачиваясь по дороге, и приземляется с глухим стуком рядом с под носом.

– Анна, это безумие. Освободи меня и давай поговорим. – Я стараюсь говорить спокойно и взвешенно, сдерживаю слезы и складываю рот в нечто напоминающее улыбку.

– Буду счастлива. – Анна сует руку в карман джинсов, извлекает серебристый ключ и раскачивает его перед собой. – Как только выясним отношения. Наши отношения не заладились, но я хочу, чтобы мы были друзьями, Грейс, даже сестрами. Семья – это ведь так важно, ты не находишь?

– Да. – В этот момент я готова согласиться с чем угодно. – Мы можем начать сначала. Быть друзьями. Только выпусти меня.

– Пока не могу.

– Можешь. Ведь ничего плохого не произошло. Я знаю, что случившееся с Миттенс было ошибкой. Все в порядке, правда... – Слова льются потоком. Я не могу остановить собственную болтовню.

– Дело ведь не только в Миттенс, не так ли, Грейс? Дело в том, что ты украла мою жизнь.

– Я не...

– Это я должна была расти рядом с Чарли, а не ты. *Я!* – Она ударяет себя в грудь, и я отшатываюсь.

– Мне жаль, извини.

– Ты еще больше пожалеешь.

– Я буду кричать, если ты меня не выпустишь.

– Давай. – Анна скрещивает руки на груди.

– Помогите! Помогите!

Я ору, пока не начинает саднить горло, и пот ручьем течет по телу. Мои крики делаются все слабее, пока не переходят в хрип, я тяжело дышу от напряжения.

– Закончила? – Рот Анны кривится в усмешке. – Кто, по-твоему, должен тебя услышать? Сегодня суббота, рабочие не придут. Миссис Джонс в больнице. Здесь вообще никто не ходит. Я думала, ты хочешь со мной дружить.

– Хочу, – шепчу я.

– Если хочешь со мной дружить, то должна возместить мне причиненный ущерб.

– Как?

– Увидишь. – Анна поворачивается на каблуках и идет прочь.

– Анна, – хриплю я. – Вернись. – Но ее уже нет.

Глава 43

Настоящее

Я размышляю над своими возможностями. Цепь не дотянется до окна. Я могу вопить весь день, но Анна права: никто меня не услышит. Переулок ведет в тупик. Никто никогда не проходит мимо.

Что мне делать? Я сглатываю ком в горле, во рту кислый вкус. Дрожащей рукой беру чашку с апельсиновым соком и, поворачивая запястье, проверяю плещущуюся жидкость – нет ли там рвоты. Вроде бы все нормально, и я делаю глоток, прополаскиваю рот, как после чистки зубов, и выплевываю жидкость обратно. Пить я ничего не собираюсь. Вполне вероятно, что там арахис. Мой мочевого пузырь уже полон, но я не собираюсь писать в ведро.

Я осматриваю чашку из зеленого пластика. Обычно она стоит у меня в глубине шкафчика, на тот случай, если в гости придут друзья с маленькими детьми. Сэндвич лежит на одной из бумажных тарелок, которые мы держим в кладовке для спонтанных барбекю. Хлипкий пластиковый поднос Анна взяла из теплицы (обычно я ставлю на него саженцы), не рискнув принести мне тяжелый, посеребренный, с которого я стираю пыль, когда у нас гости. Ничего тяжелого или острого. Ничего, что я могу использовать как оружие. Знала ли Анна, что в эти выходные я буду дома? Она не могла этого знать, если только...

Если только несчастный случай с Лекси не был подстроен...

Сколько пройдет времени, прежде чем кто-нибудь меня хватится? Прежде чем кто-нибудь меня найдет? Рабочие придут сюда в понедельник. Так что я не умру с голоду. Что задумала Анна?

Я не могу позволить себе строить домыслы. «Разбирайся с фактами по одному зараз», – говорила Пола, мой психотерапевт. И я стараюсь, но чувствую себя так, словно кручусь на ярмарочной карусели. Крепко вжимаю ладони в глазные яблоки. *Думай, Грейс.* Я встаю. Кровь ударяет в голову, я покачиваюсь и выставляю вперед руки. Делаю шаг вперед левой ногой, подтягиваю правую, проверяю, как далеко могу продвинуться, задаюсь вопросом, могу ли я дотянуться до ящиков комода, найти что-нибудь, что может мне помочь. Цепь натягивается, манжета впивается в ногу, дергая меня обратно. Я пробую лечь на живот, упираясь локтями в ковер, и медленно продвигаться вперед насколько возможно. Если бы

только я могла дотянуться до нижнего ящика. Вытягиваю пальцы, но все равно не достаю.

Заползаю обратно на кровать. Осматриваю манжету и, выгнув ступню, стараюсь стащить ее с лодыжки. Мне интересно, откуда взялись эти кандалы, вспоминаю, что Анна читала «Пятьдесят оттенков серого», и содрогаюсь. Я снова и снова толкаю холодный металл к пятке, пока не сдираю кожу и на матрас не начинает капать кровь. Лодыжка никак не пролезает в манжету. Меня передергивает, когда я вспоминаю, как мы с Чарли однажды после школы смотрели по телевизору фильм «Мизери». Я закрыла глаза, когда Кэти Бейтс кувалдой разбивала ноги Джеймсу Каану. «Слышно, как хрустят кости!» – вопила Чарли.

Опускаю голову на колени, зарываюсь пальцами в волосы и стягиваю резинку, которую из-за усталости поленилась снять вчера вечером. На матрас падает заколка «невидимка», и во мне загорается надежда. Я хватаю находку и разгибаю металл, выпрямляя ее. Сдерживая дрожь в руке, вставляю заколку в замок ножного браслета, поворачиваю. Ну же. Утираю пот со лба. Пробую снова. Я столько раз видела это в кино. Насколько это трудно на самом деле? Мой бицепс горит от усилий держать руку неподвижно, а кисть руки – ровно, но щелчка нет. Манжета не расстегивается.

Я перебираю звенья цепи, пока не дохожу до каркаса кровати, провожу пальцами по резьбе. Шатаю деревяшку в том месте, где сквозь нее пропущена цепь. Тут она не такая прочная, как в ножках; резьба – слабое звено кровати. Лежа на спине, вытянув руки вдоль тела, я подтягиваю кверху колени и делаю глубокий вдох, как будто готовлюсь к упражнению из йоги. Резко выпрямляю ноги и ударяю ступнями в дерево. Вскрикиваю, когда сильная боль отдает в бедренные суставы.

Кажется, меня снова может стошнить. Деревяшка не сломалась, даже не треснула. Я перекатываюсь на бок, пережидаю, пока пройдет дурнота, напрягаю слух в ожидании шагов на лестнице, но в коттедже тихо. Единственный различимый звук – стук моего сердца. Я кладу на него обе руки, словно это испуганное животное, которое я могу успокоить. Подтягиваю колени к животу и сворачиваюсь клубком. Не знаю, может, это стресс или побочное действие алкоголя и снотворного, но мои веки вздрагивают и закрываются, и я забываюсь беспокойным сном.

Сочащийся сквозь закопченный абажур электрический свет тускл, но все равно будит меня, и я быстро моргаю.

– Я приготовила обед. – Анна ставит поднос сбоку от кровати и

быстро отступает назад, прежде чем я успеваю сесть.

– Анна, – хрипло выдавливаю я. Мне больно говорить. Горло саднит от криков. – Пожалуйста,пусти меня.

– Это спагетти, – говорит Анна, словно я вообще ничего не говорила.

– Чего ты хочешь? Как ты узнала, что я здесь?

– Я ночью была у Лекси, спала в комнате Чарли. Я за тобой проследила.

– Лекси дала тебе ключ от дома?

– Нет. Меня впустила соседка. Я сказала ей, что я племянница Лекси. Она нашла, что семейное сходство разительно. – Анна распушает волосы. – Что ты об этом думаешь? По мне, так коротковато.

– Я думаю, что ты ненормальная. Освободи меня. – Я слабо дергаю за цепь.

– Пока рано.

– Дедушка ожидает меня сегодня к ужину, – блефую я. – Он поймет, что что-то не так, если я не появлюсь.

– В самом деле?

Я киваю.

– Странно. – Она вытаскивает из кармана мой телефон. – Поскольку он лежит больной в постели и думает, что ты до сих пор в Лондоне.

– Эсме...

– Думает, что ты у деда с бабкой. – Анна машет моим телефоном. – Посмотри, ты даже послала ей эсэмэску, что благополучно туда добралась. Видишь, какая ты предупредительная. А теперь ешь свой обед, пока он не остыл. И убери за собой блевотину. Здесь воняет.

– Анна. Анна. Пожалуйста!

– ЗАТКНИСЬ! – вопит она и хлопает дверью. Я, дрожа, слушаю, как ее шаги замирают вдали.

Мой мочевого пузырь чувствует себя как наполненный водой воздушный шарик, который мы бросали в школе: слишком полный и готовый взорваться. Я смотрю на ведро и плачу от отчаяния, но выбора у меня нет. Слезая с кровати. Не знаю, от чего дрожат ноги – от изнеможения или от страха, но мне приходится посидеть, прежде чем спустить пижамные брюки и присесть над ведром. Кожа покрывается потом, пока я выпускаю в пластик струю мочи, и я даю себе клятву никогда никому об этом не рассказывать, – а потом задаюсь вопросом, увижу ли я еще когда-нибудь кого-нибудь. Рывком натягиваю брюки и снова ложусь на кровать, всхлипывая в подушку, чтобы Анна не услышала.

Непостижимо, что я ухитрюсь снова заснуть, но, должно быть, это так, потому что, когда я просыпаюсь, высоко в небе блестит луна. Я рада, что на окнах нет занавесок, потому что так я могу видеть мерцающие звезды, замечать, как прекрасен мир. В животе у меня бурчит, и я осознаю, что не ела больше суток. Беру пластиковую миску с макаронами и вилкой засовываю холодную пасту и застывший сыр в пересохший рот. Рядом за дверью, в ванной, слышен шум спускаемой из бачка воды, и у меня вдруг перехватывает горло. Я роняю миску на пол и сворачиваюсь калачиком под стеганым одеялом, словно слой хлопка и перьев может меня защитить. Это ужасно, не чувствовать себя в безопасности в собственной спальне, и я спрашиваю себя, не придется ли мне после этого переехать. Будет ли вообще какое-то «после этого»? Я отбрасываю эту мысль прочь. Велю себе не вешать нос. Ведь Анне придется меня отпустить, не так ли?

Глава 44

Настоящее

В комнате стоит едкая, кислая вонь: смесь блевотины с мочой. Застарелый пот липнет к моей коже и пижаме, и я жалею, что не могу добраться до окна, чтобы глотнуть свежего воздуха. По стеклам барабанит дождь, мне отчаянно хочется оказаться снаружи, почувствовать, как капли брызжут на задранное кверху лицо, стекают по шее. Дедушка и бабушка обрадуются ливню. Бабушку беспокоило, что сухая погода стоит слишком долго, а дедушке скоро предстоит сажать луковицы; земля будет мягкой и податливой, если сегодня самочувствие позволит ему этим заняться. Мне интересно, как они там поживают, увижу ли я их еще. Чувствую головокружение и сжимаю одеяло, чтобы подавить ощущение, что я куда-то уплываю.

Во второй спальне скрипит кровать. Шаги Анны стучат по площадке лестницы, скрипит дверь ванной. Частота сердцебиения удваивается. Я еще не убрала за собой рвоту и не хочу рисковать еще больше разозлить Анну. Быстро сажусь, спускаю ступни на пол. Все тело болит, как тогда, когда я только начинала заниматься йогой, и я неловко ковыляю к ведру. Четырехглавые мышцы дрожат, когда я присаживаюсь над ведром. Отодвигаю ведро как можно дальше от кровати, беру рулон черных мешков и отрываю один. Сую поднос в мешок и завязываю горлышко. Подумываю, не швырнуть ли мне его через всю комнату, но потом засовываю под кровать. Он не тяжелый, но, может, мне удастся ударить им Анну, как-то захватить ее врасплох и вырвать у нее ключ. Я беру эту идею на вооружение и присовокупляю ко всем другим соломинкам, за которые хватаюсь.

Дверь распаивается, и мышцы у меня напрягаются.

– Доброе утро, – улыбается Анна. – Хорошо спалось?

Воздерживаюсь от сарказма и предлагаю:

– Я вот подумала. Что, если мы сходим сегодня на могилу Чарли? Ты и я. Или можем взять с собой Лекси, если хочешь. Несправедливо, что...

– Звучит здорово.

– Правда?

– Нет, – выпаливает она.

Я плюхаюсь на подушку.

– Как насчет чашечки чая по крайней мере? – Можно было бы бросить чашку ей в лицо, думаю я.

Анна прищуривается. Подхватывает ведро и выходит, не говоря ни слова, шумит вода в унитазе, и ее шаги грохочут вниз по лестнице. Как бы я ни ненавидела это ведро, меня охватывает паника при мысли, что она может его не вернуть. Закрываю глаза и напрягаю слух, чтобы понять, что она делает. Включаются кухонные краны, и вода шумит по трубам. С моими обострившимися чувствами я ощущаю себя Человеком-пауком. Анна возвращается, на ней мой фартук от Кэт Кидстон, одна рука сжимает пластиковую чашку, в другой – ведро. Я тереблю в руках клочок ваты, выбившийся из шва стеганого одеяла, и наблюдаю за ней краем глаза. Как она подаст мне чай без подноса? Она медленно идет к кровати. Тело наполняет адреналин. Я упираюсь ладонями в матрас, слегка переносу вес тела и нацеливаю ноги так, чтобы лягнуть ее изо всех сил. Она останавливается. Ставит на пол ведро. Сует руку в карман фартука и вытаскивает ножик для чистки овощей и фруктов. Его лезвие поблескивает, и к горлу подступает желчь.

– На тот случай, если у тебя возникнут какие-нибудь странные мысли. – Она ставит чай на тумбочку и пятится назад, сцепившись со мной взглядом.

Я отрываю от нее взгляд и беру чашку, но не могу подавить неистовое дрожание руки, и бежевая жидкость выплескивается мне на ногу.

– Он холодный. – Я отхлебываю чай. Рискованно пить что-либо, что она мне дает, но я сейчас испытываю такую жажду, что выпиваю чай залпом.

– Конечно. Ты думаешь, я дура?

– Нет. Ты расстроена. Понятное дело. Отпусти меня, Анна. Я никому не скажу. Все равно завтра сюда придут ремонтники. – Я ною, как мои карапузы из «Маленьких желудей», когда они переутомляются, но ничего не могу с собой поделать.

– Не беспокойся, Грейс. – Анна проводит пальцем по тупой стороне лезвия и делает ко мне шаг. – Все закончится очень скоро.

Мне кажется, что стены наваливаются на меня, потолок давит. В спальне не хватает воздуха. Когда Чарли умерла, единственное, чего мне хотелось, это быть вместе с ней, но сейчас я так боюсь смерти, что понимаю, как сильно мне хочется жить.

И тут звенит дверной звонок.

Анна большими шагами выходит из комнаты, захлопывая за собой

дверь, а я поднимаюсь на колени и кричу, кричу, пока не начинаю чувствовать, что сейчас потеряю сознание. Две пары ног поднимаются по ступенькам, и я пьянею от облегчения, от того, что меня услышали, что меня спасут. Кладу руки на бедра и наклоняюсь вперед, тяжело дыша, как будто пробежала марафон.

Дверь распаивается, и на пороге возникает Лекси, с рукой на перевязи, с распухшей от кровоподтека щекой. Она выглядит маленькой и хрупкой. Тонкие голые ноги торчат из-под некогда белого больничного халата. За ней тенью вырисовывается Анна.

– Грейс. – Лекси ковыляет ко мне. Застывает, заметив цепь, тянущуюся от моей лодыжки к остоу кровати. – Белль, какого черта ты делаешь? Освободи ее.

– Не раньше, чем мы поговорим. Ты должна дать мне кое-какие ответы, *мама*.

– Мы поговорим, когда ты прекратишь держать Грейс на цепи, как чертово животное.

– Ох, бедная Грейс. Все ее просто обожают, не так ли?

– Она ничего тебе не сделала.

– Она так и не познакомила меня с тобой. Ты должна была узнать меня через нее, полюбить меня, а затем бы я сказала, кто я на самом деле. Мы бы стали настоящей семьей, но нет. Грейс хотела единолично тобой пользоваться.

– Все было не так...

– Заткнись. – Анна делает шаг ко мне. – Я хотела полюбить тебя, Грейс. Действительно хотела. Я старалась быть милой, но ты постоянно меня злила. Чем больше я слушала твои истории про то, как сильно ты любила Чарли, тем больше тебя ненавидела. Все любят Чарли. Все любят Грейс. А кто, черт возьми, любит меня? Но, – ее рот кривится в ухмылке, – я готова дать вам второй шанс. Чарли больше нет, а мы трое все равно можем быть семьей, не так ли?

– Нет. – Голос Лекси холоден и тверд. – Отпусти ее, а не то я вызову полицию.

– Давай. К тому времени как ты доковыляешь до ближайшего телефона, я буду далеко, а Грейс? – Анна вытаскивает нож из кармана фартука, со свистом рассекает воздух нержавеющей стальным лезвием. – Грейс по-прежнему будет здесь. Ну, то, что от нее останется. А теперь забирайся на кровать. – Анна тычет ножом в сторону Лекси, словно подгоняет скотину. Лекси не трогается с места, но, когда лезвие колет ее в плечо и на халате проступают капли крови, она, спотыкаясь, отступает

назад.

– Анна, ты ее ранишь. – Я пытаюсь дотянуться до Лекси, но цепь слишком коротка.

– Я ее раню... Вот это забавно.

Лекси забирается на кровать рядом со мной. Анна хватается ее левую ногу, открывает другой ножной браслет и защелкивает его вокруг лодыжки Лекси.

– Чего ты хочешь, Белль?

– Хочу провести несколько драгоценных минут со своей матерью. Это такое уж непомерное требование? Я собираюсь приготовить хорошее угощение, затем мы все вместе можем сесть и как следует познакомиться друг с другом.

Хлопнув дверью, Анна выходит из комнаты.

– У тебя идет кровь. – Я протягиваю руку, но Лекси ее отталкивает.

– Все в порядке.

Темно-красное пятно расплывается, я смотрю на него, и все, что находится в комнате, кружится и сливается вместе. В ушах у меня шумит, как будто я слушаю рокот волн в ракушке.

– Дыши, Грейс. – Лекси трет мне спину маленькими круговыми движениями. – Ты только вдыхаешь. Выдохни.

Я тяжело выталкиваю воздух, со свистом втягиваю его снова. Слышу бормотание Лекси, чувствую тепло ее руки у себя на спине, и постепенно тело перестает дергаться. Острота зрения восстанавливается.

– Порядок? – Лекси крепко стискивает меня здоровой рукой.

– Да.

– Хорошо. – Она отпускает меня. – Не обижайся, но от тебя воняет. – Она отодвигается.

Я хлопаюсь обратно на подушку, а Лекси дергает за цепь, здоровой рукой давит на спинку кровати.

– Я уже это пробовала.

Лекси ложится на спину. Скидывает туфли и прижимает ступни к резному дереву. Я сдвигаюсь в конец кровати и ставлю свои ступни рядом с ее ступнями.

– Готова? – спрашивает она.

– На счет три.

Мы пинаем спинку кровати, пока мои ноги не парализует от боли, и кричим, пока у меня не начинает звенеть в ушах. В дереве не появилось даже волосяной трещины.

– Вот зараза. – Лекси трет ступни. – Как же мы отсюда выберемся?

Я смотрю ей в глаза и вижу в них отражение собственного страха.
– Не знаю.

Глава 45

Прошлое

Шесть дней спустя после смерти Чарли утреннее небо было серо-черным, как застарелый синяк. Туман окутывал церковный шпиль, обычно видный из моего окна. Все казалось каким-то приглушенным, приглашенным. Даже птицы были нетипично молчаливы. Чарли забрала с собой солнечный свет и радость. Дэн принес мне чай, который я не смогла заставить себя попробовать, и тост, который я не смогла проглотить. По-хорошему, мне бы следовало принарядиться – ведь это был двадцать пятый день рождения Чарли, – но вместо этого я надела черное, чтобы присутствовать на ее похоронах. Прямое цельнокроенное платье, которое я надевала на прошлое Рождество, было плотно облегающим, когда я его купила, но сейчас молния застегнулась с легкостью – ткань еле касалась моего тела вместо того, чтобы его облегать. С момента смерти Чарли я едва ли проглотила хоть что-то. Дэн надел деловой костюм и одолжил у кого-то черный галстук: разодетый маленький мальчик.

Такси привезло нас к дому Чарли, мы оба слишком дрожали, чтобы вести машину. Поскольку у Чарли, кроме матери, не было других родственников, было решено, что мы поедем вместе с Лекси в похоронном автомобиле. Приехали мама и Оливер. Они с бабушкой и дедушкой должны были встретить нас у крематория. Я открыла дверь в дом, который некогда был моим вторым домом, и вошла в клубы сигаретного дыма. Лекси сидела за кухонным столом, одна ее рука покоилась поперек груди, другая держала сигарету, взгляд был прикован к переполненной пепельнице. Я тронула ее за плечо. Она отбросила мою руку. Я сердито посмотрела на Дэна. Мол, скажи что-нибудь.

– Я сделаю чаю, – сказал он.

Пока чайник кипел, я налила горячей воды в липкий тазик для мытья посуды и принялась оттирать грязные кружки и тарелки, покрывавшие все имевшиеся поверхности. Я нарушила тишину плеском воды и звяканьем фарфора. Дэн поднес ко мне молоко, держа так, чтобы я могла его понюхать. Я понюхала и сморщила нос. Он вылил его в мойку – застывшие желтые куски, которые я подогнала к сливному отверстию чайной ложкой. Он разлил по чашкам дымящийся чай, который никто не стал пить. Я вытерла посуду, а Дэн тем временем вынес вонючее мусорное ведро и

выставил пустые винные бутылки и пивные банки за заднюю дверь, чтобы их унесли на переработку.

Больше делать было нечего, оставалось ждать. Мы втроем сидели вокруг кухонного стола и молчали, избегая встречаться друг с другом глазами. Когда раздался стук в дверь, все почувствовали облегчение. Дэн вскочил, чтобы открыть, а Лекси впилась в меня свирепым взглядом. Ее гнев заглушал мою печаль.

– Пойду на воздух, – сказала я ей и присоединилась к Дэну в узкой прихожей. Пока он разговаривал с шофером, я стояла, вцепившись сзади в его ремень, чтобы меня не унесло волной горя.

В сверкающем катафалке стоял дубовый гроб и цветы: имя Чарли было выложено белыми гвоздиками. Это дедушка помогал Лекси с организацией похорон. Я подозревала, что он также помог материально, – у нее всегда было плохо с деньгами. Лекси села в машину первой, потом – Дэн, потом – я. Я сидела, уставившись в окно, пока мы совершали медленный переезд, чтобы отдать последнюю дань той, которая была так полна жизни, что я так и не могла до конца поверить в ее смерть. Я смотрела на болтающих и смеющихся людей на улице. Казалось непостижимым, что в их жизни ничего не изменилось. Для них это был просто еще один заурядный день. Я им завидовала.

Небо было похоже на грозный серо-стальной саван с плачущими облаками. Большая толпа людей, одетых в основном в черное, ждала перед дубовыми двойными дверями часовни, люди промокали глаза и сморкались. Все выглядели такими же ошеломленными, какой я себя чувствовала.

Мы подождали в машине, пока все вошли внутрь, а затем распорядитель похорон подошел, чтобы сопроводить и нас в часовню. В тот момент я еще не плакала. Все казалось таким сюрреалистичным. Мы угрюмо прошеествовали в крематорий под пение Евы Кэссиди, обещающей голубые небеса. Лекси выбрала песню «Над радугой». Чарли бы скорчила недовольную мину: «Чем не угодила Мадонна?»

Мы сидели на деревянных скамьях, сконструированных так, чтобы делать задницы такими же онемелыми, как сердца. В передней части часовни малиновые бархатные занавеси, отделанные золотом, висели за постаментом, где стоял гроб Чарли. На крышке гроба стояло оправленное в серебряную рамку фото смеющейся Чарли на пляже в Кромере. Я помню, как дедушка ее фотографировал.

Службу вел мужчина средних лет, который явно никогда не был знаком с Чарли. Звучали стандартные слова типа «сердечная», «забавная» и

«добрая», а затем наступила моя очередь. Ватные ноги каким-то образом вынесли меня на кафедру, и передо мной предстали ряды блестящих от слез глаз. Я прочистила горло. «Чарли была моей лучшей подругой», – начала я. Я рассказала о том дне, когда мы познакомились, как она намазала кетчупом сладкие бутерброды Дэна. В этом месте послышался робкий смех. Я описала, как с того момента поняла, что она будет одним из самых важных людей в моей жизни.

– Тогда почему? – хрипло разнесся в тишине голос Лекси. Он звучал так, что было ясно: с момента смерти Чарли она курила одну сигарету за другой.

От замешательства я просто лишилась дара речи.

– Почему? – Теперь Лекси стояла, и голос ее звучал все громче, а лицо потемнело и исказилось.

– Почему? – повторила я, не понимая, чего она от меня хочет.

Взгляды присутствующих метались между мной и Лекси, словно следя за некоей зловещей игрой в теннис.

– Почему ты ее убила?

Лекси с такой ненавистью сверлила меня взглядом, что я невольно отступила назад. Ко мне устремился Дэн. Я подвернула ту же самую лодыжку, что повредила во время гонки, но не эта боль вызвала у меня слезы.

– Лекси, понятно, что ты сегодня не в себе, – вмешался дедушка ровным и спокойным голосом.

– Я каждый день не в себе, потому что эта мерзкая сука убила мою дочь. Убила Шиван. Это она виновата. Во всем виновата.

– Я не убивала. Я не понимаю... – Я озиралась по сторонам, ища ответа.

– Смерть Шиван была вызвана случайной передозировкой. Едва ли это вина Грейс. – Дэн прижал руку к моей спине, и рука эта была невыносимо горячей. – И я не понимаю, как вы можете винить Грейс за Чарли.

– Если бы Чарли не уехала...

– Почему она уехала, Лекси? Она ваша дочь – просветите нас. – Голос Дэна стал громче, и дедушка положил руку ему на плечо.

– Сейчас не место и не время, сынок. Лекси, ты не хочешь выйти со мной на улицу, вдохнуть воздуха?

– Мне не нужно никакого чертова воздуха, я хочу, чтобы вернулась моя чертова дочь, – упав на колени, заголосила Лекси.

Распорядитель похорон улыбнулся нам, хотя глаза его были холодны.

– Я думаю, вам лучше уйти.

Собравшиеся пребывали в замешательстве, вытягивали шеи, чтобы лучше видеть.

Меня трясло от шока. Неверной походкой я двинулась к выходу, Дэн поддерживал меня, как девятилетнюю, одна его рука обвивала мою талию, другая держала за локоть.

– Я никогда не прощу тебя, Грейс! – визжала за моей спиной Лекси.

Оказавшись на улице, я вцепилась в руку Дэна.

– Я схожу за машиной. – Дедушка ринулся на стоянку, тем временем как Дэн потирал мне спину. Мама, Оливер и бабушка сбились в кучку, слишком ошарашенные, чтобы говорить.

К тому времени как мы добрались до дома, я использовала все бумажные носовые платки из своей сумочки. В горле першило, а в глаза будто насыпали песку.

– Как насчет поминок?

– Хочешь пойти? – спросил дедушка.

– Нет, – прохрипела я. – Но Чарли...

– Чарли тебя любила. Она бы поняла.

Я выбралась из машины и, стоя на ногах, которые казались чужими, спросила:

– Вы зайдете?

– Думаю, нам следует пойти в паб и проверить, как там Лекси, – ответил дедушка.

– К черту Лекси! – жестко обронил Дэн.

– У нее больше никого нет, – сказал дедушка. – Но мы останемся, если ты хочешь.

Я покачала головой. Дедушка развернулся в три приема. Машина Оливера последовала за ним.

– Мы вернемся повидаться с тобой перед тем, как возвращаться в Девон, – крикнула мама из окна машины.

Мы стояли в прихожей, толком не зная, что делать.

– Чаю? – спросил Дэн.

– Чего-нибудь покрепче. – Мне хотелось напиться до бесчувствия. Я расстегнула молнию на платье, которое пахло часовней, и закуталась в шерстяную шаль. Несмотря на то что было двадцать градусов, меня бил озноб.

Дэн вручил мне водку с колой, и мы сидели на диване, тесно прижавшись друг к другу, и пили за девушку, которая теперь навсегда останется двадцатичетырехлетней.

Глава 46

Настоящее

– У тебя, наверное, нет сигаретки? – спросила Лекси.

– Нет.

– Я так и думала.

Потрясенные, мы лежим в тишине. Нас разделяет стена вопросов, оставшихся без ответа, и я не знаю, с чего начать.

– Когда ты вчера не пришла ко мне в больницу, я так и поняла: что-то не так. Потом я получила твое сообщение...

– Не мое.

– Ну, во всяком случае, с твоего номера, там говорилось, чтобы я пришла сюда, вот я и удрала. Доехала на хлебопекарном фургоне. Ты, значит, познакомилась с моей Белль?

– С Анной.

– С Анной?

– Дэн...

– Дэн? Ты городишь чертову бессмыслицу, милая. Говори начистоту.

– Дэн... Он мне изменил. – По мере того как слова вываливаются из меня, узел мучительной тревоги в животе скручивается все туже и туже.

Блестя глазами, Лекси слушает мое повествование с самого начала – как Чарли мечтала разыскать своего отца. Лоб ее собирается складками, когда я признаюсь, что украла фотографию Пола, пыталась проследить его через социальные сети, но ведет она себя тихо и безмолвно. Я рассказываю ей, как Анна устроилась работать в бар, куда, как она знала, ходит выпивать Дэн, как она соблазнила его и шантажировала, как переехала к нам и заставила меня поверить, что она сводная сестра Чарли, и лицо у Лекси становится белым, как подушка, на которой она лежит.

– Она намеренно целила в Дэна?

– Да. Анна засняла на видео, как они занимались сексом. Дэн говорит, что вообще едва помнит ту ночь. Тогда я ему не поверила, но сейчас верю. По-моему, она достаточно сумасшедшая, чтобы подмешать ему что-то в напитки. Она, вероятно, думала, что, если тебе напишет, ты ее проигнорируешь... В очередной раз.

Лекси вздрагивает.

– Думаю, ты должна мне все объяснить. Я так поняла из свидетельств

о рождении, что Белль и Чарли были близнецами?

– Угу.

– И Чарли об этом не знала?

– Не знала.

– Почему?

– Это сложно, – огрызается Лекси. Она теребит выбившуюся нитку на своей повязке и тянет, пока повязка не начинает обтрепываться.

– Сложно? – взрываюсь я. – Это я тебе расскажу, что такое сложно. Твоя дочь лишила меня работы, моих отношений, убила мою кошку, а затем пыталась сжечь мой коттедж вместе со мной.

– Что? Как...

Я поднимаю руки, словно отбивая слова в ее сторону.

– Ты. Начинай. Говорить.

Лекси вздыхает так тяжело, что ее тело сотрясается.

– Видишь ли, я сказала тебе правду. – Мне приходится склониться к ней, чтобы слышать ее тихий голос. – О том, что Пол был отцом. Но он не знал, что я беременна, и не поэтому ушел. Он ушел, решив, что беременна его бывшая девушка, и хотел поехать домой и уговорить ее сделать аборт.

– Зачем?

Лекси замолкает так надолго, что я борюсь с побуждением схватить ее за плечи и вытрясти из нее слова.

– Ты слышала о синдроме Марфана?

– Нет.

– Это наследственное заболевание. Пол был его носителем. Он не хотел заводить семью. Не хотел рисковать, чтобы не передать свою болезнь. Я не слишком много о ней знала, но он сказал, что она может вызывать внезапную сердечную недостаточность, особенно во время перегрузок.

– Чарли. Гонка. – Я прикрываю рот обеими руками.

– Да. Вот почему я тебя винила. Если бы она не побежала, то, вероятно бы, не умерла. Во всяком случае, тогда.

– Но я же не знала...

– Знаю. И она тоже не знала. Я была несправедлива. Было легче винить тебя, чем смотреть на собственные ошибки. Я не знала, что она унаследовала эту болезнь. Есть симптомы, которые надо было отслеживать. Очень высокий рост...

– Она и была высокой.

– Но не какой-нибудь чертовой гигантшей. Она не уставала. У нее не было никаких болей. Растяжек на теле. У нее не было ни одного из

признаков. Ни одного.

– Разве нельзя было сделать скрининг? Провести анализы?

– Я не сказала врачам, что есть такая возможность. Я была молодой и напуганной до смерти. Старалась притворяться, что я не беременна, не ходила ни на какие обследования. Но я была громадной. Выглядела так, будто проглотила чертов арбуз. Родители меня вышвырнули, никогда больше со мной не общались, и я спала на диванах у друзей, пока не родила. Худший опыт в моей жизни. Потом, как только одна вышла, боль началась снова, и мне сказали, что на подходе второй. Проклятые близнецы! Мне было семнадцать лет. Жить негде, денег нет, но я полюбила их, как только увидела.

– Так что же произошло?

– Я получила муниципальное жилье, соцпакет, какие-то наличные. Выматывалась я страшно, но мы как-то справлялись. Но я боялась, всегда боялась, что они заболели. Мне и с двумя здоровыми-то было трудно управляться. Не представляла, что я стану делать, если одна из них окажется больна.

– А Белль была больна?

– Она была другой. Я не знала, болезнь ли это. Всегда недовольна. Все время плакала, когда была младенцем, а когда стала старше, пошли страшные приступы гнева.

– Это нормально.

– Она ломала вещи, лгала мне в лицо, отрицала, что это она. Я не могла спать, не могла есть.

– Ты ходила к врачу?

– Врач сказала, что у меня депрессия. Что Белль это перерастет. Но потом Чарли тоже перестала слушаться. Такого с ней никогда не было. Она говорила, что Белль велит ей поступать плохо. Всякий раз, как я ругала Белль, она причиняла боль Чарли: кусалась, дралась. Однажды я застала ее, когда она играла с моими сигаретами и спичками. Шлепнула ее по ногам. А потом, когда развешивала белье на улице, почуяла запах дыма. Белль выскочила из дома. Чарли была наверху, у окна спальни. Я думала, что потеряла ее. – Голос Лекси надламывается, и мне ее почти жалко, но потом я вспоминаю, как она возмущалась, когда я спрашивала ее о пожаре, который помнила Чарли. Как лгала мне в лицо. Как она убедила Чарли, что у той сверхактивное воображение, что все ее воспоминания – просто плод фантазии. – Тогда вмешалась социальная служба. Поместила Белль на временное воспитание в другую семью, чтобы дать мне передышку, но без нее оказалось настолько легче. Чарли стала счастливее. Я стала счастливее.

Я отказалась забирать Белль обратно. Постаралась представить, что ее никогда не существовало. Всякий раз, как Чарли о ней упоминала, я говорила, что Белль была ее воображаемой подружкой, а не реальной девочкой.

– Не могу поверить, что она на это купилась.

– Ты помнишь себя в четыре года?

– Нет, – говорю я, подумав.

– У детей короткая память, они верят в то, во что ты хочешь, чтобы они поверили.

– Так что, когда Анна вышла с тобой на связь...

– Это был такой чертов шок. Я запаниковала. Не знала, что делать. Как сказать Чарли, что я все эти годы скрывала от нее сестру? Я старалась напиваться до бесчувствия.

– Думаю, тогда Анна, не получив ответной реакции, впутала меня. Помнишь те письма, что я получала?

Следует молчание. Вздых.

– Они были не от Белль.

– От Чарли? – Мой ужас нарастает. «Я совершила нечто ужасное». Как она могла?

– Нет, – качает головой Лекси. – Они были от меня.

– От тебя? – Я отшатываюсь, словно она меня ударила.

– Пожалуйста, прости меня, Грейс.

– Ты? Ты прислала мне коробку с собачьим дерьмом? Почему? – Меня трясет от ярости, и я сажусь на руки, чтобы не вцепиться в ее всклокоченные волосы и не выдрать их все до единого.

– Я тогда находилась в таком чертовом раздрае. Во время празднования твоего восемнадцатилетия вы пришли в мою комнату, когда я лежала в отрубе на кровати. Я слышала, как ты говорила Чарли, что сможешь ей разыскать отца, подначивала ее, и запаниковала. Только этого мне не хватало. Я подумала, что если отвлеку тебя, то ты об этом забудешь. Но ты не забыла. Все эти разговоры про шоу Джереми Кайла. Про «девочку из класса, которая нашла отца». Ты что, думала, я дура? После первого письма я не могла остановиться. Ситуация вышла из-под контроля. Я не хотела, чтобы Чарли с ним встречалась. Чтобы узнала, что у нее, возможно, есть болезнь, которая может ее убить. Чтобы заглянула в свидетельства о рождении и узнала о Белль. Я не хотела, чтобы она меня ненавидела. Я так ее любила. Но я же и согнала ее с места.

– Почему она уехала? *Что ты сделала?!* – Теперь я уже кричу, но мне наплевать.

Лицо у Лекси бледно, как смерть, щеки ввалились. На верхней губе выступили бисеринки пота. Я рада, что она выглядит так же плохо, как я себя чувствую.

– Чарли убирала в шкаф мои туфли после новогодней вечеринки и нашла незаконченное письмо, которое я составляла, чтобы послать тебе, изрезанную газету и клей. Она была безутешна. Я пообещала, что перестану это делать. Умоляла ее никому не говорить. Она сказала, что не выдаст меня, и я решила, что все будет в порядке, но потом умерла Шиван.

– Она не просто умерла, а умерла от передозировки, потому что была так одинока. Ведь мы винили за письма ее. Никто с ней не разговаривал. Те наркоманы были ее единственными друзьями.

– Чарли сказала, что Шиван осталась бы в живых, если бы я не посылала тех писем. Она была в ярости. Я панически боялась, что может произойти, если к делу привлекут полицию и правда выйдет наружу. Я умоляла Чарли пообещать, что она никогда никому не расскажет, особенно тебе, Грейс.

– Она ненавидела лгунов. Ты превратила ее в лгунью.

– Она не хотела лгать, хотела рассказать тебе правду, но я заявила, что ей придется выбирать. Ты или я. И она пообещала, что никогда тебе не расскажет, но сказала, что не может оставаться дома. Не может на меня смотреть. Не может смотреть тебе в глаза.

«Пожалуйста, прости меня, Грейс. Я совершила нечто ужасное». Обещание, которое она дала... Секрет, который хранила. Как могла я хоть на миг подумать, что это она посылала письма?

– Ты отвратительна.

– Я знаю, Грейс, но я...

Она протягивает ко мне руку, но я ее отталкиваю.

– Не смей до меня дотрагиваться!

– Хорошо. – Следующие несколько минут мы проводим, погруженные в свои мысли.

– Давай отсюда выбираться, – говорит Лекси.

– Ох, я об этом и не подумала. Что бы я без тебя делала?

– Не надо так, Грейс. Это тебе не идет. Нам надо придумать план. Вместе.

В комнате стоит тишина, нарушаемая лишь стуком каблучков Анны, которая там, внизу, перемещается по кухне.

– Что же нам делать? – спрашиваю я. – Мы не можем сломать деревяшку. Никто не услышит наших криков. Я не смогла вскрыть замок...

– Вскрыть замок?

– Смотри. – Я вытаскиваю из-под подушки заколку.

Лекси выхватывает ее у меня.

– Я уже пробовала.

– Тут нужно особое искусство. – Высунув от напряжения кончик языка, Лекси вставляет заколку в замок своего ножного браслета и поворачивает. – Готово. – Лекси расстегивает браслет, освобождает лодыжку. – Даже с одной рукой я не потеряла сноровки, – широко улыбается она, и я невольно тоже улыбаюсь.

– Расстегни мой. Быстро.

Лекси наклоняется над моей ногой, неловко возится с заколкой. Слышится щелчок, и когда давление на лодыжку ослабляется, я чуть не плачу от облегчения.

– Пошли.

Но на лестнице гремят шаги, и дверь спальни начинает отворяться.

Глава 47

Настоящее

Лекси опускает ноги на пол, но я, нахмурившись, хватаю ее за руку.

– Нож, – шепчу я. – Надо подождать. – Лекси кивает, быстро закидывает ноги в кровать, и я прикрываю наши ступни одеялом, надеясь, что Анна не станет проверять кандалы. При виде входящей в комнату Анны пульс мой начинает галопировать. Я чувствую, какое напряжение исходит от Лекси, и молю Бога, чтобы она не сделала ничего опрометчивого. Анна ставит на туалетный столик поднос, потом одной рукой вынимает нож, а второй берет миску.

– Паста. – Она вручает еду Лекси, отходит и приносит вторую миску мне.

Запах пармезана и чеснока ударяет в ноздри, и желудок сжимается. На комковатом фарше капельки жира.

Анна придвигает стоящий перед туалетным столиком табурет к двери и усаживается на сиденье с цветочным рисунком. Я была в восторге, когда обнаружила этот табурет в маленьком магазине подержанных вещей на главной улице. Я целую вечность провела, ошкуривая его ножки и покрывая их лаком, а потом выбирала обивку сиденья в универмаге «Джон Льюис». Теперь мне хочется его сжечь.

Анна берет третью миску и вилкой отправляет спагетти в рот.

– Ешьте, – бормочет она.

Я беру миску. Накручиваю спагетти на вилку. Даю себе слово, что, если когда-нибудь отсюда выберусь, никогда больше не буду есть пасту.

– Я не собираюсь есть, сволочь! – Лекси швыряет миску через комнату. Миска падает, не долетев до Анны. Томатный соус впитывается в поврежденный дымом ковер.

– Ты. Просто. Не можешь. Быть. Милой. Не так ли? – Анна грохает свою миску на туалетный столик. Зеркало дрожит. Пот струится у меня между грудями.

– Милой? Ты приковала меня к кровати.

– По крайней мере я не отдавала тебя чужим людям. – Рука Анны тянется к ножу, пальцы охватывают черную рукоятку.

– Наконец-то она дошла до сути, – говорит Лекси. – Чего ты хочешь? Извинений? Я извиняюсь, довольна?

– Я хочу... – Дыхание Анны делается прерывистым. – Я хотела поесть вместе со своей мамой. А теперь все испорчено. – Она поднимает нож. Я подтягиваю колени, готовая прыгнуть на защиту Лекси, но Анна вонзает лезвие в собственное бедро, вспарывая кожу. Кровь окрашивает белые шорты Чарли в темно-красный цвет. До меня доходит, что все шрамы, которые я видела на теле Анны в спа, должно быть, нанесены ею самой.

– Белль!

Анна поднимает нож. Наносит себе новую рану, на ноге образуется идеальный крест. Лицо у нее такое же белое, какими были шорты.

– Белль, не надо. Прости, – умоляющим голосом произносит Лекси.

– Почему ты меня не любила? – в отчаянии говорит Анна, и как бы мне ни хотелось ее ненавидеть, я невольно чувствую к ней жалость.

– Я тебя любила. Люблю. Я думала, так будет лучше. – Голос у Лекси дрожит. – Думала, у тебя будет лучшая жизнь.

– Почему отдала меня, а не ее? Что я сделала такого ужасного?

Лекси тянется ко мне и берет за руку. Ладонь у нее холодная и влажная.

– Я не знаю. Прости. Не могла я справиться с вами двумя.

– Никто не мог со мной справиться.

– Это твои приемные родители погибли? – спрашиваю я.

– Погибли?

– В машине, по дороге к морю?

– Я сочинила это, чтобы ты пожалела меня. Не было никаких приемных родителей. Меня тыркали туда-сюда. «О, Белль такая неуправляемая». «О, Белль дурно влияет». К двенадцати годам от меня все отказались – они хотели сладеньких. Я жила в интернате. Чертов Оливер Твист. Знаешь, какая гнетущая атмосфера в этих заведениях? Единственная вещь, которая у меня была, это фотография, что ты оставила. Мы на ней выглядели такими счастливыми: ты, я и Чарли. Я каждую ночь клала ее под подушку. Не могла понять, что пошло не так.

– О, Белль, – говорит Лекси. – Я облажалась. Знаю. Но это не выход – держать нас здесь.

– Это единственное, что я могла придумать, чтобы заставить тебя слушать. Годами единственное, что поддерживало меня на плаву, была мысль, что, когда мне исполнится восемнадцать, я смогу найти тебя, мама. И мы вместе сможем найти Чарли. Но Чарли всегда была с тобой. Ты ее оставила. Вы прекрасно проводили время, пока я...

– Не проводила я время прекрасно. Я отдала тебя, потому что у меня была депрессия...

– И через восемнадцать лет тоже? Почему ты не отвечала на мои письма?

– У меня был шок.

– Я тебя ненавидела, хотела причинить тебе боль, заставить тебя страдать, заставить...

– Почему ты этого не сделала? – вмешиваюсь я. – Ты прервала контакт на шесть лет. Почему?

– Потому что я перестала в ней нуждаться. У меня появилась своя семья. Люди, которые меня любили.

– У тебя есть семья?

– Я вышла за парня из интерната, за Сэма. Мы были так счастливы. У нас была квартира. И не муниципальная. Первый этаж, с палисадником. Я устроила альпинарий, посадила кое-какие травы. – Анна застывшим взглядом смотрит вдаль, словно видит что-то, чего не видим мы. – Сэм хотел завести пруд с рыбками, но мне очень хотелось котенка. Однажды он принес мне его. Он всегда мне уступал. Кошечка была черной, с белыми лапками. Мы называли ее Сокс. Он так и не завел пруд, боялся, что она съест рыбок.

– Похоже, он был милым, – говорю я, стараясь, чтобы мой голос звучал мягко.

– Да. Мы копили на собственный дом. Квартира была недостаточно большой, особенно когда появился Лукас. – Анна закрывает глаза.

– Лукас? – Лекси изо всей силы сжимает мне пальцы – я даже боюсь, что треснут кости.

– У нас было так много игрушек. Почти не оставалось свободного места. Я все время покупала ему что-нибудь, не могла остановиться. Сэм меня отчитывал. Мы ведь должны были копить деньги, но я так любила Лукаса. Я хотела, чтобы у него было все, чего не было у меня.

– Что произошло, Анна? Где Лукас? – спрашиваю я, уже зная ответ. Лекси сжимает мне руку. Я чувствую ее дрожь.

– Мы купались. – Голос Анны слаб и сдавлен. – Он обожал воду. Я сажала его в оранжевый круг в виде утки, а он дрыгал ногами и хохотал как сумасшедший. По дороге домой он уснул в автобусе. Я перенесла его в кровать. Включила видеоняню. Мне показалось, я закрыла дверь. Пошла вниз и стала гладить, но почувствовала усталость. Я все время чувствовала усталость. Легла на диван и закрыла глаза. Проснулась, только когда пришел Сэм. Я запаниковала, когда увидела, как уже поздно. Лукас никогда не спал днем больше часа. – Анна останавливается, и я жду затаив дыхание. – Я побежала к нему в комнату. Он лежал такой неподвижный.

Мой чудесный мальчик. Сокс мурлыкала в кроватке рядом с ним. Сэм стал кричать, что кошке не место в детской. Он забрал Лукаса из колыбельки – тот обвис у него в руках – и стал дышать ему в рот, но... – Лицо Анны застывает в муке. Она тяжело дышит. – Они забрали его. Я не хотела, чтобы его забирали.

Лекси закрывает рот руками, но не может сдержать страдальческого крика.

– Это была моя вина. Надо было быть более внимательной. Сэм меня бросил. – Содрогаясь всем телом, Анна причитает: – Все меня бросают. Я просто хотела к своей матери. Мне просто нужна была моя мать.

Нож падает на пол – это Анна закрывает лицо руками. Она раскачивается назад и вперед, завывая, как раненое животное.

– О моя бедная малышка! – Лекси выскальзывает из кровати. Падает на колени перед Анной, срывает перевязь и обвивает дочь руками. – Я здесь, Белль, я здесь.

– Мама.

– Ш-ш. Ты была не виновата. Это просто генетика – есть такое заболевание, генетическое. Оно было у Чарли, могло быть у тебя, ты могла передать его дальше. Ты ничего не могла бы сделать.

– Генетика? Значит, это ты виновата? **ТЫ УБИЛА МОЕГО РЕБЕНКА!** – кричит Анна, надвигаясь на Лекси, и Лекси валится навзничь.

Я чувствую себя подвешенной, словно марионетка, что была у меня когда-то: с туго натянутыми нитками, неспособная двигаться самостоятельно. Лекси вскрикивает, и я вспоминаю слова Дэна: «Ты можешь сделать все». Я отбрасываю одеяло, выскакиваю из постели. Неловко приземляюсь, и боль раздирает левую лодыжку – ту, что я вывихнула во время гонки с Чарли. Я неуклюже распластываюсь на полу. Лодыжку жжет, и на секунду я возвращаюсь в тот день. Лежащая на земле Чарли. Страх. Паника.

А затем я хватаюсь за ящики комода, заставляю себя подняться, надвигаюсь на Анну. Ее пальцы стискивают рукоятку ножа, и я бросаюсь вперед, хватаю ее за запястье. Лезвие сечет меня по ляжке, и я ощущаю его давление, но не ощущаю никакой боли и с удивлением замечаю, как на пижамных брюках образуется темно-красная полоса. Я хватаю рукоятку ножа поверх пальцев Анны и не отпускаю, только делаю шаг назад, когда лезвие вторично со свистом рассекает воздух.

– Все хорошо, родная. – Лекси вцепляется в Анну, точно детеныш обезьяны, обвивающий руками материнскую шею. – Мама с тобой.

– Мама. – Пальцы у Анны слабеют, и рыдания сотрясают тело. Я

отбираю у нее нож. Хромаю вниз по лестнице, чтобы найти телефон.

Эпилог

Пять месяцев спустя

Я закрываю глаза и перебираю пальцами клавиши, по памяти играя «Лунную сонату» Бетховена. Это было одно из любимых папиных произведений. Я еще не добралась до конца, когда раздается звонок в дверь, и я закрываю крышку пианино и заставляю себя встать.

– Доброе утро! Положить это прямо к тебе в машину? – Лекси гремит старой коробкой из-под чипсов, которую держит в руках.

– Будь добра. Моя уже там. – Я направляю пульт на новенькую «Хонду», багажник со щелчком открывается.

Мои новые соседи садятся в свою машину, и я машу им: она парамедик, он полицейский. Я нахожу это утешительным, хотя надеюсь, что мне никогда не понадобятся их профессиональные навыки. Миссис Джонс живет теперь со своей дочерью, но я часто ее навещаю.

Моя сумка в гостиной, и я забираю ее. Глажу черно-белого котенка, свернувшегося на теплом табурете перед пианино.

– Пока, Моппет. Я скоро вернусь. Веди себя хорошо.

Закидываю вещи на заднее сиденье машины. Поворачиваюсь к Лекси.

– Ты справишься одна? – спрашивает она.

– Да.

– Белль вчера о тебе спрашивала.

– Как она?

Лекси часто ходит в больницу к Анне, но я не хочу ее видеть. Пока не хочу. Может, не захочу никогда.

Я пытаюсь простить Лекси. Она получает психологическую помощь, перестала пить, пытается загладить прошлую вину. Старается быть хорошей матерью. Я же стараюсь не думать о том, насколько по-другому все могло бы сложиться, если бы она не посылала тех писем. Если бы Чарли не уехала. «Нельзя жить в прошлом», – говорит бабушка, а я осознаю, что именно там провела большую часть времени. Провела в сожалениях, что все сложилось так, а не иначе. Провела, обвиняя себя. Мысль о том, что я могла умереть, перебросила меня в настоящее, и здесь я стараюсь и оставаться. Есть многое, ради чего мне стоит жить.

– Пребывает в состоянии сумеречного сознания. Она сейчас принимает новый препарат, но вчера впервые согласилась поговорить с

психологом. Это начало.

Мне хочется обнадежить Лекси. Сказать ей, что Белль поправится, но слова застревают в горле. Я знаю, как горе может скрутить и изменить человека, нагрузить на плечи невидимый камень вины. Я даже боюсь себе представить ужас потери ребенка.

Я кладу руки на живот, резко вдыхаю.

– Все нормально? – спрашивает Лекси.

– Он лягается.

– Он?

– Угу. Вчера провели еще одно ультразвуковое исследование. Это точно мальчик.

– Держу пари, Дэн доволен.

Я киваю. Никак не предполагала, что снова увижу Дэна после того, как он приходил в квартиру Эсме, но поскольку дурнота, захлестнувшая мое тело, не проходила, врач предположил, что, возможно, это не просто тревожность, и оказался прав. Я ощущаю новый толчок детского локтя или ноги и меняю позу. Дэн был в восторге, когда я ему сказала. Он тут же сделал мне предложение и вообще с тех пор делает мне предложения каждую неделю, но мне пока что хорошо одной. Жизнь в одиночестве принесла свободу, покой, которых я себе не представляла. Я сбросила всепоглощающее чувство потери, которое окутывало меня больше половины жизни, и я счастлива. Я не уверена, будем ли мы с Дэном когда-нибудь снова вместе – слишком уж много воды утекло, – но мы друзья и настроены быть хорошими родителями, а это начало.

– Мы выбрали имя.

– Выкладывай.

– Чарли.

Лекси кивает, стараясь сдержать слезы. Сжимает мою руку.

– В добрый час.

Я залезаю в машину и натягиваю ремень безопасности поперек своего постоянно растущего животика.

На шоссе спокойно, и спутниковый навигатор говорит мне, что я буду на месте через час. Я включаю радио. Из колонок гремит песня группы «Электрик лайт оркестра» «Мистер голубое небо», и я улыбаюсь, с нежностью думая о своем отце, и прибавляю звук. Подпеваю: «Это новый прекрасный день, ура, ура».

Кажется, я приехала. Сворачиваю на грунтовую дорогу, машина, подсакивая, подъезжает к фермерскому дому, останавливается позади

«Вольво» с кузовом-универсал. Черно-белая собака обнюхивает мне ноги, машет хвостом. Я толкаю дверь.

– Вы, должно быть, Грейс. – Знакомые зеленые глаза встречаются с моими.

У него седые волосы и борода, но сходство с Чарли поразительное.

– Пол Лоусон, – улыбаюсь я.

Я продолжала размещать сообщения в социальных сетях и уже начала терять надежду когда-нибудь его найти, но вдруг получила ответ. Лекси сначала разозлилась, но в конце концов признала, что он имеет право знать о своих дочерях, и провела несколько часов, разговаривая с ним по телефону, пытаясь объяснить. Он был, конечно, в ярости, потрясен и разочарован, когда узнал о Чарли, о Лукасе. На следующей неделе Пол собирается познакомиться с Анной, то есть с Белль, – мне надо привыкнуть называть ее так. Но сегодня я здесь ради Чарли.

Пол приносит из машины коробки, ставит их на большой деревенский стол. Я стягиваю свитер – в комнате тепло из-за большой железной печи – и распаковываю стопки фотографий и видеокассет, вытаскиваю пластиковый контейнер с кексом.

– Моя бабушка испекла, – поясняю я. – Потому что сегодня Чарли исполнилось бы двадцать шесть лет.

Я привезла с собой старый дедушкин видеомэгнитофон. На тот случай, если у Пола нет своего, но видеомэгнитофон стоит у него в кухне, и рядом с ним – стопка видеокассет с шоу комик-группы «Монти Пайтон».

Пол вставляет кассету. Она жужжит, потрескивает, и экран засыпает метелью, а потом появляется изображение, сперва нечеткое, но потом оно проясняется. Снято на школьном конкурсе талантов. Чарли на сцене в серебристом блестящем трико, розовых колготках и фиолетовых гетрах. Она движется по сцене в дискотанце, высоко задирая ноги и изо всех сил тряся плоской грудью.

– Вижу, она была не из робких!

– Да еще как. Мы с ней должны были танцевать вдвоем, но я тряслась за кулисами. Она победила.

На мгновение экран делается голубым, а затем появляется картинка, где мы с Чарли на пляже, строим гигантский катер из песка.

– Она всегда ездила с нами на каникулы, – говорю я Полу. – Она была счастлива.

Мы и смеемся, и плачем, просматривая празднования дней рождения и рождественских торжеств, охоту за пасхальными яйцами и пикники. И когда все уже просмотрено, я зажигаю свечи на кексе, и мы поем «С днем

рождения» девушке, которая, задувая такие свечи, больше всего на свете хотела, чтобы ее отец был рядом. А сейчас он задувает их вместо нее, и глаза у него блестят от слез.

Мы нашли его, Чарли. Мы нашли его.

ПИСЬМО ОТ ЛУИЗЫ

Привет!

Не знаю, как благодарить вас за то, что прочли мой дебютный роман «Сестра». Так головокружительно и страшно посылать свою первую книгу в большой мир, и я по-настоящему благодарна, что вы решили провести драгоценное время с Грейс и Чарли.

«Сестра» начала свою жизнь, когда в писательской группе я получила задание в виде десяти минут и трех слов, и появились наброски первой главы. Когда я ехала домой, голову переполняли вопросы: «В чем состоял секрет Грейс?», «Как умерла Чарли?», «Что было в розовом конверте?».

В ту ночь сон не шел ко мне, потому что Грейс топала ногами и требовала рассказать ее историю, и на следующий день, подавляя зевоту, я неуверенно взялась за перо, исследуя последствия лжи Лекси.

Я бы очень хотела услышать ваше мнение. Прониклись ли вы в конце концов сочувствием к Анне? Милосердием к Лекси? Стоит ли Грейс дать Дэну второй шанс?

Я ужасно стесняюсь упоминать о рецензиях (об отзывах), но они так важны, поэтому, если вам понравилась «Сестра» и могли бы оставить рецензию, то это имело бы для меня большое значение.

Вы можете также связаться со мной через мой блог, где я регулярно помещаю малую прозу и раскрываю сущность писательской жизни.

И, наконец, я очень надеюсь, что вы заинтересуетесь моей второй книгой. Если вы хотели бы узнать больше, пожалуйста, присоединяйтесь к моему адресному списку рассылки электронных почтовых сообщений:

www.bookouture.com/louisejensen

С любовью,

Луиза.

ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

Мне нужно поблагодарить столько людей, что трудно понять, с кого начать. Во-первых, большая-пребольшая благодарность всей команде издательства «Bookouture», в особенности моему редактору Лидии Вассар-Смит за то, что поверила в меня и дала мне этот шанс. А также Наташе Ходжсон и другим авторам «Bookouture», которые оказали мне такую сказочную поддержку.

Благодарю Луизу Уолтерс, мою наставницу из потрясающего проекта «WoMentoring», чья поддержка дала мне уверенность попробовать написать роман.

Благодарю сообщество блогеров «Wordpress» за их доброжелательную критику и возможность для меня развиваться как писатель, в особенности благодарю Лин Черчард (она знает почему!).

Благодарю Мика Роддена из Нортгемптонширской пожарной службы за его ценный вклад в сцену пожара и сцену в больнице. Любые ошибки полностью на моей совести.

Благодарю Эндрю Локхарта за его мудрые слова, Гэри Типпинга за то, что помог мне не потерять хладнокровия на заключительном этапе, и Джейн Айзак за то, что всегда была готова отвечать на мои лихорадочные вопросы по телефону.

Благодарю моих первых читателей Ли Джи, Джери Уикенс, Мишель Харрис и Карен Коулс, а также Ли Харриса за профессиональные навыки в чтении корректуры.

Благодарю Мика Уинна, с которым я обменивалась многочисленными идеями. На самом деле я думаю, что он в итоге прочел мою рукопись гораздо большее количество раз, чем я сама.

Благодарю прекрасную Бекки Бриджес, которая помогла мне придать форму концовке.

Благодарю мою милую подругу Натали Брюин, которая с радостью читала ранние версии и не раз слушала мое детское хныканье.

Благодарю мою сестру Карен Эплбай за ее (часто безжалостное) мнение и мою маму за то, что произвела на свет нас обеих!

Благодарю Тима, возможно, самого терпеливого мужа на свете, который никогда не жаловался, когда ему приходилось по первому требованию отвозить ребенка в школу и забирать обратно или соображать обед, пока я дописывала «еще только одну страницу». Спасибо за твою непоколебимую веру в меня. Я смогла это сделать!

Благодарю моих изумительных мальчиков Каллума, Кэя и Финли, которые всегда являются движущей силой всего, что я делаю. Я люблю вас и так горжусь всеми вами.

И я благодарю Иена Хоули, который всегда воодушевлял меня во всем, что я когда-либо хотела сделать. Ты всегда говорил мне, что я могу написать книгу. Как жаль, что тебя уже нет здесь, чтобы ее прочесть.

notes

Примечания

1

Mittens – варежки (*англ.*).

«Офстед» – Британское управление по контролю стандартов образования.

3

Стоун – мера веса, равная 6,34 кг.